

ISSN 1563-0285; eISSN 2618-1215

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

# ХАБАРШЫ

Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы

---

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

# ВЕСТНИК

Серия международные отношения и международное право

---

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

# INTERNATIONAL RELATIONS AND INTERNATIONAL LAW JOURNAL

---

№2 (98)

Алматы  
«Қазақ университеті»  
2022



# ХАБАРШЫ

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ  
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ СЕРИЯСЫ №2 (98) маусым



04.05.2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

**Куәлік № 16503-Ж**

*Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады  
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)*

## ЖАУАПТЫ ХАТШЫ:

**Байкушикова Г.С., Ph.D. (Қазақстан)**

E-mail: [mailto:gulnara.baikushikova@gmail.com](mailto:mailto:gulnara.baikushikova@gmail.com)

## РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

**Жекенов Д.К., Ph.D.,** қауымд. профессор – ғылыми редактор  
(Қазақстан)

**Губайдуллина М.Ш., т.ғ.д.,** профессор – ғылыми редактордың орынбасары  
(Қазақстан)

**Байзакова К.И., т.ғ.д.,** профессор (Қазақстан)

**Күкеева Ф.Т., т.ғ.д.,** профессор (Қазақстан)

**Ауған М.Ә., т.ғ.д.,** профессор (Қазақстан)

**Айдарбаев С.Ж., з.ғ.д.,** профессор (Қазақстан)

**Чукубаев Е.С., т.ғ.к.,** доцент (Қазақстан)

**Сайрамбаева Ж.Т., з.ғ.к.,** доцент (Қазақстан)

**Грегори Глиссен (Gregory Gleason), Ph.D.,** профессор  
(АҚШ)

**Аджай Кумар Патнайк (Ajay Kumar Patnaik),** саяс.ғ.д., профессор  
(Үндістан)

**Торстен Бонаккер (Thorsten Bonacker),** саяс.ғ.д., профессор  
(Германия)

**Пьер Шабаль (Pierre Chabal),** саяс.ғ.д., профессор (Франция)

**Курылев К.П., т.ғ.д.,** профессор (Ресей)

**Абдежалил Аккари (Abdeljalil Akkari),** профессор  
(Швейцария)

**Себ Берни (Sebe Berny Christophe Hubert), Ph.D.,** профессор  
(Ұлыбритания)

**Дадабаев Т., Ph.D.,** профессор (Япония)

**Рязанцев С.В., э.ғ.д.,** профессор (Ресей)

**Чунг Тайик (Chung Tayik),** профессор (Корея)

**Шрикант Кондапалли (Srikanth Kondapalli), Ph.D.,** профессор  
(Нью-Дели, Үндістан)

**Пол Фраер (Paul J. Fryer), Ph.D.,** доцент (Йоэнсуу,  
Финляндия)

**Фабьен Боссайт (Fabienne Bossuyt), Ph.D.,** қауымд. профессор  
(Гент, Бельгия)

**Молчанов М.А.,** профессор (Саламанка, Испания)

## ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ:

**Парпиев С.М., Ph.D.** (Қазақстан)

Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясында қазіргі кездегі халықаралық қатынастар мәселелері, әлемдік интеграциялық үдерістер, халықаралық қауіпсіздік мәселелері, халықаралық қатынастар және сыртқы саясат тарихы, халықаралық құқықтың өзекті мәселелері, мемлекетішілік құқық, халықаралық экономикалық қатынастар бағыттары бойынша мақалалар жарияланады.



РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС  
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Science Index

DOAJ DIRECTORY OF  
OPEN ACCESS  
JOURNALS

EBSCO



## Жоба менеджері

*Гульмира Шаккозова*

Телефон: +7 701 724 2911

E-mail: [Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz](mailto:Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz)

## Компьютерде беттеген

*Айгүл Алдашева*

Пішімі 60x84/8. Көлемі 7,0 б.т.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

«Қазақ университеті» баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында  
басылды.

1-бөлім  
**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ  
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

---

Section 1  
**CONTEMPORARY ISSUES OF  
INTERNATIONAL RELATIONS**

---

Раздел 1  
**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ  
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**Е.С. Чукубаев<sup>ORCID</sup>, А.Е. Даркембаев\*<sup>ORCID</sup>**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан  
\*e-mail: darkembayev.alisher@gmail.com

## **ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПРОБЛЕМЫ ГОЛОДА И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В данной статье анализируется влияние пандемии COVID-19 на проблему голода и продовольственной безопасности. Быстрое распространение коронавирусной инфекции нарушило функционирование и без того хрупкой мировой продовольственной системы. До начала пандемии уровень мирового голода рос из-за социально-экономических факторов, стихийных бедствий, военных конфликтов и изменения климата. Проблемы продовольственной безопасности приняли угрожающие масштабы из-за введенных ограничительных мер по предотвращению распространения COVID-19.

В статье рассмотрены уязвимые места современных продовольственных систем и причины возникновения быстрого роста уровня мирового голода. Рассмотрены современные индикаторы голода, которые не способны в полной мере дать адекватную оценку состоянию уровня мирового голода и продовольственной безопасности. Дан обзор финансовой поддержке и мерам по стимулированию экономики со стороны правительства и мировых финансовых институтов. В контексте COVID-19 возникает потребность в совершенствовании технологии обработки почвы, сбора урожая и поставки их на оптово-розничные рынки стран, которые нуждаются в решении проблем продовольственной безопасности. В рамках данной статьи рассмотрена необходимость внедрения зеленой энергетики, которая продиктована нынешним состоянием планеты и совершенствованием систем оценки голода.

**Ключевые слова:** продовольственная безопасность, COVID-19, пандемия, голод, продовольственные системы, экономика, индикаторы голода.

Ye. Chukubayev, A. Darkembayev\*

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan  
\*e-mail: darkembayev.alisher@gmail.com

### **Impact of the COVID-19 pandemic on hunger and food security**

This article analyzes the impact of the COVID-19 pandemic on hunger and food security. The rapid spread of the coronavirus has disrupted an already fragile global food system. Prior to the pandemic, global hunger was on the rise due to socio-economic factors, natural disasters, military conflicts and climate change. Food security problems have taken on alarming proportions due to the introduced restrictive measures to prevent the spread of COVID-19.

The article examines the vulnerabilities of modern food systems and the reasons for the rapid rise in the level of world hunger. The article considers modern indicators of hunger, which are not able to fully give an adequate assessment of the state of the level of world hunger. An overview of financial support and measures to stimulate the economy from the government and world financial institutions is given. In the context of COVID-19, there is a need to improve the technology of tillage, harvesting and supplying them to wholesale and retail markets. Within the framework of this article, the need to introduce green energy is considered, which is dictated by the current state of the planet and the improvement of hunger assessment systems.

**Key words:** food security, COVID-19, pandemic, hunger, food systems, economy, hunger indicators.

Е.С. Чукубаев, А.Е. Даркембаев\*

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан  
\*e-mail: darkembayev.alisher@gmail.com

### **COVID-19 пандемиясының аштық пен тамақ қауіпсіздігіне әсері**

Бұл мақалада COVID-19 пандемиясының аштық пен азық-түлік қауіпсіздігіне әсері талданатын болады. Коронавирус індетінің тез таралуы онсыз да нәзік жаһандық азық-түлік жүйесін түбегейлі бұзды. Пандемияға дейін әлеуметтік-экономикалық факторларға, табиғи

апаттарға, әскери қақтығыстарға және жаһан бойынша ауа-райының өзгеруіне байланысты бүкіл әлемде аштық күшейе түсті. Азық-түлік қауіпсіздігі проблемалары COVID-19 дерті таралуын болдырмау үшін енгізілген шектеу шараларына байланысты алаңдатарлық деңгейге жетті десе болады.

Мақалада қазіргі заманғы азық-түлік жүйелерінің осал тұстары мен әлемдік аштық деңгейінің тез өсуінің себептері қарастырылатын болады. Дүниежүзілік аштық пен азық-түлік қауіпсіздігі деңгейінің жай-күйіне толықтай барабар баға бере алмайтын аштықтың заманауи көрсеткіштері кеңінен талқыланады. Үкімет пен әлемдік қаржы институттары тарапынан қаржылық қолдау мен экономиканы ынталандыру шараларына шолу жасалады. COVID-19 жағдайында азық-түлік қауіпсіздігі мәселелерін шешуді қажет ететін елдердің көтерме және бөлшек сауда нарығына оларды өңдеу, жинау және жеткізу технологиясын жетілдіру қажеттілігі туындап отырғаны мәлім. Осы баптың аясында планетаның қазіргі жағдайы және аштықты бағалау жүйесін жетілдіру талап ететін жасыл энергияны енгізу қажеттілігі жан-жақты қарастырылады.

**Түйін сөздер:** азық-түлік қауіпсіздігі, COVID-19, пандемия, аштық, тамақ жүйелері, экономика, аштық көрсеткіштері.

## Введение

Во время всемирного саммита по продовольственной безопасности, который прошел в 1996 году в Риме, страны участницы взяли на себя обязательства вдвое сократить уровень голода до 2015 года. Прогресс в достижении данной цели измерялся двумя основными показателями: количеством детей с недостаточным весом и долей населения, которая недополучает необходимый суточный минимум калорий для нормального функционирования организма, расчеты данных показателей производились со стороны Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (далее – ФАО). Многие ставят под сомнение способность ФАО адекватно оценивать уровень мирового голода (Svedberg, P., 2000), поэтому было предложено несколько других индексов для оценки масштабов недоедания, например, Глобальный индекс оценки уровня голода Welthungerhilfe, IFPRI, Concern и индекс голода Action Aid. Наличие нескольких индексов приводят к путанице, потому что они дают разные цифры об уровне мирового голода. Есть две основные причины существования нескольких индексов. Во-первых, голод – это нечеткое понятие, которое можно определять и трактовать по-разному. Во-вторых, измерение уровня голода может быть политизировано и трактоваться разными странами в свою пользу и выгоду.

Словарное определение понятия голода указывает на «неприятное и болезненное ощущение, вызванное недостатком пищи» (Oxford, 1999). Это ощущение трудно измерить и дать ему количественную оценку. Кроме того, акцент на ощущениях отвлекал бы внимание от причин и последствий голода, таких как низкий

уровень здоровья, низкая производительность, плохое физическое и когнитивное развитие (Dreze, J., Sen, A., 1989). Голод, как и другие нечеткие понятия, такие как бедность и достаток, можно определить либо по его причинам, либо по последствиям. В социальных науках принято описывать нечеткие концепции только по их последствиям. Например, показатели бедности основаны не на детерминантах (доходы и активы), а на их последствиях (расходы). Точно так же образование измеряется уровнем грамотности, а не посещаемостью школы или их наличием. В концепции измерения уровня голода основное внимание необходимо уделять недостатку продовольствия и продуктов питания в рационе среднестатистического человека.

Другой, менее популярный подход к измерению уровня голода основан исключительно на его последствиях. Всемирная организация здравоохранения ежегодно публикует данные о нарушении физического роста среди детей в развивающихся странах, но при этом не учитываются другие последствия, такие как заболеваемость и смертность, плохое умственное развитие и низкая экономическая производительность. Помимо концептуальных причин, индексы голода различаются, потому что они построены с разными политическими целями. Данные индексы для разных стран рассчитываются по-разному, так как на основе этих показателей идет распределение бюджета между секторами; распределение финансовой помощи между странами и выделение средств на борьбу с конкретными проблемами. Отсюда вытекает проблема достоверности данных, с целью недофинансировать либо получить больше, чем требует решение проблемы.

Определение понятия голода и современных индексов оценки голода вызывают много вопро-

сов. На данный момент индекс должен иметь ряд технических свойств. Он должен уметь резюмировать информацию о данном явлении; он должен быть чувствительным к распределению помощи среди населения, то есть результаты должны быть видны; он должен уметь фиксировать и прогнозировать как краткосрочные, так и долгосрочные последствия; и он должен быть основан на надежных данных и достоверных данных. В условиях пандемии COVID-19 данные индексы должны в режиме реального времени или минимальной задержки отслеживать уровень голода в разных уголках нашей планеты для оказания своевременной помощи людям, оказывавшимся в бедственном положении. Данная мера необходима для недопущения дальнейшего роста уровня мирового голода.

На данный момент все большее число стран сталкиваются с быстро растущим уровнем голода и отсутствием продовольственной безопасности. До начала пандемии COVID-19 уровень мирового голода рос из-за социально-экономических факторов, стихийных бедствий, военных конфликтов и изменения климата. С началом распространения пандемии проблемы продовольственной безопасности и темпы развития мирового голода приняли угрожающие масштабы. Основным фактором, который повлиял на быстрый рост вышеназванных показателей, стал общий мировой карантин. Мера, предпринятая правительствами практически всех стран, привела к серьезному росту числа голодающих людей из-за отсутствия работы и ограничения мирового транспортного потока.

COVID-19 на сегодняшний день является главной угрозой продовольственной безопасности. До наступления пандемии миллионы людей по всему миру уже страдали от недоедания и, если не будут приняты немедленные меры, мы можем стать свидетелями продовольственной катастрофы в мировых масштабах. Без слаженных скоординированных действий со стороны правительств всех стран, есть вероятность, что нарушится мировая цепочка поставок. Такое нарушение может привести к серьезным последствиям, который вызовет рост голодающих людей до невиданных ранее масштабов.

В рамках 17 принципов устойчивого развития ООН ликвидация голода значится как вторая основная мировая проблема. Все усилия по борьбе с голодом, которые были предприняты до начала пандемии были практически сведены к нулю. Никто не мог спрогнозировать такой

сценарии развития и поэтому последствия мирового карантина и остановки экономических процессов будут ощущаться ближайшие несколько лет. Решение возникшего кризиса требует от человечества командной работы в различных секторах экономики для минимизации последствий мирового карантина.

### **Материалы и методы исследования**

Материалы, которые использовались в данном исследовании, были взяты исключительно из открытых источников. В ходе исследования использовались как первичные (официальные документы), так и вторичные источники (научные статьи, отчеты международных организаций). В данной статье был использован метод инструментального наблюдения за событиями, которые стали причиной резкого развития голода и катализатором всех происходящих событий, связанных с мировой продовольственной безопасностью.

### **Литературный обзор**

Проблема голода на данный момент носит повсеместный характер. Так, в оксфордском словаре 1999 года, понятие голод указывает на «неприятное и болезненное ощущение, вызванное недостатком пищи». Это ощущение трудно измерить и дать ему количественную оценку. В трудах Dreze J., Sen A. говорится, что акцент на ощущениях отвлекал бы внимание от причин и последствий голода, таких как низкий уровень здоровья, низкое физическое и когнитивное развитие. Помимо основных факторов, которые являются причиной развития голода на земле, существуют более глубокие и структурные проблемы в мировой продовольственной системе, описанные в трудах Schmidhuber, J. and Qiao, V. Исходя из отчета FAO за 2020 год, серьезные угрозы для продовольственной безопасности будут исходить из таких факторов как: падение глобального спроса на различного рода агрокультуры, перебои в поставках и росте цен на логистику. В отчете ООН от 2020 года, генеральный секретарь объявил: «Глобальный план гуманитарного реагирования на COVID-19». Данный план был направлен на сохранение покупательской способности наиболее уязвимых слоев населения. Он также направлен на поддержание непрерывности цепочки поставок товаров первой необходимости.

*Негативное влияние COVID-19 на глобальную продовольственную безопасность*

На сегодняшний день мы сталкиваемся с беспрецедентным случаем возможной продовольственной катастрофы. Вспышка пандемии и меры контроля, которые были приняты практически во всех странах, являются корнем всех возникших и возникающих проблем. Военные конфликты, социально-экономические факторы, явления природного характера можно посчитать дополнительной нагрузкой, которая мешает решить извечную проблему голода в развивающихся и в не развитых странах. Помимо всего этого существуют глубокие структурные проблемы в системе мировой продовольственной безопасности, которые уже невозможно игнорировать в сложившейся ситуации. Надвигающийся продовольственный кризис не будет схож с тем, который возник в 2008 году в результате стихийных бедствий, человеческой халатности и конфликтов, длившихся на протяжении последних пятидесяти лет (Schmidhuber, J. And Qiao, B., 2020).

Серьезные угрозы для продовольственной безопасности будут исходить из таких факторов как: падение глобального спроса на различного рода агрокультуры, перебои в поставках и рост цен на логистику (FAO, 2020). Одной из важнейшей проблем с доступом к продовольствию со стороны населения является потеря основных источников дохода в связи с введением карантинных мер по предотвращению распространения COVID-19. В совокупности данные факторы приведут к росту цен на базовые продукты питания необходимые для нормального функционирования человеческого организма. Такие товары как фрукты, овощи, мясо рыба и молочная продукция очень уязвимы к любым нарушениям логистических цепочек так как они являются скоропортящимся продуктом. Даже после постепенного открытия границ между странами и введения определенных правил помогающих замедлить темпы распространения вируса, проблема логистика все еще не решена.

В случаях, когда фрукты и овощи, мясо и рыба, молочные продукты из-за проблем с логистикой не попадают на оптовые и розничные рынки, производители несут серьезные убытки. В следствии данных факторов возникает проблема в виде нехватки средств для подготовки к новому сезону, что уменьшит количество товара, который производитель сможет произвести и реализовать в следующем году.

Опираясь на опыт, вызванный вспышкой вируса Эболы в 2014 году, можно сказать, что карантинные меры вызвали проблемы при сборе и транспортировке урожая на оптовые и розничные рынки. В связи с этим доходы малого и среднего бизнеса в сфере производства скоропортящихся продуктов питания резко упали (FAO, 2016). Для предотвращения подобных последствий правительствам стран необходимо предпринять меры по поддержке и финансированию уязвимых категории малого и среднего бизнеса.

Признавая необходимость немедленного реагирования для предотвращения возникающей чрезвычайной ситуации, генеральный секретарь ООН объявил: «Глобальный план гуманитарного реагирования на COVID-19» (UN, 2020). Данный план направлен на сохранения покупательской способности наиболее уязвимых слоев населения. Он также направлен на поддержание непрерывности цепочки поставок товаров первой необходимости.

*Уязвимые слои населения*

Наиболее уязвимая часть населения к продовольственному кризису в рамках возникшей пандемии, – это те, кто уже относился к данной категории ранее. Более 820 миллионов человек уже были отнесены к группе лиц, которые лишились продовольственной безопасности (FAO, 2019). По данным системы интегрированной классификации этапов продовольственной безопасности (IPC), которая применяется для установления объективных показателей рисков различных проблем человека в области доступа к продуктам и к питанию, 135 миллионов людей находятся в кризисном положении или на грани бедствия (FSIN, 2020).

Мониторинг мировой продовольственной безопасности и оценке на основе моделей, близкие к реальному времени, показывают, что лишение источников доходов вынудили около 45 миллионов человек в период с февраля 2020 года по настоящее время столкнуться с острой проблемой нехватки продуктов питания. Большинство из которых (33 миллиона человек) проживают в Юго-Восточной Азии и в Африке (WFP, 2021).

Множество людей из числа уязвимых слоев населения непосредственно участвуют в производстве продуктов питания или задействованы в работе, которая напрямую связана с цепочками поставок продовольственного товара. Более двух миллиардов мелких производителей, ра-

бочих, которые задействованы в сельхоз работах и их семей пострадали от экономического шока, вызванного ограничительными мерами по противодействию распространения коронавируса. Женщины в среднем составляют около 43% от сельскохозяйственной рабочей силы в развивающихся странах. 79% из них считают сельское хозяйство основным видом деятельности и единственным источником дохода (UN, April 2020). Мигранты и сезонные рабочие, собирающие урожай, во время карантина лишились работы и вынуждены были остаться внутри страны без средств к существованию и без возможности вернуться домой (UN, June 2020).

Меры ограничительного характера не обошли стороной сельскую местность, где доходы людей напрямую зависят от производства скоропортящихся продуктов питания, которые в связи со сложившейся ситуацией и проблем с логистикой не смогли реализовать свою продукцию. Беженцы, которые не имели права легально заниматься трудовой деятельностью вынуждены были голодать и просить помощи у местного населения для частичного удовлетворения своих базовых потребностей в продовольствии. Потеря работы и доходов влияет на способность 200 миллионов рабочих-мигрантов в более чем 40 странах мира совершать денежные переводы для членов своих семей в 125 стран мира. В связи с пандемией и потерей работы объем денежных переводов резко сократился и это привело к тому, что мигранты не заработали и не смогли отправить около 110 миллиардов долларов в свои страны (Ong, R., 2020).

Понимание того, кто действительно страдает от голода и недоедания, позволит создать импульс к реальным действиям. Для того, чтобы спасти жизни необходим достоверный мониторинг и отслеживание людей, которые действительно нуждаются в помощи. На данный момент возникает острая необходимость направлять инвестиции в усовершенствование систем мониторинга и прогнозного анализа. В контексте COVID-19 данная потребность стала более очевидной. Перед IT сообществом стоит большая задача пересмотреть или создать новые алгоритмы, которые позволят отслеживать воздействие вируса на продовольственную безопасность людей в режиме реального времени. Такая мера необходима для того, чтобы руководство стран и различные всемирные организации смогли принимать правильные решения основываясь на достоверные информации для своевременного

предотвращения возникающего кризиса. В связи с неправильной интерпретацией информации и разобщённостью в различных системах сбора данных происходит принятие заведомо ошибочных решений, которые влекут за собой непоправимые последствия.

#### *Экономические последствия*

Этот кризис затронул всех участников продовольственной системы. Малые и средние предприятия в области производства продуктов пострадали из-за ограниченного доступа к рынкам, вынужденного простоя и непредвиденных медицинских расходов.

На сегодняшний день многие страны мира продолжают оказывать помощь населению и бизнесу, но существует высокая вероятность того, что они не охватят в полной мере наиболее уязвимые слои населения. Основное внимание следует уделять целевым мерам, которые смогут охватить малые и средние предприятия, занимающиеся производством продуктом и их поставкой на оптовые и розничные рынки. Финансовым организациям и агробизнесу, которые обслуживают потребности мелких производителей и малых предприятий, необходимо поддерживать их с помощью определенных финансовых инструментов. Они должны иметь возможность предоставлять своим клиентам экстренные кредиты на льготных условиях, различные гранты для поддержания непрерывности производства и так далее.

Многим странам потребуется дополнительное финансирование для реализации таких программ. Прогнозируемые совокупные потери в области производства в течение 2020, 2021, 2022 годов сведут на нет все усилия по наращиванию производственных мощностей за последние четыре года. Правительства многих стран вводят меры финансового стимулирования экономики, которые эквивалентны в совокупности 10% мирового ВВП. Данная мера необходима для борьбы с COVID-19 и сведения к минимуму последствий от введенного карантина и остановки экономических процессов (UN, May 2020). Международному сообществу необходимо будет поддерживать развивающиеся страны, которые сталкиваются с растущими финансовыми проблемами, особенно связанными с кредитной задолженностью или внезапным падением экономических показателей из-за введенных мер ограничительного характера. Генеральный секретарь ООН призвал развитые страны и международные организации к

кредитной отсрочке и реструктуризации долгов развивающихся стран.

*Стимулирование социальных программ и обеспечение продовольственной безопасности*

Социальные и экономические потрясения, вызванные мерами по контролю и смягчению последствий от COVID-19, были серьезными. К счастью, большинство стран мира и их финансовые учреждения отреагировали с беспрецедентной скоростью, проинвестировав пострадавшие сектора экономики. Инвестиции в социальную сферу помогут пережить кризис и обеспечить доступ к продовольственной корзине наиболее уязвимым слоям населения как в городских, так и в сельских районах.

При правильно выстроенной политике и своевременного финансирования можно полностью покрыть потребность населения в продовольственных товарах. Такой подход позволит обеспечить рациональное использование государственных средств на поддержание функционала малых и крупных агропродовольственных рынков, расширение медицинской помощи людям, страдающим от нехватки еды. Такие действия защитят работников пищевой промышленности, которые пострадали от мер ограничительного характера по всему миру, а также решат проблемы в справедливом распределении продуктов питания, охватив наиболее уязвимые слои населения.

Бедные люди тратят более половины своего дохода на еду, и их способность приобретать продовольственные товары серьезно ограничилась из-за потери основного источника дохода. Существует высокая вероятность опасного снижения качества питания во многих странах в результате потери доходов, вызванной пандемией, а также из-за остановки программ школьного питания в связи с переходом на дистанционное обучение. Различные социальные программы могут помочь наиболее уязвимым слоям населения за счет повышения покупательской способности, или путем прямого обеспечения продуктами посредством государственных программ. Помимо основных продуктов питания, важно обеспечить доступ к разнообразному здоровому питанию. Также необходимо существенно расширить возможности социальных программ на государственном уровне по решению проблемы недоедания среди уязвимых слоев населения. Несмотря на пандемию COVID-19 важно обеспечить непрерывность выявления и лечения дистрофий возникающей из-за роста

голода (WHO, 25 March 2020). Из-за пандемии становится невозможным диагностировать нарушения питания у некоторых групп населения. В настоящее время из примерно 47 миллионов детей с истощением во всем мире, только 10 миллионов из них получают поддержку. Ускорение реализации глобального плана действий по борьбе с расточительством будет оказывать положительное влияние для смягчения последствий пандемии. Данный план включает меры по предотвращению истощения среди уязвимых слоев населения и борьбе с ним посредством поддержки матерей и детей, особенно в странах третьего мира. Ведь первая тысяча дней из жизни ребенка с момента зачатия – критическое окно для создания основы для здорового роста и всестороннего развития (WHO, 9 March 2020). Социальным программам необходимо выявлять уязвимые группы, которые прибегают к детскому труду в качестве стратегии выживания их семей. С некоторыми целевыми группами людей может быть сложнее. В их число входят беженцы и их дети, а также большое количество нелегальных работников сельского хозяйства, рыбаки, лесники и временная рабочая сила, которые являются мигрантами. В некоторых странах планы по реагированию на COVID-19 включали в себя адаптацию многокомпонентных программ школьного питания, несмотря на закрытие школ и переход на дистанционный формат обучения. Эти программы, особенно те, которые касаются важных аспектов здоровья, таких как доступ к воде и санитарии, все чаще признаются в качестве важной программной области для целей устойчивого развития. Они могут сыграть решающую роль в реагировании на возникший кризис.

При разработке программ социальной защиты необходимо в первую очередь учитывать выгоды от различных форм оплаты, например, наличный или расчет ваучерами. Денежные переводы и ваучеры должны сопровождаться технической консультационной поддержкой со стороны тех, кто выделяет эти средства. Необходимо профинансировать и предоставить доступ населению стран третьего мира к основным жизненно-необходимым услугам, таким как здравоохранение, питание и образование. Использование ваучеров позволит существенно повлиять на ситуацию по обеспечению здорового питания, несмотря на рост цен.

В связи с повсеместной безработицей и потерей дохода, бедные семьи будут вынуждены

приобретать самые дешевые продукты, которые они смогут купить, чтобы прокормить свои семьи. В бедных странах продукты богатые питательными веществами, такие как яйца, фрукты и овощи, обходятся в 10 раз дороже, чем рис, кукуруза и мучные изделия. В связи с мерами ограничительного характера и потерей основных источников дохода, многие семьи откажутся от продуктов богатых питательными веществами в пользу более дешевых (Headey, D., Ruel, M., 2020). Продовольственная помощь через государственные программы распределения должна предлагать разнообразное сбалансированное питание. Учитывая, что физическое дистанцирование и ограничение мобильности действуют на протяжении долгого срока, правительствам и финансовым организациям необходимо стимулировать рынок бесконтактной доставки продуктов питания, особенно это касается тех, кто создает рабочие места. Крайне важно, чтобы работники, занятые в сфере продуктов и питания, были защищены от заражения COVID-19 так же, как и работники первой линии производства продуктов и другой основной персонал. Это особенно важно, когда работники взаимодействуют с большим количеством людей, например, на оптовых рынках, предприятиях по переработке пищевых продуктов или в тесном контакте с клиентами, например, консультанты по продажам и работники супермаркетов. Специальные правила для социального дистанцирования, корректировки рабочего времени могут быть полезны там, где не хватает масок и других средств индивидуальной защиты.

Необходимо использовать практику мониторинга в режиме реального времени, которая позволит получать самую актуальную информацию о вспышках болезни и лучше понимать, кто подвергся наибольшему риску. Кризис, возникший из-за пандемии, требует дополнительного усиленного мониторинга и оценки для отслеживания и предотвращения последствий экономического шока в сфере продовольствия. Шкала оценки отсутствия продовольственной безопасности (FIES) показывает уровень мирового голода и может быть адаптирована для ежемесячного мониторинга во время кризисных ситуации. Это важно для отслеживания распространения отсутствия продовольственной безопасности, особенно для выявления новых горячих точек. Несмотря на постоянные улучшения, в кризисных ситуациях существует множество ограничений в сборе данных и

прогнозом анализе в области продовольственной безопасности и питания. Правительствам, техническим экспертам, производителям продуктов питания, маркетологам и другим участникам продовольственного рынка также необходимо обмениваться данными, информацией и анализом для более глубокого понимания различных последствий пандемии для продовольственной безопасности, питания и правильного функционирования продовольственной системы в целом. Есть несколько вариантов для обеспечения тщательного и своевременного сбора и анализа данных, связанных с функционированием продовольственных систем. Мобильный или удаленный сбор данных посредством телефонных интервью и выездных опросов. Применение инструментов мониторинга на уровне страны, составление календарей урожая и цен для укрепления национального потенциала в области управления информацией о продовольственной безопасности и их системах. Календари урожая, которые показывают критические периоды посадки и сбора урожая, могут быть подкреплены информацией о вспышках COVID-19 на национальном уровне. Такая информация может помочь странам стратегически спланировать посев, посадку и уборку урожая, чтобы обеспечить непрерывную поставку продовольствия во время введения мер ограничительного характера.

Необходимы комплексные и скоординированные усилия всех стран. Чтобы охватить наиболее уязвимые слои населения, многим странам потребуется внешнее финансирование, гранты на льготных условиях и, возможно, облегчение долгового бремени или рефинансирование кредитов от международного финансового сообщества. Без адекватного финансирования могут возникнуть проблемы с платежеспособностью, особенно у тех стран, которые сильно зависят от таких секторов экономики, как туризм или торговля сырьевыми ресурсами.

#### *Инвестирование в устойчивое будущее*

Необходимы целевые инвестиции, направленные на устранение сбоя в продовольственных системах в результате ответных политических мер на кризис, вызванный пандемией COVID-19. Но даже в разгар кризиса открываются новые возможности для инноваций и строительства нового фундамента для будущего. Это важно для того, чтобы заложить основу для инклюзивного и устойчивого посткризисного восстановления. При реагировании на кризис

следует уделять первоочередное внимание действиям, которые решают краткосрочные проблемы и защищают от перекладывания бремени экономической перестройки на тех, кто наименее способен ее нести.

Сегодня, современные продовольственные системы наносят вред планете, в значительной степени способствуя нарушению климата, который угрожает выживанию всего человечества. Продовольственные системы вносят до 29% всех выбросов парниковых газов; животноводство вносит 14,5% всех антропогенных выбросов парниковых газов, из которых 44% приходится на метан (FAO, 2014). Очень часто деятельность продовольственных систем подрывает биоразнообразие, способствуя массовому вымиранию видов, потере полезных свойств у почвы, деградации земель, загрязнению питьевой воды, загрязнению воздуха, выбросам парниковых газов и так далее (IPBES, 2019). Обращаясь к социально-экономическим аспектам кризиса, мы должны пересмотреть способы производства, обработки и утилизации пищевых отходов в пользу минимизации последствий перечисленных выше. Саммит по продовольственным системам, который состоится в сентябре 2021 года, может сплотить мировое сообщество, для принятия амбициозных мер, по преобразованию существующих продовольственных систем в интересах достижения целей устойчивого развития и общемировых целей в области сохранения климата.

Вопрос необходимости в преобразовании продовольственных систем возник давно. В обозримом будущем более эффективные и устойчивые продовольственные системы потребуют тщательного управления земельными, почвенными и водными ресурсами с помощью комплексных подходов. Такие системы также потребуют сокращения потерь продовольствия после сбора урожая на каждом этапе производственно-сбытовой цепочки с помощью более усовершенствованных методов управления и планирования. Сюда входит доступ к недорогим технологиям обработки, хранения и упаковки товара. Проблема с изменением климата может быть решена с помощью рационального использования воды и энергии, ресурсосберегающего земледелия, рационального выпаса скота и энергоэффективности холодильных камер (FAO, 2015).

Ресурсы, выделенные на борьбу с кризисом, вызванным COVID-19, необходимо использо-

вать для достижения трансформации продовольственной системы, которая способствует реализации Повестки дня на период до 2030 года. Международные финансовые институты уже ответили новыми предложениями и перенаправляют финансирование в сторону усовершенствования современных продовольственных систем, которые с каждым днем все больше наносят вред экологии. Трансформация должна осуществляться с помощью баз данных и расширенной аналитики, чтобы лучше понять потребности рынка. Платформы баз данных имеют основополагающее значение для обеспечения целенаправленности инвестиций. Правительства стран должны привлекать инвестиции из частного сектора, продвигать цифровые услуги среди фермеров с низким уровнем дохода, чтобы они могли получить доступ к знаниям, финансированию и оптово-розничному рынку.

Саммит по продовольственным системам, который пройдет в 2021 году, предлагает правительствам и всем заинтересованным сторонам возможность для инклюзивного диалога и мобилизации действий всех сторон, как в отношении краткосрочных социально-экономических мер реагирования, так и среднесрочных приоритетов. Заинтересованные стороны должны использовать данную площадку для того, чтобы предложить наиболее верное решение для преобразования существующих продовольственных систем. Это может стать призывом для правительства многих стран и подтверждением приверженности к Повестке дня на период до 2030 года в области достижения целей устойчивого развития. Текущая пандемия выявила не только нашу хрупкость, но и взаимосвязанный характер нашего мира. Это подчеркивает необходимость совместной работы для решения глобальных проблем. Сотрудничество с участием всех заинтересованных сторон необходимо на всех уровнях. Международное сообщество предлагает множество инструментов для решения возникающих проблем. Саммит по продовольственным системам задаст вектор для верного развития и совершенствования существующих методов производства продовольственных товаров. Помимо данного саммита, существует много других институтов, которые предоставляют площадку для мобилизации участников и координации действий заинтересованных сторон, которые предлагают новаторские методы по борьбе с кризисом, возникшим из-за пандемии COVID-19.

## Заключение

На данный момент современные индексы не удовлетворяют и не дают в полной мере достоверной информации об уровне мирового голода по ряду аспектов. Во-первых, современные индексы игнорируют проблемы справедливого распределения помощи и не могут адекватно оценить распространенность голода. Во-вторых, индексы нечувствительны к возникновению различного рода потрясений, таких как засуха, остановка продовольственных систем, и ряд ограничений, вызванных мерами по предотвращению распространения коронавируса. Они также не предназначены для определения воздействия голода в долгосрочной перспективе, которая в сложившейся ситуации очень важна. В-третьих, необходимо разработка многомерных индикаторов голода, так как голод является многогранным явлением, уровень которого сложно поддается правильной и адекватной оценке в современных кризисных условиях.

Сегодняшний кризис, вызванный пандемией COVID-19, также угрожает продовольственной безопасности и питанию миллионов людей по

всему миру, многие из которых уже сталкивались с проблемой голода до возникновения вируса. На данный момент надвигается крупная глобальная продовольственная катастрофа. В более долгосрочной перспективе мы столкнемся с возможными сбоями в функционировании продовольственных систем с самыми серьезными последствиями для здоровья и питания человека. На сегодняшний день многие мировые продовольственные системы очень хрупки к разного рода потрясениям, миллионы людей по всему миру ощутили это во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Ситуации, когда наши продовольственные системы не могут функционировать нормально, создают угрозы для образования, здравоохранения и экономики. В обозримом будущем, благодаря согласованным действиям мы можем не только избежать некоторых из наихудших последствий, но и сделать это таким образом, чтобы поддержать переход к более устойчивым продовольственным системам, которые не будут наносить ущерб окружающей среде и адекватным индикатором голода, которые позволят сдерживать быстрорастущий уровень голода по всему миру.

## Литература

- Schmidhuber, J. And Qiao, B. (2020). Comparing crises: Great Lockdown versus Great Recession. Rome, FAO. Retrieved from <https://doi.org/10.4060/ca8833en>
- Dreze J., Sen A., (1989). Hunger and Public Action. Oxford University Press, Oxford.
- FAO. (2014). Tackling climate change through livestock. Retrieved from [http://www.fao.org/ag/againfo/resources/en/publications/tackling\\_climate\\_change/index.htm](http://www.fao.org/ag/againfo/resources/en/publications/tackling_climate_change/index.htm)
- FAO. (2015). Status of the world's soil resources: main report. Retrieved from <http://www.fao.org/documents/card/en/c/c6814873-efc3-41db-b7d3-2081a10ede50/>
- FAO. (2016). Impact of the Ebola virus disease outbreak on market chains and trade of agricultural products in West Africa. Retrieved from <http://www.fao.org/emergencies/resources/documents/resources-detail/ru/c/417072>
- FAO. (2019). The state of food security and nutrition in the world. Retrieved from <http://www.fao.org/state-of-food-security-nutrition>
- FAO. (2020). COVID-19 and smallholder producers' access to markets. Rome. Retrieved from <http://www.fao.org/documents/card/en/c/ca8657en>
- FSIN. (2020). Global report on food crises. Retrieved from <https://www.fsinplatform.org/report/global-report-food-crises-2020>
- Headey D., Ruel, M. (2020). The COVID-19 nutrition crisis: What to expect and how to protect. IFPRI. Retrieved from <https://www.ifpri.org/blog/covid-19-nutrition-crisis-what-expect-and-how-protect>
- IPBES. (2019). Global assessment report on biodiversity and ecosystem services. Retrieved from <https://ipbes.net/global-assessment>
- Ong, R. (2020). World Bank predicts sharpest decline of remittances in recent history. Washington, IBRD. Retrieved from <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/22/world-bank-predicts-sharpest-decline-of-remittances-in-recent-history/>
- Oxford, (1999). Oxford Dictionary. Oxford University Press, New York.
- Svedberg P., (2000). Poverty and Undernutrition. Oxford University Press, New York.
- UN. (2020). GLOBAL HUMANITARIAN RESPONSE PLAN COVID-19. Retrieved from [https://www.unocha.org/sites/unocha/files/GHRP-COVID19\\_May\\_Update.pdf](https://www.unocha.org/sites/unocha/files/GHRP-COVID19_May_Update.pdf)
- UN. (April 2020). The impact of COVID-19 on Women. Retrieved from [https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy\\_brief\\_on\\_covid\\_impact\\_on\\_women\\_9\\_apr\\_2020\\_updated.pdf](https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_on_covid_impact_on_women_9_apr_2020_updated.pdf)

UN. (June 2020). COVID-19 and people on the move. Retrieved from [https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg\\_policy\\_brief\\_on\\_people\\_on\\_the\\_move.pdf](https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_on_people_on_the_move.pdf)

UN. (May 2020). World economic situation and prospects as of mid-2020. Retrieved from <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/world-economic-situation-and-prospects-as-of-mid-2020/>

WFP. (2021). Hunger Map live, data for 2021. Retrieved from <https://hungermap.wfp.org>

WHO. (25 March 2020). COVID-19: Operational guidance for maintaining essential health services during an outbreak. Retrieved from [https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331561/WHO-2019-nCoV-essential\\_health\\_services-2020.1-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y](https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331561/WHO-2019-nCoV-essential_health_services-2020.1-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y)

WHO. (9 March 2020). Global action plan on child wasting: a framework for action to accelerate progress on preventing and managing child wasting and the achievement of the Sustainable Development Goals. Retrieved from <https://www.who.int/publications/m/item/global-action-plan-on-child-wasting-a-framework-for-action>

**Т.И. Ларина\*** , **Р.Е. Коперник** 

Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Россия

\*e-mail: latina989@mail.ru

## **МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПО АНАЛИЗУ НЕВЕРБАЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ**

Особая опасность экстремизма состоит в том, что основная доля новых членов вербовки в экстремистские организации состоит из молодых людей. Поэтому в рамках настоящей работы авторы предпринимают попытку исследовать ранее не изучавшуюся тему взаимосвязи склонности молодёжи к экстремизму и особенностей демонстрируемых ими невербальных реакций. При определении современных принципов исследования невербального поведения заостряется внимание на том, что толкование невербального поведения человека должно проходить при включении в контекст индивидуальной базовой модели поведения индивида, учёте конкретных обстоятельств и наблюдения динамики изменения вербального и невербального поведения. Распространение молодёжного экстремизма объясняется недостаточной половозрастной зрелостью молодых людей, нарушением их эмоциональной устойчивости в условиях негативного воздействия контента СМИ и социальных сетей, развитием тенденций вербовки новых членов посредством социальных сетей и иных электронных платформ. В практическом разделе статьи на основе анализа мирового опыта рассматриваются государственные и общественные программы по противодействию различным формам экстремизма среди молодых людей. При обсуждении результатов делается вывод о многостороннем проявлении влияния экстремизма на молодое население и критикуется отсутствие в настоящее время исследований, объединяющих изучение невербальных реакций людей и их склонность к экстремизму. В качестве дальнейшей перспективы развития мер по борьбе с экстремизмом предлагается проведение эмпирических междисциплинарных исследований в области взаимосвязи невербального поведения и молодёжного экстремизма.

**Ключевые слова:** молодёжный экстремизм; невербальное поведение; молодёжь; противодействие экстремизму.

T.I. Larina\*, R.E. Kopernik

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia

\*e-mail: latina989@mail.ru

### **Youth extremism: search for methodological solutions on the analysis of nonverbal reactions**

The particular danger of extremism lies in the fact that the majority of new members of recruitment to extremist organizations consists of young people. Therefore, in this work the authors attempt to explore the previously unexplored topic of the relationship between the propensity of young people to extremism and the features of the nonverbal reactions they demonstrate. In determining the modern principles of nonverbal behavior research, attention is focused on the fact that the interpretation of nonverbal behavior of a person should include the context of an individual's basic behavior model, taking into account specific circumstances and observing the dynamics of changes in verbal and nonverbal behavior of the individual. The spread of youth extremism is explained by the insufficient sexual and age maturity of young people, the lack of their emotional stability in the face of the negative impact of media content and social networks, the development of trends in recruiting new members through social networks and other electronic platforms. In the practical section of the article authors discuss state and public programs which counter various forms of extremism among young people. When discussing the results, authors make a conclusion about the multifaceted manifestation of the influence of extremism on the young population and criticize the current lack of research combining the study of nonverbal reactions of people and their propensity to extremism. As a further perspective for the development of measures to counteract extremism, it is proposed to conduct empirical interdisciplinary research in the field of the relationship between nonverbal behavior and youth extremism.

**Key words:** youth extremism; nonverbal behavior; youth; countering extremism.

Т.И. Ларина\*, Р.Е. Коперник

Ресей халықтар достығы университеті, Мәскеу қ., Ресей

\*e-mail: latina989@mail.ru

### Жастар экстремизмі: вербалды емес реакцияларды талдау бойынша әдістемелік шешімдерді іздеу

Экстремизмнің ерекше қауіптілігі экстремистік ұйымдарға тартудың жаңа мүшелерінің негізгі үлесі жас адамдардан тұратындығында. Сондықтан, осы жұмыс аясында авторлар жастардың экстремизмге бейімділігі мен олар көрсеткен вербалды емес реакциялардың ерекшеліктері туралы бұрын зерттелмеген тақырыпты зерттеуге тырысады. Вербалды емес мінез-құлықты зерттеудің заманауи принциптерін анықтаған кезде, адамның вербалды емес мінез-құлқын түсіндіру адамның мінез-құлқының Жеке негізгі моделін контекстке енгізу, нақты жағдайларды ескеру және ауызша және вербалды емес мінез-құлықтың өзгеру динамикасын бақылау кезінде жүргізілуі керек екендігіне назар аударылады. Жастар экстремизмінің таралуы жастардың жыныстық-жас шамасына жетуінің жеткіліксіздігімен, БАҚ пен әлеуметтік желілер контентінің теріс әсері жағдайында олардың эмоциялық тұрақтылығының бұзылуымен, әлеуметтік желілер мен өзге де электрондық платформалар арқылы жаңа мүшелерді тарту үрдістерінің дамуымен түсіндіріледі. Мақаланың практикалық бөлімінде әлемдік тәжірибе негізінде жастар арасындағы экстремизмнің әртүрлі нысандарына қарсы іс-қимыл жөніндегі мемлекеттік және қоғамдық бағдарламалар қарастырылады. Нәтижелерді талқылау кезінде экстремизмнің жас халыққа әсерінің көпжақты көрінісі туралы қорытынды жасалады және қазіргі уақытта адамдардың ауызша емес реакцияларын және олардың экстремизмге бейімділігін зерттеуді біріктіретін зерттеулердің жоқтығы сынға алынады. Экстремизмге қарсы күрес жөніндегі шараларды дамытудың одан әрі перспективасы ретінде бейвербалды мінез-құлық пен жастар экстремизмінің өзара байланысы саласында эмпирикалық пәнаралық зерттеулер жүргізу ұсынылады.

**Түйін сөздер:** жастар экстремизмі; бейвербалды мінез-құлық; Жастар; экстремизмге қарсы іс-қимыл.

#### Введение

Выбор данной темы обосновывается, с одной стороны, богатим теоретическим наследием в области исследования невербальных человеческих реакций и наличием острой необходимости снижения числа представителей молодого населения, вербуемых в последние годы в ряды экстремистских организаций. С другой стороны, отсутствие в настоящее время исследовательского интереса к взаимосвязи проблем молодёжного экстремизма и изучения невербального поведения побуждает предпринять попытку совместного рассмотрения двух относительно разных проблематик обществоведческих наук для выявления новых способов противодействия молодёжному экстремизму.

В обзоре литературы кратко представлены наиболее важные фундаментальные современные работы в области изучения невербального поведения и противодействия молодёжному экстремизму. Первая часть статьи посвящена концептуализации невербального поведения как междисциплинарной области исследования. Во второй части работы приводятся факторы, обеспечивающие распространение молодёжного экстремизма в широком масштабе. В третьей части работы обсуждаются международные го-

сударственные и общественные программы по предупреждению экстремизма в молодёжной среде и борьбы с ним. В заключении авторы, констатируя многообразие проявлений молодёжного экстремизма, выделяют дальнейшие перспективы исследования темы для проведения исследований, в которых невербальные характеристики человека позволили бы выявить степень его склонности к экстремизму.

#### Обзор литературы

В последние 50 лет в западной научной литературе активно развиваются теоретические подходы относительно изучения невербального поведения человека, его произвольных эмоций, движений и жестов. В данной области исследований разрабатываются и совершенствуются методологический инструментарий и категориальный аппарат, при этом анализ невербального поведения не сводится только к рассмотрению феномена с психологической точки зрения, а носит междисциплинарный характер и выступает объектом анализа социологии, социальной психологии, культуроведения, антропологии, политологии и других смежных дисциплин.

Изучение невербальных реакций стало впервые популяризоваться американскими иссле-

дователями в 1960-х годах, развитие психологии невербального поведения как самостоятельного раздела научного анализа связывается прежде всего с трудами П. Экмана (1972, 1978, 1985), Р. Бука (1980), Д. Морриса (2012), Д. Матцумото (2001).

Так, П. Экман, одним из первых вызвавший широкий исследовательский и общественный резонанс вокруг феномена невербального поведения, выделил универсальные и культурные различия в лицевых выражениях эмоций (Ekman, 1972), совместно с У. Фризенем (Ekman, 1978) разработал научно признанную Систему Кодирования Лицевых Движений (от англ. Facial Action Coding System, сокр. FACS), обозначил характеристики проявления лжи в политическом и экономическом пространстве (Ekman, 1985). Р. Бук развил представления о гипотезе мимической (лицевой) обратной связи (англ. facial feedback hypothesis), согласно которой возникновение любой эмоции является следствием мимических изменений (Buck, 1980). Д. Матцумото предложил модель, постулирующую три основных источника влияния на человеческое поведение (базовая человеческая природа, культура и личностные особенности), взаимодействие между которыми, согласно его положениям, формирует индивидуальное поведение (Matsumoto, 2001). Д. Моррис на основе многолетнего опыта наблюдения за человеческим поведением показал, как люди сознательно и бессознательно своими действиями и телесными движениями сигнализируют о своих взглядах, желаниях и чувствах (Morris, 2012).

Современные зарубежные исследования продолжают совершенствовать классические теоретические подходы анализа невербального поведения, нередко выступая с критикой по отношению к базисным положениям научно признанных концепций. С одной стороны, создаются новые классификации выделения основных признаков, на основании которых возможно толкование невербальных реакций конкретного человека (Andersen, 2004). С другой стороны, демонстрируется, что обнаруженные учёными невербальные сигналы, с помощью которых определяют, лжет ли человек или говорит правду, не обладают в настоящее время достаточной надёжностью (Vrij, 2019). Кроме того, утверждается, что люди способны лишь в ограниченной степени улавливать ложь при обращении внимания на невербальные характеристики человека. Наконец, обсуждается важность интеграции различных правил истолкования невербальных ре-

акций, таких как сочетание вербальных и невербальных сигналов, учёт множественных эмблем индивида и привлечение в анализ невербального поведения контекста и внешних обстоятельств (Navarro, 2008; Pease, 2006).

При рассмотрении литературы, необходимой для понимания соприкосновения проблем анализа невербального поведения и подверженности экстремизму среди молодёжной аудитории, внимания заслуживают наиболее современные труды учёных разных стран. В них представляются психологические характеристики и мировоззрение террористов и экстремистов (Loza, 2007), рассматриваются когнитивный, эмоциональный и поведенческий структурные элементы экстремизма (Lakbayev, 2020), анализируются социальные и психологические компоненты молодёжного экстремизма (Lyzhin, 2021), приводятся причины радикализации медиапространства и распространения экстремизма в онлайн-среде (Amit, 2021), обсуждаются варианты раннего предупреждения экстремизма посредством государственных программ (van de Weert, 2020), иллюстрируются онлайн-кампании и проекты по противодействию киберэкстремизма (Dicol, 2016).

#### *Теоретические основы изучения невербального поведения*

Невербальное поведение в широком смысле характеризует взаимодействие людей без использования слов, что включает в себя мимику, жесты, положения и позы тела, разнообразные движения конечностей, а также паралингвистические или голосовые явления, к которым относятся речевые паузы и ошибки, скорость, тема и длительность речи, основной частотный диапазон и диапазон интенсивности (Larina, 2021: 11).

Нужно сразу отметить, что невербальное поведение выступает многогранным и неоднозначным феноменом, оно не только несет в себе отпечаток индивидуальных особенностей, но также выступает биологическим, культурным и социальным продуктом. Так, Д. Моррис (Morris, 2012) при исследовании человеческих жестов разработал следующую классификацию: врождённые действия (присущи человеку как биологическому виду, им не нужно специально обучаться); выявленные действия (их человек открывает для себя самостоятельно); заимствованные действия (данную группу жестов человек перенимает у других, даже не подозревая об этом); усвоенные действия (им человек намеренно обучается); смешанные действия (различные по своей природе жесты, которые нельзя одно-

значно определить в одну из вышеперечисленных категорий).

Изучая пластические невербальные характеристики, П. Экман, внесший существенный вклад в научную и общественную популяризацию идей в области невербального поведения, выделил 3 категории жестов: эмблемы, иллюстрации и манипуляции (Ekman, 1985). Под эмблемами понимаются действия, имеющие конкретное значение и однозначно интерпретируемые в рамках того или иного общества (например, кивок головой или подмигивание). Особенность эмблем состоит в их намеренности и корректной трактовке лицом, которое выполняет эмблему. Схожим с эмблемами вспомогательным типом телодвижений являются иллюстрации, разница между двумя типами состоит в том, что при попытке утаить информацию количество эмблематических оговорок (оговорка – фрагментарность, непривычность исполнения действия) возрастает, в то время как число иллюстративных оговорок наоборот уменьшается. Последним типом пластических характеристик выступают манипуляции, к которым относят всевозможные действия, совершаемые одной частью тела с другой на сознательном или бессознательном уровне (отряхивание, потирание, массажирование и др.).

Важной составляющей человеческого поведения, обеспечивающей или препятствующей его полноценному психологическому и социальному функционированию, служат эмоции. Являясь сложным и интердисциплинарным феноменом исследования, в социальных науках эмоции рассматриваются в качестве результата социальных и культурных отношений, одновременно обладающего возможностью их непосредственного продуцирования (Larina, 2021: 16).

По сей день в исследовании социального аспекта эмоций ведётся полемика между двумя противоположными научными школами: эссенциализмом (универсализмом) и социальным конструктивизмом. Если универсалисты выступают за наличие ряда универсальных для всех народов и этносов эмоций, передающихся на генетическом уровне и проявляющихся приблизительно одинаково у всех людей, то конструктивисты продвигают идею о социальной обусловленности конкретной эмоции, особенности проявления которой зависят от социального, культурного и исторического фона человека. Так, например, выделенные П. Экманом в начале своей исследовательской деятельности 6 базовых человеческих эмоций (удивление, страх,

отвращение, радость, гнев и печаль) становились и до сих пор остаются объектом жёсткой критики со стороны части авторитетного научного сообщества.

Однако развитие и конкретизация исследовательского поля изучения невербального поведения всё настойчивее побуждают принятие на современном этапе становления дисциплины интегрального подхода, при котором должна учитываться вся совокупность правил верификации невербальных реакций (Pease, 2006; Navarro, 2008). При этом нужно наблюдать и интерпретировать поведение человека в контексте, с учётом его динамики, а также имеющихся внешних и внутренних обстоятельств. Кроме того, невербальные реакции не следует рассматривать в исключительном абстрагировании от вербальных сигналов индивида, при идентификации паттернов поведения важно стремиться к поиску конгруэнтности, то есть сочетать поступающие вербальные и невербальные сигналы.

Помимо прочего, необходимо фокусироваться на базовой модели поведения человека, рассматривая его индивидуальные поведенческие признаки в их уникальности и специфичности для данного индивида, а не заносить конкретные признаки в отдельные категории, в правдоподобности которых зачастую можно усомниться (например, человек, который чешет нос или отводит глаза, необязательно обманывает; возможно, это признак его замкнутого характера или индивидуальный способ снять напряжение). Из этого следует, что при расшифровке невербальных сообщений важно отличать индивидуальные признаки, сигнализирующие комфорт и дискомфорт индивида, и по возможности производить наблюдение за изменением его поведения незаметно, иначе точность и надёжность результатов анализа могут быть существенно снижены (Puzanova, 2013: 29).

Несоблюдение данных методов или их интеграция не на всех этапах анализа невербального поведения отдельного индивида заставляет сомневаться в валидности полученных данных как при их применении в криминалистике, психологии или фокус-групповых исследованиях, так и при повседневной коммуникации между знакомыми людьми. В связи с этим при фиксации особенностей невербального поведения необходимо остерегаться от совершения так называемых ошибки Отелло и капкана Брокау.

Ошибка Отелло, названная в честь героя одноимённого произведения У. Шекспира, базируется на непонимании некоторыми людьми того

факта что даже честный человек при подозрении его во лжи проявляет те же невербальные реакции, что и типичный обманщик, что затрудняет процесс правильного верифицирования эмоций. Как уже говорилось, типичные реакции, идентифицирующие то, что человек лжет, во многих случаях выступают устаревшими стереотипными представлениями о наличии однозначных универсальных признаков недостоверности предоставляемой информации (например, если человек краснеет, это не является гарантией того, что он скрывает информацию).

Сущность капкана Брокау в свою очередь заключается в непонимании индивидуальных различий, вследствие которых лжец может намеренно или в связи со своими индивидуальными характеристиками не выказывать признаков обмана, в то время как у человека, говорящего правду, они наоборот могут проявляться. Поэтому для избежания данных ошибок и минимизации эффекта внешнего, порой обманчивого первого впечатления, помимо наиболее очевидных причин возникновения тех или иных эмоций, нужно концентрироваться на всем комплексе возможных причин их появления (Larina, 2021: 26).

*Факторы распространения экстремизма в молодежной среде*

Для начала следует обозначить, что под экстремизмом понимается теория и практика реализации идеологических, религиозных и политических целей посредством использования радикальных, запрещенных методов действий. Анализ современных исследований (Lakbaev, 2020), посвящённых изучению экстремизма, позволяет выделить три структурных элемента этого понятия: когнитивный (включает в себя определенные представления о мире, специфические мировоззрение и идеологию); эмоциональный (к нему относят как переживания, направленные против оппонентов или так называемых «врагов», так и эмоции, связанные с чувством принадлежности к экстремистскому сообществу) и поведенческий (включает различные формы насильственного воздействия по отношению к людям и предметам материальной культуры, деструктивные действия по распространению экстремистской идеологии).

Тем самым, содержание экстремизма позволяет утверждать о важной роли эмоционального аспекта в становлении и распространении экстремистской деятельности, а также значительного потенциала данного аспекта в вербовке новых членов в экстремистские и террористические организации. Хотя при рассмотрении психоло-

гических черт экстремистов/террористов многими учёными предполагается, что экстремисты нередко страдают от нарушений собственной идентичности, комплекса неполноценности, отсутствия уверенности и эмпатии, низкого уровня самоуважения и потенциального нарциссизма, это не мешает им завоёвывать авторитет у множества новых приверженцев экстремистских организаций (Loza, 2007: 146).

Так, при анализе личностей лидеров террористических исламских организаций второй половины XX века было выявлено, что они в среднем были не только на 14-16 лет старше остальных членов групп, но и обладали исключительной харизмой и пользовались большим уважением со стороны своих последователей. Они считались чрезвычайно осведомленными в религии, воспринимались как мужественные воины, не боящиеся смерти и жаждущие мести тем, против кого они поднимали восстание (Loza, 2007: 146). Таким образом, приведенные характеристики дают понять, что эмоциональный и когнитивный признаки ведущих членов организаций, стремящихся к разрушению общественной целостности мирового сообщества, вкупе с их опытом и авторитетом способны оказывать пагубное влияние на других людей, особенно если те ещё не достигли зрелого возраста.

Проблема особой восприимчивости молодых людей к вербовке в экстремистские организации является далеко не новой и многими учёными рассматривается в качестве основной трудности в борьбе с феноменом экстремизма (Lyzhin, 2021: 2610). Однако при этом отмечается, что противодействие молодёжному экстремизму невозможно без учёта особенностей мировосприятия молодых людей и социально-психологических детерминант идей экстремизма.

Акцентируя внимание на эмоциональном компоненте экстремизма, важным представляется обсуждение характеристик эмоциональной устойчивости индивида. Эмоциональная устойчивость определяется как свойство личности, обеспечивающее эмоциональную стабильность человека при воздействии различных стрессовых факторов и способность успешного осуществления своей жизнедеятельности в сложных условиях (Novogorodceva, 2015: 3). Однако неудивительно, что ввиду своей недостаточной половозрастной зрелости, неясных установок и жизненных ориентиров и, следовательно, большей подверженности совершению девиантных действий молодым людям редко бывает присуща эмоциональная устойчивость.

Это осложняется тем, что негативное воздействие информации, транслируемой СМИ и социальными сетями, зачастую вызывает у молодёжной аудитории на психологическом уровне раздражительность, снижение концентрации, повышение уровня тревоги и снижение адаптационных возможностей поведения. При этом потеря эмоциональной устойчивости на социальном уровне может проявляться в анти-социальном поведении, виктимизации, дискриминации и стигматизации других индивидов, возникновении конфликтов с семьёй и своим окружением, снижении образовательных или профессиональных успехов (Novogorodceva, 2015: 3).

Закономерно, что в таком состоянии молодые люди либо подвержены интенсивному переживанию угрозы экстремистских действий в обществе, либо наоборот в поисках разрешения их психологических и социальных проблем начинают проявлять интерес к деятельности запрещенных группировок. При этом сама концепция свободного распространения и передачи информации в пространстве Интернета, размещения практически любого вида контента, включая запрещенный законодательством контент, который можно найти, например, в Darknet (анонимная Интернет-сеть) или Telegram-каналах, способствует значительной радикализации молодёжной аудитории.

Вопрос использования анализа невербальных реакций в данном контексте не популяризован, есть некоторые технологические разработки спецслужб в различных странах, опирающиеся на особенности невербального поведения, они по большей части автоматизированы. Однако нашей идеей является развитие направления работы в образовательных организациях по идентификации и работе со студентами, которые являются «сочувствующими» экстремистским проявлениям. Для этого в настоящее время на базе Российского университета дружбы народов реализуется серия экспериментов, целью которых является выявление частотных невербальных реакций лиц, которые являются потенциальными экстремистами в том или ином контексте (политический, религиозный и т.д.), при просмотре антиэкстремистских видеороликов. Таким образом, практическая польза будет заключаться в технологии идентификации склонных к экстремизму лиц и дальнейшей «точечной» воспитательной работе с группами таких лиц в образовательных организациях.

Использование Интернета для создания пути объединения единомышленников с крайними взглядами становится причиной нормализации неприемлемого поведения и радикальных взглядов, что выступает оптимальной средой для развития экстремистских группировок. Так, исследование, проведенное ЮНЕСКО, позволило установить, что специальные группы различных социальных сетей используются для создания интерактивных платформ экстремистских организаций, распространения насильственного контента, создания фейковой информации и установления неофициальных связей с отдельными лицами с целью их дальнейшей вербовки (Amit, 2021: 3).

Поэтому данные практики, находящиеся в последние годы в связи с развитием информационных технологий всё большее применение, вынуждают активное развитие государственных и общественных программ, главная цель которых состоит в препятствовании распространения экстремизма и его подвида киберэкстремизма среди молодого населения. Далее рассмотрим такие практики подробнее.

*Меры по противодействию экстремизму среди молодых людей*

Мировой опыт по борьбе с проявлением молодёжного экстремизма демонстрирует, что в настоящий момент передовыми государствами развиваются разнообразные методы и проекты по защите склонных к вступлению в экстремистские ряды индивидов. Анализом особенностей некоторых таких программ, заслуживающих наиболее пристального внимания, занялась группа канадских исследователей, чьи результаты отражены далее (Ducol, 2016: 93-96).

Проект *Youth online and at risk: Radicalization facilitated by the Internet* – четырехэтапная программа, направленная на предупреждение радикализации молодёжи и ориентированная на родителей, опекунов и преподавателей, которые готовы противодействовать распространению данной тенденции в молодёжной среде. В рамках данной программы предлагаются пути налаживания отношений взрослых и молодёжи и установления доверительного контакта между ними, а также рассматриваются способы защиты молодёжи школьного возраста от интернет-угроз, которые включают, например, управление программным обеспечением, мониторинг активности пользователей и хранение компьютера ребенка в открытом для всех месте.

Другой проект под названием «Кампания против насильственного экстремизма» (англ.

Campaign Against Violent Extremism, сокр. CAVE) направлен на создание у молодых людей правильного представления и понимания религии ислама, обучение корректному толкованию религиозных исламских текстов и повышение общей осведомленности относительно практик экстремистских и террористических организаций, поддерживающих радикальные интерпретации исламских религиозных доктрин. Тем самым, создателями данных программ предполагается, что повышение образованности мусульманской молодёжи в вопросах трактовки ислама поможет избежать тем стать жертвами вербовки в запрещённые группировки.

Ещё одна программа «Против насильственного экстремизма» (англ. Against Violent Extremism, сокр. AVE) была первоначально запущена на саммите по борьбе с насильственным экстремизмом 2011 года в Дублине. Это уникальное партнерство частного сектора между Институтом стратегического диалога (ISD), Google Ideas и фондом Gen Next позволила сформировать глобальную сеть бывших экстремистов и тех, кто сталкивался с проявлениями экстремизма, которые на основе своего опыта объясняют опасность экстремистской деятельности. При этом главными задачами представленной программы являются предотвращение возможной вербовки группы молодёжи, находящейся в зоне риска подверженности экстремистским взглядам, и убеждение молодых людей, уже задействованных в экстремизме, в его деструктивном воздействии на отдельную личность и общество в целом.

Наконец, внимания заслуживает программа «EXIT White Power», выдвинутая национальной независимой некоммерческой организацией All Together Now, занимающейся искоренением расизма в Австралии. Данная программа стремится обеспечить культурное разнообразие австралийского сообщества и его свободу от расовых предрассудков, содействуя предотвращению расизма путем создания инновационного и эффективного социального маркетинга, который в позитивной и провокационной форме заставляет население Австралии задуматься о возможной выраженности у них культурных стереотипов в отношении других народов, национальностей и рас.

Также нельзя обойти стороной программу по противодействию экстремизму (англ. Countering Violent Extremism, сокр. CVE), представляющую ненасильственный способ уменьшения вовлеченности в экстремистские

группировки путем сбора информации об индивидах, которые несут потенциальную опасность для сохранения общественного порядка (van de Weert, 2019: 492). Критикуя несовершенство в различии специалистами в области взаимодействия «потенциально опасных индивидов» (potentially threatening individuals) понятий экстремизма и радикализма, группа учёных из Нидерландов в своём исследовании сфокусировалась на процессах радикализации, которые приводят к насильственному экстремизму. Для этого исследователи выдвинули гипотезу о том, что для идентификации чьего-либо мировоззрения как представляющего угрозу, нужно сперва выяснить, существует ли у человека намерение использовать насильственные и другие крайние методы реализации целей.

При этом учёными было замечено, что при экспертизе практически не уделяется внимания тому, что изменение поведения молодых людей и их радикализация могут указывать лишь на естественный возрастной процесс развития идентичности. Хотя иногда специалистами упоминается феномен кризиса идентичности, подробно не объясняется, как следует оценивать ту или иную стадию радикализации молодёжи (van de Weert, 2019: 499-500).

### Выводы и обсуждение результатов

Таким образом, на основании анализа особенностей экстремизма и причин его столь существенного влияния на молодое поколение, а также рассмотрения некоторых международных государственных программ, внедряющих различные практики по борьбе с молодёжным экстремизмом и его предупреждению на ранних стадиях развития, можно сделать вывод о многосторонности феномена экстремизма.

Однако несмотря на то, что государственное регулирование и разработка методов и программ по противодействию экстремизма среди молодых людей имеют свои результаты, авторами настоящей статьи отмечаются несовершенство диагностики лиц, склонных к экстремистской деятельности, и низкая вероятность раннего предупреждения экстремизма среди молодёжи.

Данное положение дел помимо прочего может быть связано с тем, что в рамках научного дискурса на данный момент не существует, например, исследований на тему того, каким образом взаимосвязаны особенности невербального поведения молодых людей и их склонности к вербовке в экстремистские организации.

Поэтому для дальнейшей перспективы совершенствования способов противодействия молодёжному экстремизму предлагается проведение эмпирических междисциплинарных исследований, которые на основе обозначенных теоретических положений в области невербального поведения позволят ответить на следующие вопросы: возможно ли по особенностям невербального поведения молодых

людей зафиксировать их склонность к экстремистским идеям; существуют ли у экстремистов и террористов особые элементы невербального поведения, позволяющие отличить их от остальных людей; каким образом на основании правильной интерпретации невербальных реакций возможно снизить вероятность вербовки молодых людей, склонных к экстремизму.

### Литература

Невербальное поведение в прикладных социологических исследованиях: особенности анализа – Учебно-методическое пособие / Под ред. Т.И. Лариной – М.: 2021. – 88 с.

Новгородцева Е. А. Эмоциональная устойчивость личности в пространстве, незащищенном от терроризма // Концепт. – 2015. – № 1. – С. 1-6.

Пузанова Ж.В., Чеховский И.В., Ларина Т.И. Использование невербальной информации в ходе фокус-группового исследования. Вестник РУДН. Серия: Социология. – М: РУДН, 2013. №4. С. 24-33.

Amit S., Barua L. & Kafy A.-A. (2021). Countering violent extremism using social media and preventing implementable strategies for Bangladesh. *Heliyon*, 7(5), e07121.

Andersen P. (2004). *The complete idiot's guide to body language*. Indianapolis, IN : Alpha Books, 378 p.

Buck R. (1980). Nonverbal behavior and the theory of emotion: The facial feedback hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 38, No. 5, pp. 811-824.

Ducol B., Bouchard M., Davies G., Ouellet M., Neudecker C. (2016). Assessment of the state of knowledge: Connections between research on the social psychology of the Internet and violent extremism. *TSAS The Canadian Network for Research on Terrorism, Security, and Society*, 142 p.

Ekman P. & Friesen W. (1978). *Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement*. Consulting Psychologists Press, Palo Alto.

Ekman P. (1985) *Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage*. W. W. Norton & Company.

Ekman P. (1972). Universal and cultural differences in facial expression of emotion. In J. R. Cole (Ed.), *Nebraska symposium on motivation*, 1971 (pp. 207-283). Lincoln: Nebraska University Press.

Lakbayev, K. S., Rysmagambetova, G. M., Umetov, A. U., & Sysoyev, A. K. (2020). The crimes in the field of high technology: Concept, problems and methods of counteraction in Kazakhstan. *International Journal of Electronic Security and Digital Forensics*, 12(4), 386–396.

Loza W. (2007). The psychology of extremism and terrorism: A Middle-Eastern perspective. *Aggression and Violent Behavior*, 12 (2), pp. 141-155.

Lyzhin A., Sharov A., Lopez E., Melnikov S., Zaynullina V. (2021) Modern problems of youth extremism: Social and psychological components. *Journal of community psychology*, 49 (7), pp. 2609-2622.

Matsumoto D. (2001). Culture and emotion. In D. Matsumoto (Ed.), *The handbook of culture and psychology* (pp. 171-194). New York: Oxford University Press.

Morris D. (2012) *Peoplewatching: The Desmond Morris Guide to Body Language*. Random House, 544 p.

Navarro J. & Karlins M. (2008). *What every BODY is saying: an ex-FBI agent's guide to speed reading people*. APA (6th ed.).

Pease A; Pease B. (2006). *The definitive book of body language*. New York: Bantam Books, 386 p.

Van deWeert A. & Eijkman, Q. A. M. (2020). Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth. *Crime, Law, and Social Change*, 73(5), 491-507.

Vrij A., Hartwig M., Granhag P. (2019). Reading lies: Nonverbal communication and deception. *Annual review of psychology*, Vol. 70, pp. 295-317.

### References

Amit S., Barua L. & Kafy A.-A. (2021). Countering violent extremism using social media and preventing implementable strategies for Bangladesh. *Heliyon*, 7(5), e07121.

Andersen P. (2004). *The complete idiot's guide to body language*. Indianapolis, IN : Alpha Books, 378 p.

Buck R. (1980). Nonverbal behavior and the theory of emotion: The facial feedback hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 38, No. 5, pp. 811-824.

Ducol B., Bouchard M., Davies G., Ouellet M., Neudecker C. (2016). Assessment of the state of knowledge: Connections between research on the social psychology of the Internet and violent extremism. *TSAS The Canadian Network for Research on Terrorism, Security, and Society*, 142 p.

- Ekman P. & Friesen W. (1978). *Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement*. Consulting Psychologists Press, Palo Alto.
- Ekman P. (1985) *Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage*. W. W. Norton & Company.
- Ekman P. (1972). Universal and cultural differences in facial expression of emotion. In J. R. Cole (Ed.), *Nebraska symposium on motivation, 1971* (pp. 207-283). Lincoln: Nebraska University Press.
- Lakbayev, K. S., Rysmagambetova, G. M., Umetov, A. U., & Sysoyev, A. K. (2020). The crimes in the field of high technology: Concept, problems and methods of counteraction in Kazakhstan. *International Journal of Electronic Security and Digital Forensics*, 12(4), 386–396.
- Larina T.I. (2021) *Neverbal'noe povedenie v prikladnykh sociologicheskikh issledovaniyakh: osobennosti analiza – Uchebno-metodicheskoe posobie* [Nonverbal behavior in applied sociological research: features of analysis – Educational and methodological manual]. Peoples' Friendship University of Russia, 88 p.
- Loza W. (2007). The psychology of extremism and terrorism: A Middle-Eastern perspective. *Aggression and Violent Behavior*, 12 (2), pp. 141-155.
- Lyzhin A., Sharov A., Lopez E., Melnikov S., Zaynullina V. (2021) Modern problems of youth extremism: Social and psychological components. *Journal of community psychology*, 49 (7), pp. 2609-2622.
- Matsumoto D. (2001). Culture and emotion. In D. Matsumoto (Ed.), *The handbook of culture and psychology* (pp. 171-194). New York: Oxford University Press.
- Morris D. (2012) *Peoplewatching: The Desmond Morris Guide to Body Language*. Random House, 544 p.
- Navarro J. & Karlins M. (2008). *What every BODY is saying: an ex-FBI agent's guide to speed reading people*". APA (6th ed.).
- Novogorodceva E. A. (2015) *Emocionalnaya ustojchivost' lichnosti v prostranstve, nezashchishchennom ot terrorizma*. [Emotional stability of a person in a space unprotected from terrorism]. *Koncept*, No 1, pp. 1-6.
- Pease A; Pease B. (2006). *The definitive book of body language*. New York: Bantam Books, 386 p.
- Puzanova Z.V., Chekhovskiy I.V., Larina T.I. (2013) *Ispolzovanie neverbalnoj informacii v hode fokus-gruppovogo issledovaniya* [The use of nonverbal information in a focus group research]. Peoples' Friendship University of Russia, No 4, pp. 24-33.
- Van deWeert A. & Eijkman, Q. A. M. (2020). Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth. *Crime, Law, and Social Change*, 73(5), 491-507.
- Vrij A., Hartwig M., Granhag P. (2019). Reading lies: Nonverbal communication and deception. *Annual review of psychology*, Vol. 70, pp. 295-317.

Г. Джумаева<sup>1</sup>, А. Бобохонов<sup>2\*</sup>

<sup>1</sup>Университет Инха в Ташкенте, г. Ташкент, Узбекистан

<sup>2</sup>Университет мировой экономики и дипломатии, г. Ташкент, Узбекистан

\*e-mail: b.abbos@rambler.ru

## МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ В ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

В условиях глобализации и стремительного развития информационно-коммуникационных технологий в контексте непрекращающейся борьбы между государствами за власть и влияние на систему международных отношений, в процессе которой основным фактором является стремление акторов мировой политики обеспечить успешную реализацию своих внешнеполитических планов при помощи дипломатических, экономических, информационно-идеологических, военно-стратегических и других средств, использование интеграции средств коммуникации, сближение и слияние различных способов передачи информации в медиaprостранстве в целях улучшения их восприятия и усиления влияния на сознание масс, тем самым достижения своих политических интересов обретает особую актуальность. Медиаконвергенция в политической сфере и в международных отношениях становится для государств, претендующих на статус сверхдержавы, инструментом массового воздействия на публику, распространения своей культуры и своего влияния, повышения имиджа страны. Однако именно политический аспект данного концепта рассматривается в академической науке недостаточно широко и глубоко, что обуславливает необходимость более тщательного изучения на основе конкретных примеров его применения в международной и региональной политике ведущими акторами арены мировой геополитической борьбы.

В данной статье рассматриваются вопросы использования Китаем концепта медиаконвергенции в качестве действенного механизма использования «мягкой силы» в глобальном медиaprостранстве и в медиaprостранстве Центральноазиатского региона. Позиционируя себя как великую державу в неконфронтационной манере, КНР в целях усиления своего влияния на систему международных отношений уделяет основное внимание средствам массовой информации, их конвергированию и комбинации различных видов и форм, активному вхождению и функционированию за рубежом, направляя в данную стратегию огромные инвестиции. В заключение автором даются прогнозы по активизации Поднебесной политики повышения своего позитивного имиджа, в том числе посредством применения феномена медиаконвергенции.

**Ключевые слова:** СМИ, мягкая сила, Китай, Центральная Азия, медиаконвергенция.

G. Djumaeva<sup>1</sup>, A. Bobokhonov<sup>2\*</sup>

<sup>1</sup>Inha University in Tashkent, Tashkent, Uzbekistan

<sup>2</sup>University of World Economy and diplomacy, Tashkent, Uzbekistan

\*e-mail: b.abbos@rambler.ru

### Media convergence as a tool for the formation and use of soft power in Chinese politics

In the context of globalization and the rapid development of information and communication technologies, the ongoing struggle between states for power and influence on the system of international relations, in which the driving force is the desire of world political actors to ensure the successful implementation of their interests through diplomatic, military-strategic, economic, information-ideological and other means, the use of the integration of means of communication, the convergence and merging of various ways of transmitting information in the media space in order to achieve their political interests is of particular relevance. Media convergence in the political sphere and in international relations becomes for states claiming the status of a superpower an instrument of mass influence on the public, spreading their culture and influence, and enhancing the image of the country. However, it is the political aspect of this concept that is considered insufficiently broadly and deeply in academic science, which necessitates a more thorough study based on specific examples of its application in international and regional politics by the leading actors of the geopolitical arena.

This article discusses the use of the concept of media convergence by China as an effective mechanism for using “soft power” in the global media space and in the media space of the Central Asian region.

Positioning itself as a great power in a non-confrontational manner, the China, in order to strengthen its influence on the system of international relations, focuses on the media, its convergence and combination of various types and forms, active entry and functioning abroad, directing huge investments into this strategy. In conclusion, the author gives forecasts for the activation of the Celestial Empire policy to increase its positive image, including through the use of the concept of media convergence.

**Key words:** media, soft power, China, Central Asia, media convergence.

Г. Джумаева<sup>1</sup>, А. Бобохонов<sup>2\*</sup>

<sup>1</sup>Университет Инха в Ташкенті Инха университі, Ташкент қ., Өзбекстан

<sup>2</sup>Әлемдік экономика және дипломатия университі, Ташкент қ., Өзбекстан

\*e-mail: b.abbos@rambler.ru

### **БАҚ конвергенциясы қалыптастыру құралы ретінде және Қытай саясатындағы жұмсақ күшті қолдану**

Жаһандану және ақпараттық-коммуникациялық технологиялардың қарқынды дамуы кезеңінде мемлекеттер арасындағы билік пен халықаралық қатынастар жүйесіне ықпал ету үшін түрлі күрестер толастамай тұр. Мұндай жағдайда, негізгі фактор әлемдік саясат акторларының сыртқы саяси жоспарларға дипломатиялық, экономикалық, ақпараттық-идеологиялық, әскери-стратегиялық және басқа да құралдарды пайдалану, коммуникация құралдарын интеграциялау, медиа кеңістікте ақпарат таратудың әртүрлі тәсілдерін қолдану және біріктіру, ақпараттарды қабылдауды жақсарту және бұқаралық санаға әсер етуін күшейту мақсатында, аталған тәсілдер ерекше өзекті болып табылады. Саяси саладағы және халықаралық қатынастардағы медиа конвергенция держава мәртебесіне үміткер мемлекеттердің көпшілікке жаппай ықпал ету, өз мәдениетін тарату елдің имиджін арттыру құралына айналады. Алайда, осы тұжырымдаманың саяси қыры академиялық ғылыми салада жеткілікті түрде жан-жақты және кеңінен қарастырылмаған, бұл оны әлемдік геосаяси күрес аренасының жетекші акторларының халықаралық және өңірлік саясатта қолдану үшін нақты тәсілдерді барынша мұқият зерделеу қажеттілігін көрсетеді.

Мақалада Қытайдың БАҚ конвергенциясы тұжырымдамасын жаһандық медиа кеңістігінде және Орталық Азия аймағының медиа кеңістігінде «жұмсақ күш» ретінде пайдаланудың тиімді екендігі қарастырылады. ҚХР қарама-қайшылықсыз тәсілдер арқылы өзін ұлы держава ретінде көрсете отырып, халықаралық қатынастар жүйесіне ықпалын арттыру мақсатында бұқаралық ақпарат құралдарына, оның әртүрлі типтері мен нысандарын қолдануға және үйлестіруге, шетелге белсенді әсер етуге және жұмыс істеуге қолданады, осы бағыттағы стратегияға көп инвестиция жұмсайды. Қорытындылай келе, автор Аспан асты елі саясатының оң имиджін арттыруға, оның ішінде медиа конвергенция әдісін пайдалану арқылы белсенді ету жайлы болжамдар жасайды.

**Түйін сөздер:** БАҚ, жұмсақ күш, Қытай, Орталық Азия, медиа конвергенция.

### **Введение**

Очевидно, что в XXI в. Китай вступил на новый этап взаимодействия с внешним миром: его успехи, помимо экономики, проявляются в достижениях во внешней политике, науке, культуре, спорте и информационной сфере. СМИ считаются значимым фактором создания благоприятного имиджа страны за рубежом. Более того, быстрое развитие китайских СМИ, направленных на зарубежную аудиторию, позволяет стране продемонстрировать собственное видение главных международных проблем и событий. По данным Института стратегических исследований Военной школы (Франция), усиливая СМИ, Пекин нацеливается установить «новый мировой медиа-порядок» с целью улучшения своего имиджа в мире, выдвижения своих геополитических интересов, рекламиро-

вания научно-технических и экономических достижений, формирования рынка сбыта и приобретения товаров, продукции и услуг. Для этого китайское правительство инвестирует 1,3 млрд. евро в год (Paul Charon & Jean-Baptiste Jeangène Vilmer, 2021).

При этом, согласно научному подходу канадского социолога М.Маклюэна, под «медиа» следует понимать не только средства массовой информации (СМИ), но и широкий спектр окружающих человека вещей: фотография, телеграф, деньги, алфавит, игры и т.д. ибо, выступая в роли «технологий» или «посредников», они не только трансформируют коммуникационные процессы, но и вступают в «срачивание» с человеческим телом и сознанием (McLuhan, 2003). Обусловлено это тем, что за последние почти полвека технологические процессы в СМИ кардинально изменились, и процесс этого преоб-

ражения формы и содержания информационной и коммуникативной среды продолжается. Она стала не только более разнообразной, но и включает в себя самые разные средства: печать, телекоммуникации, аудиопродукцию, движущееся изображение, вещание, видео и другие средства коммуникации и информационного обмена. Активно интегрируются традиционные и новые медиа, дублируя контенты или создавая альтернативные медиаплощадки. Процессы подобной интеграции в медиаиндустрии способствовали появлению и введению в научный оборот такого концепта, как медиаконвергенция (конвергенция от лат. *convergo* — «сближаю»).

Англоязычный онлайн-словарь Dictionary.com дает следующее определение данного феномена: «Медиаконвергенция — процесс, представляющий собой соединение компьютерных и информационно-технологических компаний, телекоммуникационных сетей и поставщиков информации, которые представляют издательский мир — газеты, журналы, музыку, телевидение, фильмы и развлекательное программное обеспечение. Медиаконвергенция объединяет компьютер, коммуникацию и содержание» (Dictionary.com).

В 1980-1990 гг. данный феномен стал предметом научного интереса многих зарубежных исследователей (Г.Мейкл, Ш.Янг, Г.Дженкинс, М.Кастельс, И. де Сола Пул, Е.Л.Вартанова и др.). Например, политолог И. де Сола Пул в своей работе «Технология свободы» (1983) предпринял попытку целенаправленного изучения взаимодействия медиаконвергенции с традиционными медиа, результатом которого является перевод последних в электронный формат. Пул определил, что конвергенция — есть «размывание границ между медиа как средствами обоюдной коммуникации, такими как телефон, почта, телеграф и такими средствами массовой коммуникации как пресса, радио и телевидение» (Pool, 1983).

Сегодня система СМИ представляет собой единство четырех компонентов: печати, радио, телевидения, Интернет. Конвергенция в ней подразумевает соединение и объединение в одном издании различных способов донесения контента до потребителя, т.е. появление гиперизданий, включающих различные комбинации: газета + интернет, телевидение + газета + интернет и т.п.» (Чугров, 2016). Самой отличительной особенностью конвергенции в телекоммуникационной сфере является разноаспектность процесса функционирования медиа-системы.

В настоящей работе мы не ставим цель подробно изучить данный концепт и его специфические особенности с точки зрения технологии или социологии, а ограничимся лишь изучением его применения в китайской политике, ибо придавая большое значение СМИ как мягкому средству в снятии негативного восприятия страны, возникшего в результате роста и влияния китайской экономики и активной политики в мире, а также созданию позитивного, сильного, миролюбивого образа Китая, готового делиться своими достижениями с другими странами, Китайские власти, как показывает анализ мониторинга медиапродукции, предлагаемой как в традиционном виде, так и в виде телекоммуникационных материалов в просторах мировой сети, активно и умело используют данный феномен в качестве инструмента, механизма реализации своих внешнеполитических стратегических планов.

*СМИ как один из важнейших ресурсов, движущих «мягкую силу» Пекина*

Прежде всего, необходимы анализ и оценка СМИ Китая через призму их политической ориентированности, целевых установок и реализации стратегических задач. Это даст возможность выявить элементы конвергенции, главным стремлением и важной особенностью которой является завоевать глобальное господство на мировых рынках по продаже информации, распространяясь на все уровни и процессы СМИ.

С первой декады XXI в., после провозглашения «политики открытости и реформ» (80-е годы XX в.), Китай постепенно перешел от пассивной (выжидательной внешней политики Дэн Сяопина) к прогрессивной, более активной внешней политике под руководством сначала Ху Цзиньтао, а затем — Си Цзиньпина.

В 2006 г. Китай принял Пятилетний план культурного развития, в котором целая глава была посвящена стратегии выхода китайской культуры «на мировой уровень» посредством содействия средствам массовой информации. По данным гонконгской газеты «South China Morning Post», китайское правительство выделило 6,6 млрд. долл. на модернизацию своих СМИ (Bonnie, Melissa. 2009). Бывший руководитель отдела внешнего вещания Компартии Китая, президент одного из самых крупных изданий КНР «Жэньминь жибао» Ван Чэн отметил важность создания ведущего глобального медиа-подразделения с целью влиять на международное общественное мнение, создавать положительный имидж страны (Jamestown, 2009). Данная цель властей подразумевала также предотвращение искажен-

ной информации, распространяемой в западных медиа и формирование положительного имиджа Китая за рубежом (Кокарев, Комиссина, Сведенцов. 2019). В то время основную роль в освещении мировых событий играли западные массмедиа, телекомпании, которые преимущественно определяли характер общественного мнения и восприятие зарубежной аудиторией образа другого государства, в частности и Китая. Позже Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китаю необходимо развивать «международный голос», чтобы соответствовать его национальной мощи и глобальному статусу.

Постановка вопроса в таком ракурсе обязывала кардинальный пересмотр целей и задач СМИ и ориентировала стратегический вектор на «создание первоклассных СМИ мирового уровня» и усиление «голоса Китая» на международной арене. Китайские медиа, согласно целеполаганию властей, должны были превратиться в один из важнейших инструментов в арсенале «мягкой силы» Пекина. С этого периода китайские СМИ активно стали выходить на мировую арену и усиливать использование «мягкой силы». Наблюдается активный процесс расширения присутствия Китая в зарубежных СМИ и создания собственной глобальной медиаимперии, способной нивелировать «монополию западных СМИ». Увеличение числа каналов передачи информации позволили более существенно влиять на мировое общественное мнение в нужном для Пекина ключе.

Для продвижения своего позитивного образа за рубежом Пекин активно использует события об участии КНР в крупных мероприятиях, дает о них оперативную информацию. Ярким примером тому является проведение саммитов G20, ШОС, БРИКС на территории Китая и продвижение инициативы «Один пояс, один путь», создание «Азиатского банка инфраструктурных инвестиций». Медиаканалы также акцентируют внимание на широкое освещение достижений страны, особенно в области науки и технологий, а также спорта (Инь Жуюй. 2017). Олимпиада-2008 в Пекине стала знаковым и во многом переломным событием. С нее начался новый этап мощного продвижения позитивного бренда КНР в широкие массы по всему миру.

Здесь следует особо отметить, что СМИ Китая, в отличие от западных аналогов, заключается в том, что они напрямую финансируются государством. Ключевым политическим институтом, реализующим медиастратегию страны, является *Информационное бюро Госсовета*

*КНР*. Другой отличительной особенностью по сравнению с такими западными медиа, как CNN, BBC, является то, что китайские медиа активно работают в развивающихся странах и дают информации о них. Данный подход Пекина обусловлен, прежде всего, намерением прочно закрепиться в развивающихся странах и укрепить там свою мягкую силу. При этом огромные финансовые вливания в эти страны позволяют Китаю достичь намеченные цели. Формирование позитивного имиджа в развивающихся странах поможет КНР иметь больше сторонников своих инициатив на площадках международных организаций. В результате принимаемых усилий сегодня во многих развивающихся странах исследуют и перенимают опыт Китая. В частности, Республика Узбекистан внедряет эффективный опыт КНР по борьбе с бедностью и даже начал активно сотрудничать в этом направлении с официальными властями (Арипова. 2021). Экспрезидент Бразилии И. Лула да Сильва в свое время командировал в Китай экспертов для изучения китайского опыта развития (Сафронова. 2016).

Вместе с тем в развитом мире во главе с США превалирует скептическое мнение в отношении КНР, которое, безусловно, отражается в СМИ. В связи с этим можно сказать, что системная геополитическая борьба между США и КНР переходит и на медиaprостранство. По мере того, как западные издания и телекоммуникационные сети активно высказываются не в пользу стремительно развивающейся Поднебесной, последняя предпринимает попытки не только отражения медиаатак и проявляющегося негатива в их контенте, но и улучшения имиджа Китая и распространения своего влияния. Так, к примеру, Китай организовал в США серьезную рекламную кампанию по завоеванию поддержки своих Олимпийских игр на фоне растущих призывов к бойкоту западных стран (США, Канада, Австралия, Великобритания, Япония) во главе Вашингтона. В 2021 г. рекламные площади на стадионе Capital One Arena в Вашингтоне, где проходили матчи Национальной хоккейной лиги (НХЛ), были полностью выкуплены китайцами. В целях создания позитивного образа на американской территории КНР привлекает западных влиятельных лиц в социальных сетях, у каждого из которых сотни тысяч подписчиков в TikTok, Instagram или Twitch. В частности, В.Джасвал, американский журналист Newsweek и бывший исполнительный директор FoxNews и HSBC, подписал контракт на 300 тыс. долларов с гене-

ральным консульством Китая в Нью-Йорке для разработки стратегии и проведения кампании в США, продвигающей Олимпийские игры в Пекине. 70% контента связано с культурой, включая историю Пекина, современную жизнь китайцев и новые тенденции. Еще 20% выделено для описания сотрудничества и любых положительных отзывов о Китае и США. Охват предполагает около 3 млн. показов на платформах социальных сетей, часто используемых молодыми американцами (Vincent. 2022).

Таким образом, за последние годы Пекину удалось создать огромную медиасеть, повлиявшую на повышение международного имиджа КНР и усиление ее «мягкого» воздействия. Это вызывает обеспокоенность среди западных медиакомпаний не только в связи с потерей аудитории, но и снижением имиджа западных СМИ и усилением китайского влияния.

Между тем в целях формирования положительного образа страны за рубежом «независимого» информационного пространства и развития сети иноязычных СМИ Китаем предпринят ряд нижеследующих шагов.

*Во-первых*, особый акцент направлен на активный выход китайских СМИ в иностранное медийное пространство, создание и усиление роли медиакомпаний, способных конкурировать с западными медиа-гигантами. В частности, количество зарубежных корпунктов ИА «Синьхуа» увеличилось на 186 с охватом 200 стран мира. С 2000 г. запущен новостной круглосуточный телеканал Центральное телевидение (CCTV), транслируемый на 8 языках, общая глобальная аудитория составляет 125 млн. чел. Международное радио Китая (МРК) ведет радиовещание на зарубежные страны на 38 языках мира, имеет 27 зарубежных корпунктов (Nye. 2018). Онлайн-версия газеты «Жэньминь жибао» доступна на 12 языках мира, включая казахский. Общий охват китайскими медиа на мировом масштабе составляет 5 млрд. чел. При этом издательская и медиапродукция максимально конвергируется, сливается воедино, усиливая значимость передаваемой и распространяемой информации, а также ее воздействие и влияние на сознание масс.

По мнению американского синоведа Д.Шэмбо, одной из стратегий укрепления «мягкой силы» Китая является субсидирование в расширение присутствия СМИ за рубежом с целью слома «монополии западных СМИ» (Shambaugh, 2015). Правительство Китая в 2009–2010 гг. выделило 8,7 млрд долл. на «внешнюю рекламную работу», в первую очередь, на «большую четвер-

ку»: ЦТ (CCTV), МРК, ИА «Синьхуа» и газету «China Daily», а также на «ознакомительные» туры иностранцев в КНР (Shambaugh, 2010). Очевидно, что затраты на продвижение положительного образа КНР за рубежом сделали китайские СМИ наиболее дорогим механизмом «мягкой силы» КНР.

*Во-вторых*, акцентирование на английский язык как на средства международного общения, что обусловлено целью расширения масштабов распространения информации, роста аудитории пользователей во всем мире. В январе 2009 г. Пекин объявил о выделении порядка 6,6 млрд долл. на расширение китайских иноязычных СМИ (Jamestown, 2009). Это официальное издание ЦК КПК «China Daily» и «The Global Times», «Beijing Review», позднее «China Newsweek». ИА «Синьхуа» в 2010 г. запустил круглосуточный англоязычный новостной телеканал CNC World, который осуществляет вещание через спутник на территориях Северной Америки, Европы, Африки и стран АТР. В пресс-канцелярии Госсовета КНР отметили, что «китайское правительство хочет, чтобы иностранцы увидели события в Китае и в других странах нашими глазами, чтобы мы имели свой голос».

*В-третьих*, особое внимание Пекин уделил налаживанию контроля за местными китаезычными СМИ, издающимися в разных странах мира, и усилению своего участия в их деятельности. Для этого стал использоваться метод приобретения права собственности медиа или основного пакета акций национальных медийных компаний, включая покупку вещательного и рекламного времени у независимых СМИ. В 2016 г. Пекин арендовал гигантский экран на «Таймс-сквере» в Нью-Йорке, получивший название «китайский экран», на котором показывали выступления официальных лиц КНР и китайской политики по различным вопросам международной повестки (Kalimuddin, Anderson. 2018).

Также обращено внимание на налаживание прямых контактов и установление тесного партнерства с созданными китайской диаспорой СМИ, включающие теле- и радиостанции, печатные издания, сайты интернета. Например, в США из 4 местных китаезычных изданий (журнал World Journal, газеты Sing Tao Daily, Ming Pao Daily News и The China Press) 3 прямо или косвенно контролируются правительством Китая (Жокарев, Комиссина, Сведенцов. 2019).

*В-четвертых*, осуществлен выход на информационный рынок стратегически важных для

КНР регионов. Результативным оказалось и расширение медийного влияния страны на Ближнем Востоке, в Африке и Центральной Азии, где Китай вкладывает средства в развитие местных СМИ, чтобы противостоять распространению западными СМИ искаженного представления о КНР и содействовать улучшению позитивного имиджа, знаний о Китае и его культуре в этих государствах. В результате растет число граждан, симпатизирующих углублению делового сотрудничества с Китаем.

В 2006 г. КНР купила спутниковый канал Arab Asia Business TV в ОАЭ, в 2009 г. – британский спутниковый телеканал Propeller TV, в 2013 г. приобрела 20% акций провайдера платного южноафриканского телевидения TopTV – OnDigitalMedia (Кокарев, Комиссина, Сведенцов. 2019). В России действует CCTV – Русский телеканал, который начал вещаться с сентября 2009 г. Территория его вещания оценивается в 300 млн. зрителей в 12 странах СНГ, 3 странах Балтии и Восточной Европы (Ван, 2016).

Более того, китайские СМИ относятся к числу немногих активно работающих в Африке. Один из крупнейших холдингов StarTimes – формально принадлежит частному китайскому лицу. У канала Star Times 12 млн. пользователей цифрового телевидения и еще 20 млн. пользователей мобильной связи в более чем 30 африканских странах. Они намерены довести трансляцию до 70% населения Африки в последующие 5 лет и стать “самой мощной и влиятельной медиа-группой” на континенте (Tang, 2021).

В-пятых, акцентируется внимание на размещение рекламы и платного контента. В 2020 г. «Синьхуа» взяло за практику размещение в зарубежных изданиях публикации как в печатной, так и в электронной форме на основе платного контента, тем самым активизируя процессы конвергенции СМИ. Согласно исследованию Центра отзывчивой политики, заявленные расходы КНР на деятельность по влиянию на общественное мнение (лоббирование, связи с общественностью и поддержку СМИ) в США в период 2019-2020 гг. существенно увеличились и достигли свыше 63,78 млн. долл. Издание China Daily заплатило около 1,96 млн. долл. за 6 месяцев 2021г. за рекламу пяти известным североамериканским изданиям, в том числе 700 тыс. долл. – журналу Time.

Западные эксперты считают, что усилия китайских государственных СМИ по взаимодействию с иностранными новостными агентствами и влиянию на них являются широкомасштабными,

хорошо финансируемыми и глобальными (telegra.ph, 2021). В частности, специалисты Института международных отношений ЮАР считают, что нацеленность китайских государственных медиа на перспективы расширения влияния в Африке является «частью большой стратегии мягкой силы», направленной на создание позитивного образа Пекина в районах его экономической и политической активности и уменьшение опасения за рубежом по поводу военной мощи Китая и воспрепятствованию попыткам представить образ этой страны в негативном ключе (Дейч, 2018).

Активную роль в формировании положительного образа КНР за рубежом играют и китайские посольства, которые регулярно передают материалы для прессы на различные темы, поддерживают те медиа, которые лояльно оценивают курс китайского правительства. Однако вопрос использования посольской службы в реализации стратегии мягкой силы Китая мы намерены осветить в следующих наших работах.

#### *Активизация китайских СМИ в регионе Центральной Азии*

Общеизвестно, что в современном обществе СМИ играют крайне важную роль в формировании общественного мнения и точек зрения. Относительно большинства населения Центральной Азии можно сказать, что возможностей непосредственного общения с Китаем у них мало. В этом плане СМИ являются одним из важных каналов получения информации о КНР. Некоторые центральноазиатские СМИ по разным причинам рассматривают Китай в негативном ключе. Как считают сами китайские эксперты, смакование негативных фактов из жизни КНР стало своего рода «модой». Большое количество специально подобранных новостей могут создать в умах населения одностороннее представление о Китае, ошибочное и искаженное (Хуашэн, 2015. 87).

Рост экономического веса КНР – с одной стороны, и значимость Центральной Азии (ЦА) как региона, богатого энергоресурсами, обладающего большим транзитным потенциалом и имеющего геополитическое значение, – с другой, являются определяющими факторами интереса КНР в усилении «мягкой силы» в ЦА.

Несмотря на то, что политико-экономические отношения между Китаем и странами Центральной Азии развиваются на самом высоком уровне, взаимоотношения со СМИ ЦА считаются наименее развитыми. В медийном пространстве Китай в большей степени присутствует в Рос-

сии, а из стран Центральноазиатского региона – в основном в Казахстане и Кыргызстане. Среди китайских СМИ более активны: ИА «Синьхуа», газеты «Жэньминь жибао» и «Гуанминь жибао», Международное радио Китая, Центральное телевидение «CGTN». Тем не менее, в Китае специалисты считают, что ощутимые положительные действия Китая не получают должной огласки в ЦА. В частности, ведущий китайский эксперт Чжао Хуашэн указывает, что фактически для ЦА сделано немало, особенно после экономического кризиса 2008 г., когда в некоторых странах региона возникли экономические трудности, Китай предоставил кредиты, чтобы помочь им выйти из нелегкого положения. Но эти действия Поднебесной не получили должной огласки в ЦА, и к тому же иногда извращенно толковались некоторыми ангажированными общественными группами (Хуашэн, 2015, 91-92).

По словам директора Программы по проблемам Центральной Азии Университета Джорджа Вашингтона (США) М.Ларюэля, СМИ Китая меньше представлены в Центральноазиатском регионе, что является одной из причин ограничения «мягкой силы» КНР в регионе (Laruelle, Rouse. 2020). Еще одним важным обстоятельством не в пользу «мягкой силы» являются языковые ограничения, т.е. преобладание русского языка, а также отсутствие китайскоговорящей прослойки населения. Эксперты считают, что ограниченность доступа китайских СМИ в регионе создает угрозу распространения различных домыслов и слухов о китайской политике, проектах по региону, и это негативно сказывается в восприятии КНР как среди политических кругов, так и среди населения.

Тем не менее, в качестве «опорной зоны» для широкого распространения своей информационной политики в регионе китайская сторона рассматривает Казахстан, на территории которого функционирует ряд китайских СМИ. Так, казахстанцам доступны услуги по подключению кабельных пакетов телевидения с более чем 40 китаеязычными телеканалами. Отделения ИА Синьхуа вещают на русском языке, что позволяет им поставлять информацию широкой аудитории на территории Казахстана. Более того, с 1 сентября 2021 г. онлайн-версия «Жэньминь жибао» (главная газета правительства и Компартии КНР) стала доступна на казахском языке. Цель подобной акции – улучшение взаимопонимания и взаимодействия Китая с жителями региона, на языках которых выходит газета. Основное внимание уделяется деятельности партийных лиде-

ров, в разделе «Китай – Казахстан» освещаются казахстанские новости, преимущественно связанные с КНР.

Одни эксперты в данном шаге видят расширение сферы применения казахского языка, другие считают это «мягкой силой», направленной на усиление культурного и информационного влияния Китая в Казахстане (Мамашулы, 2021). Между тем сам факт свидетельствует о том, что регион играет значимую роль для КНР, куда прикованы его стратегические интересы, особенно связанные с успешной реализацией инициативы «Один пояс, один путь».

Вхождение КНР в информационное пространство Казахстана, используя в том числе и конвергенцию всех СМИ, имеет важный шаг, демонстрирующий стратегические замыслы Пекина по укреплению своей роли и положительного имиджа в стратегически важном для себя регионе, а также для дальнейшего распространения охвата китайскими СМИ его страны. Ранее многие специалисты упрекали за незначительное влияние Китая в регионе по причине языкового барьера. С учетом этого китайская сторона приняла решение выходить на рынок на языке этой страны и осуществлять пропаганду китайской политики на казахском языке. С другой стороны, эта инициатива представляет собой попытку Китая смягчить растущие антикитайские настроения в Казахстане. Акции протестов в 2010 и 2016 гг. в Казахстане показывают низкий уровень доверия относительно проводимой Китаем политики в стране и в регионе в целом. В этой связи запуск главной газеты китайских властей на казахском языке направлен на передачу больше позитивной информации о Китае и о его культуре, тем самым снижение накала напряженности и формирование позитивного имиджа страны среди как официальных лиц, так и населения.

В целом это еще раз подтверждает мысль о том, что КНР желает усилить свое влияние в Центральной Азии, в том числе используя не только информационные ресурсы, но и такие инструменты распространения своего влияния, как их конвергенция. В частности, китайская сторона активно выходит в медиaprостранство других стран Центральной Азии, задействовав местные СМИ в повышении своего имиджа, выдвижения своих геополитических интересов. Например, в СМИ, включая контент веб-страниц, социальные сети, телеканалы стран региона, активно комментируются благотворительные акции китайских компаний, в том числе строительство

компанией ТВЕА четырех современных школ в Таджикистане, на которое выделено около 9 млн долл.

В Узбекистане в средствах массовой коммуникации – периодических печатных, а также электронных изданиях: газетах, журналах, телевизионных каналах, интернет-сайтах, социальных сетях широко освещаются активная деятельность технологического гиганта Huawei и других компаний, чья продукция популярна в нашей стране, а также организуемые ими проекты. В местном издании «rodobno.uz» имеется рубрика «Узбекистан и Китай: ключи от будущего»; совместно с Посольством КНР в Узбекистане ежегодно организовываются различные конкурсы среди местного населения на знание Китая. Подобные акции, будучи ярким проявлением процессов медиаконвергенции, являются важными факторами использования китайской «мягкой силы», которые играют особую роль в улучшении имиджа КНР путем широкой информированности местного населения о культуре и политике Китая.

По мнению эксперта Московского центра Карнеги Т.Умарова, КНР переживает за свою репутацию за границей, особенно, в соседних странах. Наряду с традиционными инструментами «мягкой силы», китайские дипломаты в ЦА активно ведут свои страницы в фейсбуке и телеграмм, в регионе появляются местные лояльные к Китаю СМИ и эксперты (Umarov, 2021).

#### *Конвергенция в зарубежной медиаиндустрии Китая*

Сегодня в рамках осуществления своей международной политики Китай предлагает миру большое количество разнообразной печатной прессы, которая активно распространяется в просторах сетевого мирового информационного пространства, влияя на медиа-ландшафт стран, в которых издается и предлагает свои медиа-услуги. Одной из них является издание World Journal. Это крупнейшая газета на китайском языке в США и за пределами Большого Китая имеет ежедневный тираж в 350 тыс. экземпляров. World Journal издается в крупных городах США, где проживает большое количество китайцев за границей, включая Нью-Йорк, Бостон, Чикаго, Даллас, Хьюстон, Лос-Анджелес, Филадельфию и Сан-Франциско. Издание с 1976 г. реализует печатную, а с 1999 г. цифровую версию (mrtranslate, 2021). «World Journal» всегда доступен для бесплатного чтения на официальном вебсайте, подписчики которого активно используют не только страницы сайта, но и всевозможные со-

циальные сети для обсуждения публикаций издания.

Другая крупнейшая газета Гонконга на китайском языке – «Sing Tao Daily» принадлежит корпорации «Sing Tao News Corporation Limited». Газета издается в других странах как международное издание для эмигрантов, бизнесменов и представителей китайской диаспоры, наиболее крупнейшие ее офисы находятся в США («Sing Tao Daily USA»), Канаде («Sing Tao Daily Canada»), Великобритании и Австралии. Кроме издания газет компания специализируется на выпуске различной тематической литературы, а также занимается продажами, консалтингом, менеджментом. Газета впервые вышла на американский рынок печати в 1965 г., когда был открыт ее офис в Нью-Йорке.

Газета считается подконтрольной Пекину и строго цензурной, ее содержание полностью отражает позиции Компартии Китая. Позиционируется как «Газета для среднего класса, познавательная и объективная». Тематами газеты являются: политика, экономика, новости США и Китая, события общины, спорт, культура, афиша мероприятий и многое другое. Бумажный тираж 181 тыс. Полнотекстовая электронная версия газеты Sing Tao дублируется и индексируется на интернет-платформе casingtao.com, имеет 16 зарубежных изданий, издает новости 9-ю зарубежными бюро и распространяется в 100 городах Китая и за рубежом (Duzhe, 2001). Газета, единственное печатное издание на китайском языке, издающееся в 3 разных городах Канады, издается 7 дней в неделю. Sing Tao издает еще несколько еженедельных журналов, а также Sing Tao Daily имеет контрольный пакет акций Первого радио Торонто AM 1540.

The China Press – газета на китайском языке, издающаяся в США, основанная 5 января 1990 г. в Нью-Йорке 11-ю американцами китайского происхождения. Ответственное и надежное освещение новостей – редакционная политика China Press. Это обязательство сделало газету чемпионом по предоставлению точного, сбалансированного и глубокого анализа с комментариями по вопросам, которые больше всего беспокоят китайско-американское сообщество. После более чем 20-летних усилий China Press превратилась в диверсифицированную медиа-группу с ежедневными и еженедельными газетами, онлайн-платформами новых медиа и имеет собственный Азиатский культурный центр. Ежедневная газета объемом не менее 52 страниц руководствуется сильной стратегией «охвата

всех США». Печатные СМИ China Press распространяются одновременно помимо Нью-Йорка и Вашингтона, еще в 11 крупных городах США. Чтобы предоставлять общественности, исчерпывающие из первых рук новости об американцах китайского происхождения, оно стало самым быстрорастущим и наиболее влиятельным изданием на китайском языке в США с ежедневным тиражом 250 тыс. экземпляров (The China Press, 2021).

Для американцев китайского происхождения The China Press стала главным источником новостей и культурной связью с материковым Китаем, Тайванем и Гонконгом. Благодаря своевременным, подробным сообщениям и беспристрастным и пронизательным редакционным статьям, The China Press превратилась в издание, влияние которого ощущается далеко за пределами США. В 1997 г. The China Press стало первым китайским изданием в США, запустившим новостной сайт на китайском языке в Интернете.

В 2006 г. бизнесмен Ван Вэйшэн стал владельцем телеканала в ОАЭ под названием Arab Alibaba Business Satellite TV. После его покупки телеканал, вещающий на территории 21 страны, был переориентирован на предоставление деловой информации китайским фирмам, работающим на рынках стран Ближнего Востока. Другой китайский предприниматель, глава китайской компании Xiking Group по имени Е Маоси приобрел британский спутниковый канал Propeller TV, который планирует использовать для популяризации китайской культуры, истории и продвижения китайского бизнеса в Европе (Izvestia, 2009). Как ожидается, часть вещания будет вестись на китайском языке. Он заверяет, что на канале появятся специальные программы о Китае и городе Учжоу, где базируется корпорация Xiking Group, а некоторые из них будут идти на китайском языке. «Это будет площадка, благодаря которой европейцы смогут больше узнать о Китае, а китайцы за рубежом получать информацию о своей родине».

Проявлением применения мягкой силы Китаем является также использование телевизионных сетей, программ, каналов, созданных или задействованных в целях распространения и пропаганды китайской культуры (литературы, искусства и других сфер, в которых отражается истинная китайская философия), ознакомления с развитием экономики Китая, историей страны и т.п. Так, в конце 2016 г. была создана Китайская глобальная телевизионная сеть (CGTN). CGTN представляет собой международную медиаорган-

низацию, цель которой предоставлять глобальной аудитории точную и своевременную информацию, а также различные аудиовизуальные услуги, способствуя общению и взаимопониманию между КНР и миром, расширяя культурный обмен, взаимодоверие и сотрудничество между Китаем и другими странами (CGTN, 2022). У CGTN есть три зарубежных производственных центра – в Найроби, Вашингтоне и Лондоне. Телеканалы CGTN доступны для просмотра более чем в 160 странах и регионах мира. В состав также входит информационное видеоагентство Global Video News Agency. CGTN яркий пример интеграции СМИ в Китае, распространяет информационный контент через цифровые платформы, включая свой сайт и мобильные приложения, а также видеохостинг YouTube, социальные сети Facebook, Twitter, Weibo и др., у которых более 150 млн. пользователей по всему миру.

Китайцы содействуют развитию телевидения и в Африке. Один из крупнейших холдингов к югу от Сахары — StarTimes — формально принадлежит частному китайскому лицу, однако правительство КНР напрямую задействовано в его развитии. Чтобы продвигать цифровое и спутниковое ТВ, была создана программа для 10 тысяч африканских деревень в 30 странах. Финансируется из бюджета КНР и дублирует китайских программ с идеологическим подтекстом. StarTimes присутствует в более 30 странах Африки, услуги платного телевидения предоставляются в 12 странах в Африке, в общей сложности 12 млн абонентов. StarTimes – самый быстрорастущий поставщик цифрового телевидения в Африке, учитывая, что имеет более чем 5 млн. DTH абонентов и DVB-T в 26 странах Африки. В настоящее время для клиентов в Африке холдинг обеспечивает DTH платформы на английском языке с помощью спутника SES-5 (wikipedia, 2022).

### Заключение

Таким образом, в условиях выдвижения Китаем международных инициатив (ОПОП, АБИИ и др.) и активного участия его практически во всех международных организациях государственная стратегия развития страны в перспективном будущем делает огромные ставки на средства массовой информации, их плодотворную деятельность с целью усиления позиции страны, пропаганды философского воззрения Китая и его культуры. При этом феномен меди-

аконвергенции, то есть интеграции всевозможных видов, типов, форм традиционных и новых телекоммуникационных средств передачи и распространения информации, является одним из действенных и эффективных элементов механизма «мягкой силы», используемой Китаем за рубежом, в том числе и в Центральноазиатском регионе.

В целом по мере развития техники и технологий Китай будет продолжать усиливать и совершенствовать этот сложный и многогранный инструмент путем задействования различных средств массовой информации, совершенствования их деятельности и дальнейшего эффективного конвергирования в медиапространстве в качестве одного из основных факторов реализации своей международной политики, подразумевающей прежде всего выдвигание своих геополитических интересов. При этом фокус внимания Пекина в этом направлении поэтапно будет смещаться от развивающихся стран на развитых странах, что со временем в силу укрепления его позитивного имиджа может вызвать значительную информационную борьбу с западными медиа-гигантами.

Нацеленность Пекина на улучшение имиджа Китая в Центральной Азии обусловлено, словами генерала НОАК Лю Ячжоу, «чрезвычайно большой стратегической ценностью с ге-

ополитической точки зрения» и уверенностью в том, что тот, кто контролирует Центральноазиатский регион, обладает ключом к «будущему стран на другом конце [евразийского] моста» (Uljivic, 2021). Окрестив Центральную Азию «жирным куском пирога, дарованным небесами сегодняшнему китайскому народу», Лю тем самым определил, что Центральная Азия всегда будет занимать ключевую позицию в геополитических расчетах Пекина, который будет выстраивать свою стратегию на евразийском пространстве с учетом: а) расположения региона вдоль главной оси Восток-Запад; б) обладания богатыми энергоресурсами; в) границ с проблемным в плане обеспечения безопасности Афганистаном; г) больших возможностей завоевания рынка сбыта и приобретения товаров и др. Данные обстоятельства будут способствовать в перспективном будущем активизации сотрудничества КНР с ЦА, в том числе его присутствия в медиапространстве региона. При этом Китай также усиленно будет привлекать всевозможные виды, средства формы распространения полезной с точки зрения реализации своих далекоидущих целей информации с использованием их конвергенции. Сегодня очевидность стремления Китая к усилению своей пропаганды в больших и малых странах мира неоспорима.

## Литература

- Paul Charon & Jean-Baptiste Jeangène Vilmer. (2021) Les opérations d'influence chinoises: Un moment Machiavélien. September 2021. -С. 16. <https://www.irsem.fr/>.
- Маклюэн М. (2003) Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле. 464 с. (Прилож. к сер. «Публикации Центра Фундамент. Социологии»).
- Dictionary.com [Electronic resource]. — Режим доступа: <http://dictionary.reference.com/>.
- Pool I. de Sola. (1983) *Technologies of Freedom*. Cambridge, Mass.: Belknap Press. 299 p.
- Чугров С.В. (2016) Российская политика сквозь призму социологических замеров // Полис. Политические исследования. 2016. №5.
- Chinese soft power and its implications for the United States // Bonnie S. Glaser and Melissa E. Murphy. (2009) *Soft power with Chinese characteristics: The ongoing debate*. March 2009. CSIS Report. 17 p.
- Chinese State Media Goes Global: A Great Leap Outward for Chinese Soft Power? January 22, 2009. // <https://jamestown.org/program/chinese-state-media-goes-global-a-great-leap-outward-for-chinese-soft-power/>.
- Кокарев К.А., Комиссина И.Н., Сведенцов В.Л. (2019) Политика «мягкой силы» Китая в Азии.-Проблемы национальной стратегии (РИСИ), № 3 (54) 2019. -С. 31.
- Инь Жуюй. (2017) Применение «Большой стратегии» в освещении новостей в качестве важного способа продвижения «мягкой силы» Китая (на примере телеканала CCTV News). *Власть*. 2017, №7. -С. 176.
- 林毅夫教授一行受到乌兹别克斯坦共和国总理亲切接见 [Профессор Джастин Ифу Линь и другие участники китайской делегации на встрече с премьер-министром Республики Узбекистан] / Пекинский университет. — 28 августа 2019 // <https://www.nse.pku.edu.cn/sylm/xwsd/496212.htm>. См. также.: Арипова М. (2021) Узбекская модель сокращения бедности: опыт Китая. 11.03.2021. <https://review.uz/post/uzbekskaya-model-sokrasheniya-bednosti-opt-kitaya>
- Сафронова Е.И. (2016) Проект «Один пояс, Один путь» в контексте стран Африки и Латинской Америки. *Журнал «Китай в мировой и региональной политике. История и современность»*. 2016. -С. 162-163.
- Vincent Ni. (2022) China hires western Tik Tokers to polish its image during 2022 Winter Olympics. Sat 22 Jan 2022. <https://www.theguardian.com/world/2022/jan/22/china-hires-western-tiktokers-to-polish-its-image-during-2022-winter-olympics>.

- Nye J. (2018) China turns soft power into a sharp tool // *The Globe and Mail*. 2018. 10 January. // <https://www.theglobeandmail.com/opinion/china-turns-soft-power-into-a-sharp-tool/article37540255/>; See also: Albert E. (2018) China's Big Bet on Soft Power // Council on Foreign Relations. 2018. 9 February. // <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-big-bet-soft-power>.
- David Shambaugh. (2015) China's Soft-Power Push // July/August 2015 Foreign Affairs. // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push>.
- David Shambaugh. (2010) China Flexes Its Soft Power. June 7, 2010. // <http://www.brookings.edu/research/opinions/2010/06/07-china-shambaugh>
- Chinese State Media Goes Global: A Great Leap Outward for Chinese Soft Power? January 22, 2009. // <https://jamestown.org/program/chinese-state-media-goes-global-a-great-leap-outward-for-chinese-soft-power/>.
- Kalimuddin M., Anderson D.A. (2018) Soft Power in China's Security Strategy // *Strategic Studies Quarterly*. 2018. Vol. 12, no. 3. P. 121.
- Кокарев К.А., Комиссина И.Н., Сведенцов В.Л. (2019) Политика «мягкой силы» Китая в Азии. «Проблемы национальной стратегии» (РИСИ), № 3 (54) 2019. -С. 48.
- Ван Юе. (2016) Основные традиционные каналы внешней коммуникации в Китае. Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика, 2016, № 2. – С. 148.
- Didi Tang. (2021) Hi-Yah! Beijing sells kung-fu to Africa. September 13 2021. // <https://www.thetimes.co.uk/article/chinese-tv-makes-inroads-into-africa-90btzpdwm>.
- Китайские государственные средства массовой информации стремятся к распространению своих пропагандистских материалов в англоязычных изданиях. URL: <https://telegra.ph/Kitajskie-gosudarstvennye-sredstva-massovoj-informacii-stremyatsya-k-rasprostraneniyu-svoih-propagandistskih-materialov-v-angloy-08-24>.
- Дейч Т.Л. (2018) «Мягкая сила» как инструмент политики Китая в Африке. 10 июня 2018. // <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4719>.
- Чжао Хуашэн. (2015) Создание образа: как Китаю закрепиться в Центральной Азии. Ежегодник ИМИ Выпуск 4 (14) 2015. С. 87.
- M.Laruelle, D. Royce. (2020) No Great Game: Central Asia's Public Opinions on Russia, China, and the U.S. Kennan Cable No.56, 1 August 2020.
- Мамашулы А. (2021) «Мягкая сила»? Зачем главная газета Китая «заговорила» на казахском. 9 сентября 2021. // <https://rus.azattyq.org/a/china-people-s-daily-newspaper-kazakh-language/31451206.html>.
- Umarov T. (2021) Dangerous Liaisons: How China is Taming Central Asia's Elites. 22.01.2021. Carnegie Moscow Center. // <https://carnegiemoscow.org/commentary/83756>.
- <http://mrtranslate.ru/smi/usa/world-journal/>, дата обращения 14.12.2021.
- Duzhe, Mei. (2001) "How China's Government is Attempting to Control Chinese Media in America", China Brief Vol 1, Issue 10. Jamestown Foundation, November 21, 2001.
- [https://buildwiki.ru/wiki/The\\_China\\_Press](https://buildwiki.ru/wiki/The_China_Press).
- Британский телеканал Propeller TV стал китайским. Известия 13 июля 2009 //Электронный ресурс: <https://iz.ru/news/454462>.
- CGTN, видеть мир иначе. Электронный ресурс: [https://russian.cgtn.com/about\\_us](https://russian.cgtn.com/about_us).
- <https://en.wikipedia.org/wiki/StarTimes>
- Srdjan Uljevic. China's Central Asia strategy in the age of "extreme competition". Mar 29, 2021. Eurasianet. // <https://eurasianet.org/perspectives-chinas-central-asia-strategy-in-the-age-of-extreme-competition>

## Reference

- Paul Charon & Jean-Baptiste Jeangène Vilmer. (2021) Les opérations d'influence chinoises: Un moment Machiavélien. September 2021.
- Marshall McLuhan. (2003) Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man] // per. s angl. V. Nikolayeva. M.; Jukovskiy: KANON-press-S: Kuchkovo pole. 464 s. (Prilozh. k ser. «Publikatsii Sentra Fundament. Sotsiologii»). (In Russian)
- Dictionary.com [Electronic resource]. — Режим доступа: <http://dictionary.reference.com/>.
- Pool I. de Sola. (1983) Technologies of Freedom. Cambridge, Mass.: Belknap Press. 299 p.
- Chugrov S.V. (2016) Rossiyskaya politika skvoz prizmu sotsiologicheskix zamerov [Russian politics through prism of sociological measurements]// Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2016. №5. (In Russian)
- Chinese soft power and its implications for the United States // Bonnie S. Glaser and Melissa E. Murphy. (2009) Soft power with Chinese characteristics: The ongoing debate. March 2009. CSIS Report. 17 p.
- Chinese State Media Goes Global: A Great Leap Outward for Chinese Soft Power? January 22, 2009. // <https://jamestown.org/program/chinese-state-media-goes-global-a-great-leap-outward-for-chinese-soft-power/>.
- Kokarev K.A., Komissina I.N., Svidensov V.L. (2019) Politika "myagkoy sili" Kitaya v Azii [China's Soft Power Policy in Asia]. Problemi natsionalnoy strategii (RISI), № 3 (54) 2019. -S. 31. (In Russian)
- Yin Ruyu. (2017) Primeneniye «Bolshoy strategii» v osvemyenii novostey v kachestve vajnogo sposoba prodvijeniya «myagkoy sili» Kitaya (na primere telekanala CCTV News) [The use of Grand Strategy in news coverage as an important way to promote China's "soft power" (using the example of CCTV News)]. Vlast. 2017, №7. -S. 176. (In Russian)
- Aripova M. (2021) Uzbekskaya model sokrasheniya bednosti: opit Kitaya [The Uzbek Model for Poverty Reduction: China's Experience]. 11.03.2021. (In Russian)

Safronova E.I. (2016) Proyekt «Odin poyas, Odin put» v kontekste stran Afriki i Latinskoy Ameriki [One Belt, One Road project in the context of African and Latin American countries]. Jurnal «Kitay v mirovoy i regionalnoy politike. Istoriya i sovremennost». 2016. -S. 162-163. (In Russian)

Vincent Ni. (2022) China hires western Tik Tokers to polish its image during 2022 Winter Olympics. Sat 22 Jan 2022. <https://www.theguardian.com/world/2022/jan/22/china-hires-western-tiktokers-to-polish-its-image-during-2022-winter-olympics>.

Nye J. (2018) China turns soft power into a sharp tool // The Globe and Mail. 2018. 10 January. // <https://www.theglobeandmail.com/opinion/china-turns-soft-power-into-a-sharp-tool/article37540255/>.

Albert E. (2018) China's Big Bet on Soft Power // Council on Foreign Relations. 2018. 9 February. // <https://www.cfr.org/background/chinas-big-bet-soft-power>.

David Shambaugh. (2015) China's Soft-Power Push // July/August 2015 Foreign Affairs. // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push>.

David Shambaugh. (2010) China Flexes Its Soft Power. June 7, 2010. // <http://www.brookings.edu/research/opinions/2010/06/07-china-shambaugh>

Chinese State Media Goes Global: A Great Leap Outward for Chinese Soft Power? January 22, 2009. // <https://jamestown.org/program/chinese-state-media-goes-global-a-great-leap-outward-for-chinese-soft-power/>.

Kalimuddin M., Anderson D.A. (2018) Soft Power in China's Security Strategy // Strategic Studies Quarterly. 2018. Vol. 12, no. 3.

Wang Yue. (2016) Osnovniye traditsionniye kanali vneshney kommunikatsii v Kitaye [The main traditional channels of external communication in China]. Vestnik RUDN, seriya Literaturovedeniye. Jurnalistika, 2016, № 2. (In Russian)

Deytch T.L. (2018) «Myagkaya sila» kak instrument politiki Kitaya v Afrike [“Soft power” as an instrument of China's policy in Africa]. 10 iyunya 2018. (In Russian)

Zhao Huasheng. (2015) Sozdaniye obraza: kak Kitayu zakrepitsya v Sentralnoy Azii [Image creation: How China can gain a foothold in Central Asia]. Yejegodnik IMI Vipusk 4 (14) 2015. (In Russian)

M.Laruelle, D. Royce. (2020) No Great Game: Central Asia's Public Opinions on Russia, China, and the U.S. Kennan Cable No.56, 1 August 2020.

Umarov T. (2021) Dangerous Liaisons: How China is Taming Central Asia's Elites. 22.01.2021. Carnegie Moscow Center.

Duzhe, Mei. (2001) How China's Government is Attempting to Control Chinese Media in America, China Brief Vol 1, Issue 10. Jamestown Foundation, November 21, 2001.

Srdjan Uljevic. (2021) China's Central Asia strategy in the age of “extreme competition”. Mar 29, 2021. Eurasianet. // <https://eurasianet.org/perspectives-chinas-central-asia-strategy-in-the-age-of-extreme-competition>.

**Manju Shakya<sup>1</sup>** , **Tikaram Aryal<sup>2\*</sup>** 

<sup>1</sup>Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, South Korea

<sup>2</sup>Korea Christian University, Seoul, South Korea

\*e-mail: aryaltikaram1@gmail.com

## **POLITICS IN HUMANITARIAN AID: REJECTION OF TAIWAN'S AID BY NEPAL**

The devastating earthquake of 2015 in Nepal overwhelmed the Nepal government, which resulted in the government seeking help from the international community. The call from the Nepal government was responded to quickly by many countries. While the government accepted the help from far countries, the Nepal government rejected the humanitarian aid offered by Taiwan saying that Nepal only takes such aid from its neighboring countries. This paper examines the reasons behind the aid rejection of Taiwan by Nepal and tries to answer what could have happened if it was accepted. Though Nepal is one of the Least Developed countries, even during the disaster time, the aid was rejected. The paper concludes that, even during the most crucial time, there is politics in accepting aid. Nepal's rejection of Taiwan's aid was because of the pressure to obey the diplomatic relation with China, as Nepal is dependent on China but not on Taiwan.

**Keywords:** Nepal, Taiwan, humanitarian aid, earthquake, China, diplomatic relation

Манжу Шакья<sup>1</sup>, Тикарам Арьял<sup>2\*</sup>

<sup>1</sup>Хангук шетел тілдері университеті, Сеул, Оңтүстік Корея

<sup>2</sup>Корея христиан университеті, Сеул, Оңтүстік Корея

\*e-mail: aryaltikaram1@gmail.com

### **Гуманитарлық көмектің саяси өлшемі: Непалдың Тайвань көмегінен бас тартуы**

2015 жылы Непалда орын алған жойқын жер сілкінісі үкіметті дүр сілкіндірді. Нәтижесінде Непал үкіметі халықаралық қауымдастықтан көмек сұрауға мәжбүр болды. Көптеген елдер Непалдың үндеуіне тез жауап берді. Ел үкіметі алыс шет елдердің көмегін қабылдаса, Непал Тайвань ұсынған гуманитарлық көмекті қабылдамай, оның себебін Непал тек көрші елдердің гуманитарлық көмегін ғана қабылдайтындығымен негіздеді. Бұл мақалада Непалдың неліктен Тайвань ұсынған гуманитарлық көмектен бас тартуының себептері қарастырылады. Сондай-ақ, Тайваньның гуманитарлық көмегін ел үкіметі қабылдаған жағдайда бұл процесс қандай жағдайға алып келуі мүмкін деген сұраққа жауап беруге тырысады. Непалдың табиғи апаттан есенгіреп қалғанына қарамастан, әлеуеті аз дамыған елдердің бірі екенін ескерсек, ол әлі күнге дейін Тайваньның гуманитарлық көмегінен бас тартып келеді. Бұл зерттеу мемлекеттің тағдыры ең қиын жағдайларға тап болған жағдайда да гуманитарлық көмекті алуға қатысты шешім қабылдауда саяси компонентті ескеруге мәжбүр деген қорытындыға келеді. Непалдың Тайваньға көмектесуден бас тартуы – оның Қытаймен дипломатиялық қарым-қатынасты позитивті түрде сақтау қажеттілігіне байланысты болды. Өйткені Непал Тайваньға емес, Қытайға тікелей тәуелді екендігін ескеру қажет.

**Түйін сөздер:** Непал, Тайвань, гуманитарлық көмек, жер сілкінісі, Қытай, дипломатиялық қарым-қатынас

Манжу Шакья<sup>1</sup>, Тикарам Арьял<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Южная Корея

<sup>2</sup>Христианский университет Кореи, Сеул, Южная Корея

\*e-mail: aryaltikaram1@gmail.com

### **Политическая составляющая в области гуманитарной помощи: отказ Непала от помощи Тайваня**

Разрушительное землетрясение, произошедшее в 2015 году в Непале, потрясло правительство страны. В результате чего Непал обратился за помощью к международному сообществу. На призыв Непала быстро откликнулись многие страны. В то время как правительство страны приняло помощь от стран дальнего зарубежья, Непал отклонил гуманитарную помощь, предложенную

Тайванем, заявив, что Непал принимает помощь гуманитарного характера только от соседних стран. В этой статье рассматриваются причины отказа Непала от помощи, которую предложил Тайвань, а также делается попытка ответить на вопрос, что могло бы произойти, если бы данная помощь была принята со стороны правительства страны. Учитывая, что Непал является одной из наименее развитых стран, к тому же потрясённая стихийным бедствием все-таки отказалась от гуманитарной помощи со стороны Тайваня. В исследовании делается вывод о том, что даже в самых критических ситуациях присутствует политическая составляющая в принятии решений. Отказ Непала от помощи Тайваня был обусловлен необходимостью соблюдать дипломатические отношения с Китаем, поскольку Непал зависит напрямую от Китая, а не от Тайваня.

**Ключевые слова:** Непал, Тайвань, гуманитарная помощь, землетрясение, Китай, дипломатические отношения.

## Introduction

On 25 April 2015, Nepal was hit by the devastating earthquake of the 7.8 Richter scale that affected 30 districts out of 75 districts. The earthquake killed nearly 9000 people, 22000 people were injured, and more than half a million houses were collapsed or destroyed (National Planning Commission, 2015). Nepal government immediately declared a state of emergency after the earthquake and asked the international community for aid (Rafferty, 2020). The call from Nepal was quickly addressed by neighboring countries India and China by sending aid and rescue teams. Besides, Pakistan, Australia, Israel, Japan, UK, USA also helped Nepal (BBC News, 2015). While many countries rushed to help Nepal following the call of the Nepal government, Taiwan's humanitarian aid was declined by Nepal though Taiwan has the expertise in disaster recovery and relief (Rauhala, 2015). According to the government of Nepal, Nepal only accepts such aid from its neighboring countries like India but the reasons might be deeper than this as Nepal accepted humanitarian aid from far countries like the USA, Israel, Japan (Chronicle, 2015). So, this paper seeks to find the possible reasons behind the aid rejection of Taiwan by Nepal and the possible impact that might happen to Nepal. While talking about Taiwan's aid policy, it is also necessary to cover the China case as Taiwan and China has been for long had the controversies.

## Research Methodology

The main objective of this paper is to find the reasons behind the rejection of Taiwan's aid to Nepal during the devastating disaster time. This study is based on secondary data. For the study, historical relations of Taiwan with China, relations of China and Nepal, and few instances of what might happen for being inclined to Taiwan are analyzed.

Since Taiwan and China continue to have a rivalry, for this study the historical background of Taiwan and China is used. Similarly, China has been using foreign aid to promote the "One China Policy". Therefore, Chinese foreign aid policy is also used to prove the hypothesis.

### *Importance of the Study*

The literature related to humanitarian aid is a popular topic in the field of international relation. There are many studies done on humanitarian aid, especially related to the motives of developed countries to provide aid to developing countries. Unlike the ongoing trend of humanitarian aid, this study seeks to find the reason of aid rejection by one of the least developed countries for which Nepal has been taken as an example. Nepal rejected the humanitarian aid of Taiwan during the major disaster in Nepal. So, this study would be an interesting piece to find the politics behind humanitarian aid from the receiver's perspective.

### *Defining Humanitarian aid*

Humanitarian aid is needed the most at present because of the many ongoing problems in the world like the present pandemic, climate change related natural disasters, refugee crises, and many more. Though the traditional concept of humanitarian aid is believed to be out of altruism, Khakee (2018) argues humanitarian aid to be the subject of state power. This type of aid has been used by the state as a tool to gain influence and build alliances internationally. Therefore, as per the political interests of the state, the size and scope of the aid are also determined. This is the realistic perspective where national security is the main goal of the state. The next paper by Duffield, Macrae, and Curtis (2002) mentions the term 'new humanitarianism' to explain the changing role of humanitarian aid. Humanitarian aid now has been one of the most important strategies of the western governments to settle violence, decrease violence and prepare for liberal development. Therefore, politics in humanitarian aid is not a new thing in the literature of aid.

Humanitarian aid was there in the world from the very past but the modern concept of humanitarian aid started in the mid 20<sup>th</sup> century after World War I with the Treaty of Versailles. After World War II there was the sudden rise of non-governmental organizations and aid started becoming global also because of the advent of transportation and communication (Rasaback-Smith, 2015). The Red Cross and Red Crescent Movement in 1965 formulated the principles that should guide humanitarian aid which should be guided by the principles of humanity, neutrality, impartiality, and independence. This was also endorsed by 194 state parties to the Geneva Conventions. This aid should benefit the affected people from natural disaster or a complex emergency like armed conflict. The guideline hinted that the humanitarian aid is out of philanthropic will but modern humanitarian aid is not limited to that. One state aid other state for many reasons like economic growth but accepting the aid indirectly also shows the recipient state's weakness. So, time and again can see the events where aids are rejected for the leaders of the states wish to improve their international prestige which shows their self-sufficiency (Carnegie, Dolan, 2020).

#### *Cases of aid rejection*

There are number of cases at present where aid was rejected by the nation. In August 2018, one of the Indian states, Kerala was hit by the worst flooding that affected 5.4 million people and killed over 400 lives. The government of Kerala estimated that because of the flood and associated landslides, there was more than USD 3.8 million in economic loss (Hunt, Menon, 2020). The flood got attention internationally where several countries, including the United Arab Emirates, offered USD 100 million in aid to the state. However, the central government of India rejected the aid saying that India does not have the policy of accepting aid for the crisis like since 2004 (Mohan, 2018). Bagchi (2018) explains that India is now the enthusiastic aid giver who has extended the assistance to other developing countries. Through the aid giving and not accepting aid, India wants to change its image as a self-sufficient nation from the country with poverty.

The next case of rejection is by the United States when Tropical Storm Katrina in August 2005 hardly hit the communities of Louisiana, Mississippi, and Alabama badly. There were more than 1500 casualties from the Storm Katrina (Kelman, 2007). Former President George W. Bush said this to be one of the worst natural disasters in the country's history that did severe devastation throughout the Gulf Coast region. After the destruction by

Hurricane Katrina, soon many countries around the world pledged aid to help. More than 90 countries offered the U.S \$854 million in cash and oil but many including the biggest pledge of UAE was rejected (Borgen, 2013). Bush at that time said that the rejection was done because the country was able to manage by themselves and would not want to depend upon other countries (Dany, 2018). In some way, it makes sense as the U.S.A is the most powerful country and self-management does not look ambitious but later Bush was criticized for not being able to handle the disaster properly (Sylves, 2006). So, this shows that though the country was not able to handle the disaster by itself, rejection of the aid has different reasons, most likely to show the world its power and capability.

Similarly, Japan also rejected the humanitarian aid during the Great Hanshin Earthquake in Kobe in 1995. Many humanitarian aids were rejected by Japan at the time, but the most noticeable was the flu vaccine offered by the United States. At that time, flu was spreading all over the world, and an American relief group thought the earthquake victim might need it. So, they offered to send a million doses of flu vaccine but was rejected by Japan (Landers, 1995). In this case, Japan has the lots of experience in managing disaster as Japan is one of the most prone countries for earthquake and the country is one of the developed one (Dany, 2018). So, self-reliance in disaster management make sense.

In all the cases, India, the USA, and Japan wanted to show their capability of handling the disaster without anybody's help though the reality was not the same. Unlike the case of India, Japan and the USA, in the case of Nepal which is still in the least developed list, the reasons for showing their self-dependency in disaster management are not valid. Nepal rather itself asked the help from other countries and organizations but the humanitarian aid proposed by Taiwan was turned down though the country has the long experience and good manpower of handling the disaster.

#### *China-Taiwan Relation and Nepal's inclination to China*

Since the end of the civil war in 1949, Taiwan and China compete for diplomatic recognition in the international arena and both are using foreign aid to show their presence. After China replaced Taiwan in the United Nations in 1971, Taiwan has been struggling for its recognition (Maggiorelli, 2019). However, it is since 1949, Taiwan has been a de facto sovereign nation but for China, Taiwan is still their territory which China expects to bring under control. Since China views Taiwan wayward

province, China will not have diplomatic relations with any country that recognizes Taiwan as a state (Lyon, 2019).

Recently, Kiribati cut off the diplomatic relation with Taiwan to join diplomatic ties with China. Taiwan then immediately, shut down its embassy in Kiribati (Lee, 2019). This shows that, it is impossible to have a diplomatic relation with both the countries at the same time. Kiribati's cutting off the diplomatic relation with Taiwan and joining China is related to China's One China policy which began after the end of the civil war. This has been the main feature of China's foreign policy, where other countries maintaining the diplomatic relations much recognized only one Chinese government and cannot establish diplomatic relations with China and Taiwan at the same time. China takes this policy seriously. In between 1987 and 1989, Belize established diplomatic relations with both the countries where Belize adopted the Two Chinas Policy for which China canceled its relations with Belize (Maggiorelli, 2019).

The relation between Nepal and China is long where the formal diplomatic relation started in 1955. The relation is much broader and close also, because of its proximity. Nepal has respected China's one-China policy where Nepal and China enjoy friendly and cordial relations by respecting each other's sovereignty, territorial integrity, and independence. This statement has been mentioned in the site of the Chinese Embassy to Nepal. A similar thing about the relation between China and Nepal is written on the site of the Ministry of Foreign affairs of Nepal. It adds that Nepal is fully committed to the One China policy and will not allow its soil to be used for unfriendly activities (Government of Nepal). Nepal's foreign policy is directed towards preserving autonomy and addressing domestic economic and security issues. Nepal's foreign policy has also focused on maintaining close and intimate relations with China for national security and independence (Dahal, 2018). China has also respected Nepal's sovereignty. Time and again, India comes under the controversy of trying to control Nepal but in the case of China, China has never interrupted in the sovereignty of Nepal. So, the experts in the field of international relations say that the China's non-interference policy has helped China create a positive image among Nepalese people (Sharma, 2018).

#### *China's contribution to Nepal*

China is one of the major donors for Nepal. Nepal has been received China aid for many developmental projects which are mainly focused

on infrastructure development which Nepal takes in a positive way (Shakya, Gurung, 2015). At present also, there are many ongoing projects like hydropower projects, road projects, airport project which are under Chinese assistant (MOFA Nepal). With the help of China's aid, more than 30 projects are completed in Nepal over the past 50 years which played a constructive role in the social and economic development of Nepal (Prasad, 2015).

Nepal being rich in natural beauty, Nepal tourism is always in the priority for which China is the major tourist boost to Nepal. China is the second-largest tourism source for Nepal's tourism industry. In the year 2015, the total of 66,984 tourists from China visited Nepal whereas only 5301 tourists came from Taiwan (Ministry of Culture, Tourism and Civil Aviation, 2015). In order to promote tourism in Nepal, Nepal planned to organize Visit Nepal 2020 with the aim to welcome two million tourists in 2020 (Pandey, Dhakal, 2019). The plan was not successful due to Covid-19 but the Chinese Ambassador to Nepal Hou Yanqi posted her picture on social media where she was showcasing Nepal's beauty (Wang, 2019).

China is also the second-largest trading partner to Nepal. Nepal exported goods worth Rs. 2.18 billion to China in the fiscal year 2013-14. Though the import is high and there is the trade deficit, China from their side has given zero tax entry facility more than 8000 Nepali products since 2009 to encourage Nepali's export (The Himalayan, 2018). According to that data by United Nations COMTRADE, while Nepal exported goods worth \$22.33million in 2017, Taiwan is nowhere on the list. Nepal and China under the government biannually host Nepal-China's Tibet Economic and Trade fair since 1990 which gives the new business opportunities (RSS, 2015). The trade between China and Nepal became even more important after the unofficial blockage was done by India in 2015. The importance of China was seen clearly when India did blockage and Nepal got a shortage of daily products including fuel. At that time also China helped Nepal by providing 1.3 million liters of petrol as a grant (Tiezzi, 2015).

### **Discussion**

Through the above discussions, it is seen that Nepal and China have a very good diplomatic relation. More than just being a neighboring country, China has been helping Nepal in many fields like trade, tourism, and other infrastructure development. Nepal knows how much China is

needed for its economic development. Having harsh relation with China may have a big impact to Nepal and China is vigilant if the nations with whom China has diplomatic relation is maintaining good relations or not.

Recently, Nepal was not invited to the 2021 Boao annual conference despite Nepal being the founding member. Though there is no exact information of why Nepal was not invited, the expert in international relations says that in 2018, Nepal's prime minister Oli did not participate in the conference because he was on a state visit to India and he even did not send his representative in the conference. Nepal's closeness through Prime minister Oli might have become an issue to China which resulted in Nepal being disqualified for the conference (Giri, 2021). Though the exact reason is unknown, this anyhow shows how much reactive is China when China sees closeness with the country they do not want to see. This is just one instance to show the impact that might have on Nepal for ignoring the relations with China.

Nepal's relations with Taiwan are not visible. Even in relation to the tourism industry, the number

of tourists that Nepal gets from China and Taiwan is incomparable.

### Conclusion

The paper aimed to find the reasons behind the aid rejection of Taiwan by Nepal but the cases related to Taiwan are not much discussed. They are significant events that show the good relations between Taiwan and Nepal. Looking at the foreign policy of Nepal, Nepal is very much committed to China's one china policy and from China's side also, China has respected Nepal's sovereignty and helped Nepal in many developmental fields. Though China has its self-interest to maintain relations with Nepal, especially because of Nepal's proximity to Tibet, the load of maintaining good relations seems heavier on Nepal's side. So, Taiwan's aid rejection by Nepal during the earthquake in 2015 is related to maintaining the diplomatic relation with China. Accepting Taiwan aid at that time could have created a negative image about Nepal which could have affected Nepal's economy. At the same time, ignoring Taiwan is no loss for Nepal.

### Reference

- Bagchi, I. (2018). Why it's perfectly justified for India to refuse foreign aid for Kerala? *The Economic Times*. Retrieved from <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/why-its-perfectly-justified-for-india-to-refuse-foreign-aid-for-natural-disasters/articleshow/65506672.cms?from=mdr> on 1 June, 2020
- BBC News (2015). Nepal quake: What is the world doing to help? Retrieved from [bbc.com/news/world-asia-32477180](http://bbc.com/news/world-asia-32477180) on 19 April, 2021
- Borgen Magazine (2013). Foreign Aid to the U.S. During Hurricane Katrina. Retrieved from <https://www.borgenmagazine.com/over-90-countries-offered-foreign-aid-to-the-u-s-during-hurricane-katrina/> on 1 June, 2021
- Carnegie, A., Dolan, L.R. (2020). The effects of rejecting aid on recipients' reputations: Evidence from natural disaster responses. *Rev Int Organ*. doi: <https://doi.org/10.1007/s11558-020-09393-y>
- Chronicle (2015). Nepal earthquake: Quake struck nation 'rejected' aid, says Taiwan. Retrieved from <https://www.deccan-chronicle.com/150428/world-neighbours/article/nepal-'rejected'-aid-says-taiwan> on 20 April, 2021
- Dahal, G. (2018). An overview of foreign relation of Nepal with China. *Journal of Political Science*, XIX, 85-99
- Dany, C. (2018). Failed cooperation in times of natural disasters: explaining the rejection of humanitarian aid. *International Relations of the Asia-Pacific*, 20, 193-223.
- Duffield, M., Macrae, J., Curtis, D. (2002). Editorial: Politics and Humanitarian Aid. *Disaster*, 25 (4): 269-274
- Giri, A. (2021). China misses out Nepal as it hosts Boao annual conference. *The Kathmandu Post*. Retrieved from <https://kathmandupost.com/national/2021/04/20/china-misses-out-nepal-as-it-prepares-for-boao-conference> on 22 April 2021.
- Hunt, K.M.R., Menon, A. (2020). The 2018 Kerala floods: a climate change perspective. *Climate Dynamics*, 54, 2433-2446.
- Kelman, I. (2007). Hurricane Katrina disaster diplomacy. *National Center for Atmospheric Research*, 31(3), 288-309.
- Landers, P. (1995). Japan defends rejection of flu vaccines for quake victims. *AP News*. Retrieved from <https://apnews.com/article/a29e6fe0fa7945878327b5d62cefa395> on 8 June, 2020.
- Lee, Y. (2019). Taiwan says China lures Kiribati with airplanes after losing another ally. *Reuters*. Retrieved from <https://www.reuters.com/article/us-taiwan-diplomacy-kiribati-idUSKBN1W50DI> on 21 April 2021.
- Lyons, K. (2019). Taiwan loses second ally in a week as Kiribati switches to China. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/20/taiwan-loses-second-ally-in-a-week-as-kiribati-switches-to-china> on 20 April 2021.
- Maggiorelli, L. (2019). Taiwan's development aid to Latin American, the Caribbean, and the one China policy. *Razon Critica*, 7, 177-208.
- Ministry of Culture, Tourism and Civil Aviation (2015). *Nepal Tourism Statistics 2015*. Government of Nepal
- Ministry of Foreign Affairs. *Nepal-China Relations*. Government of Nepal. Retrieved from <https://mofa.gov.np/nepal-china-relations/> on 20 April 2021.

- Mohan, G. (2018). India declines foreign aid for Kerala flood relief. *India Today*. Retrieved from <https://www.indiatoday.in/india/story/india-declines-foreign-aid-for-kerala-relief-1320251-2018-08-22> on 10 May 2021.
- National Planning Commission (2015). Post disaster needs assessment, Volume B. Retrieved from [https://www.npc.gov.np/images/category/PDNA\\_volume\\_BFinalVersion.pdf](https://www.npc.gov.np/images/category/PDNA_volume_BFinalVersion.pdf) on 16 April 2021.
- Rafferty, J. P. (2020, May 8). Nepal earthquake of 2015. *Encyclopedia Britannica*. <https://www.britannica.com/topic/Nepal-earthquake-of-2015>
- Rauhala, E., (2015). China rushes aid to Nepal after deadly earthquake; Taiwan is turned away. *Time*. Retrieved from <https://time.com/3836182/china-nepal-earthquake-taiwan-geopolitics/> on 19 April 2021.
- RSS (2015). 15th Nepal China-Tibet Economic and Trade Fair 2015 kicks off. *The Himalayan*. Retrieved from <https://thehimalayantimes.com/business/15th-nepal-china-tibet-economic-and-trade-fair-2015-kicks-off> on 12 June 2021.
- Rysaback-Smith, H. (2015). History and principles of Humanitarian Action. *Turk J Emerg Med*, 15 (Suppl 1), 5-7. doi: 10.5505/1304.7361.2015.52207
- Pandey, R., Dhakal, R.K. (2020). Visit Nepal Year 2020: Some Imperatives. *Journal of Social Science Research*, 1 (1), 94-108. Doi: <https://doi.org/10.3126/sjssr.v1i1.26919>
- Prasad, U.S. (2015). Study of Nepal's economic relations with China. *The Journal of Development and Administrative Studies*, 23(1-2), 23-32.
- Shakya, T., Gurung, A. (2015). Was Nepal as soft power victory for China? *FP News* Retrieved from <https://foreignpolicy.com/2015/05/01/nepal-china-earthquake-aid-taiwan-power/> on 20 April 2021
- Sharma, B.P. (2018). China-Nepal Relations: A cooperative partnership in slow motion. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 04(03), 439-455. doi:10.1142/s2377740018500239
- Sylves, R. (2006). President Bush and Hurricane Katrina: A Presidential leadership study. *The Annals of the American Academy*, 604 (1), 26-56. doi: <https://doi.org/10.1177/0002716205286066>
- The Himalayan (2018). Exports to China rise substantially. Retrieved from <https://thehimalayantimes.com/business/exports-to-china-rise-substantially> on 2 June 2021.
- Tiezzi, S. (2015). China steps in after Indian fuel stops flowing to Nepal. *The Diplomat*
- United Nations Office for Coordination of Humanitarian Affairs. OCHA on Message: Humanitarian Principles. Retrieved from [https://www.unocha.org/sites/dms/Documents/OOM-humanitarianprinciples\\_eng\\_June12.pdf](https://www.unocha.org/sites/dms/Documents/OOM-humanitarianprinciples_eng_June12.pdf) on May 2, 2021
- Wang, J. (2019). Chinese tourist influx to Nepal in 2020. *Nepali Times*. Retrieved from <https://www.nepalitimes.com/banner/chinese-tourist-influx-to-nepal-in-2020/> on 1 May 2020.

L.N. Abdrazakova<sup>1\*</sup>, Zh.R. Zhabina<sup>2</sup>, A.A. Kaliyeva<sup>3</sup>

<sup>1,2</sup>Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

<sup>3</sup>Kazakh National Women's Teacher Training University, Almaty, Kazakhstan

\*e-mail: leyla.ab310595@gmail.com

## HUMANITARIAN DIPLOMACY AS A TOOL OF INTERNATIONAL RELATIONS: THE POSITION OF THE KAZAKHSTANI FOREIGN POLICY ELITE AND THE EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES

The article provides an analysis of the development of humanitarian diplomacy in terms of current and new challenges, such as pandemic, armed conflicts. The potential for conflict will always exist in relations between states. The role of diplomacy is to anticipate and resolve problems before they escalate into conflicts. When conflicts are inevitable, diplomats work to resolve differences peacefully to avoid violent clashes. The protection of human rights is a critical area of international conflict resolution, in which diplomats play a key role. Countries with more human rights violations are more prone to fast-spreading and violent conflict. Diplomats work to prevent human rights violations and promote respect for the political, civil, economic and social rights of people in countries around the world. In recent decades, human rights issues, once considered the internal affairs of individual states, have become the subject of humanitarian interventions, often led by the UN and the world's superpowers. As a result, military intervention can be accompanied by humanitarian intervention, which is sometimes perceived as a violation of the sovereignty of the affected countries. It is in these conflict situations that diplomacy and human rights are directly linked. Humanitarian diplomacy tries to resolve potential problems through negotiations, while at the same time finding ways to help those affected by the crisis. Humanitarian diplomacy emphasizes the importance of stable political relationships to help and support vulnerable people or groups whose rights and interests are threatened and whose voices are silenced in the midst of more serious socio-political conflicts. The concept of human rights is more important now than at any time since the Cold War, as global forces shift and regional divisions flare up in response to the political, economic and social upheaval caused by the COVID-19 pandemic. Consideration of foreign experience in the humanitarian sphere can identify the role of humanitarian diplomacy in the implementation of the country's foreign policy. The article examines the models of the humanitarian policy of France as the main vector of the foreign policy of the country, Russia and the United States in the context of humanitarian assistance to Syria, which have conflicting interests in relation to the Middle Eastern country. It also examines the experience of Kazakhstan in the field of humanitarian diplomacy, as well as the position of the foreign policy elite and prospects in this area.

**Key words:** Humanitarian diplomacy, pandemic, Kazakhstan, foreign countries, international humanitarian law.

Л.Н. Абдразакова<sup>1\*</sup>, Ж.Р. Жабина<sup>2</sup>, А.А. Калиева<sup>3</sup>

<sup>1,2</sup>Абылай хан атындағы Қазақ Халықаралық Қатынастар  
және Әлем Тілдері Университеті, Алматы қ., Қазақстан

<sup>3</sup>Қазақ Ұлттық Қыздар Педагогикалық Университеті, Алматы қ., Қазақстан

\*e-mail: leyla.ab310595@gmail.com

### Гуманитарлық дипломатия халықаралық қатынастар құралы ретінде: қазақстандық сыртқы саяси элитаның ұстанымы және шет елдердің тәжірибесі

Мақалада пандемия, қарулы қақтығыстар сияқты қазіргі және жаңа қиындықтар тұрғысынан гуманитарлық дипломатияның дамуына талдау жасалады. Қақтығыстың пайда болу әлеуеті әрқашан мемлекеттер арасындағы қатынастарда болады. Дипломатияның рөлі жанжалға айналмас бұрын проблемаларды алдын-ала болжау және шешу болып табылады. Қақтығыстар сөзсіз болған кезде, дипломаттар қақтығыстардың алдын алу үшін келіспеушіліктерді бейбіт жолмен шешу үшін жұмыс істейді. Адам құқықтарын қорғау халықаралық қақтығыстарды шешудің маңызды саласы болып табылады, онда дипломаттар маңызды рөл атқарады. Адам құқықтарының бұзылуы көп елдер тез таралатын және зорлық-зомбылық қақтығыстарына

көбірек бейім. Дипломаттар адам құқықтарының бұзылуының алдын алу және әлемдегі елдердегі адамдардың саяси, азаматтық, экономикалық және әлеуметтік құқықтарын құрметтеуді алға жылжыту үшін жұмыс істейді. Соңғы онжылдықтарда бір кездері жекелеген мемлекеттердің ішкі істері деп саналған адам құқықтары мәселелері БҰҰ мен әлемдік державалар жиі басқаратын гуманитарлық араласулардың тақырыбына айналды. Нәтижесінде әскери араласу кейде зардап шеккен елдердің егемендігін бұзу ретінде қабылданатын гуманитарлық араласумен бірге жүруі мүмкін. Дәл осы қақтығыс жағдайларында дипломатия мен адам құқықтары тікелей байланысты. Гуманитарлық дипломатия ықтимал мәселелерді келіссөздер арқылы шешуге тырысады, сонымен бірге дағдарыстан зардап шеккендерге көмек көрсету тәсілдерін табады. Гуманитарлық дипломатия құқықтары мен мүдделеріне қауіп төніп тұрған және дауыстары неғұрлым ауыр әлеуметтік-саяси қақтығыстардың ортасында тұрған осал адамдарға немесе топтарға көмек көрсету және қолдау көрсету үшін тұрақты саяси қатынастардың маңыздылығын атап көрсетеді. Адам құқықтары туралы түсінік қазір қырғи қабақ соғыстан бері бұрынғыдан да маңызды, өйткені жаһандық күштер өзгеріп, аймақтық бөліністер covid-19 пандемиясынан туындаған саяси, экономикалық және әлеуметтік көтерілістерге жауап ретінде пайда болды. Гуманитарлық саладағы шетелдік тәжірибені қарау елдің сыртқы саяси бағытын іске асырудағы гуманитарлық дипломатияның рөлін сәйкестендіруі мүмкін. Мақалада Францияның гуманитарлық саясатының модельдері Таяу Шығыс еліне қатысты қарама-қайшылықты мүдделері бар Сирияға гуманитарлық көмек контекстіндегі елдің, Ресейдің және АҚШ-тың сыртқы саясатының негізгі бағыты ретінде қарастырылады. Сондай-ақ, Қазақстанның гуманитарлық дипломатия саласындағы тәжірибесі, сондай-ақ сыртқы саяси элитаның жағдайы және осы саладағы перспективалар қарастырылады.

**Түйін сөздер:** гуманитарлық дипломатия, пандемия, Қазақстан, Шет елдер, халықаралық гуманитарлық құқық.

Л.Н. Абдразакова<sup>1\*</sup>, Ж.Р. Жабина<sup>2</sup>, А.А. Калиева<sup>3</sup>

<sup>1,2</sup>Казахский Университет Международных Отношений и Мировых Языков  
имени Абылай хана, г. Алматы, Казахстан

<sup>3</sup>Казахский Национальный Женский Педагогический Университет, г. Алматы, Казахстан  
\*e-mail: leyla.ab310595@gmail.com

**Гуманитарная дипломатия как инструмент международных отношений:  
позиция казахстанской внешнеполитической элиты  
и опыт зарубежных стран**

В статье дается анализ развития гуманитарной дипломатии с точки зрения текущих и новых вызовов, таких как пандемия, вооруженные конфликты. Потенциал возникновения конфликта всегда будет существовать в отношениях между государствами. Роль дипломатии заключается в том, чтобы предвидеть и решать проблемы до того, как они перерастут в конфликты. Когда конфликты неизбежны, дипломаты работают над урегулированием разногласий мирным путем, чтобы избежать насильственных столкновений. Защита прав человека является важнейшей областью разрешения международных конфликтов, в которой дипломаты играют ключевую роль. Страны с большим количеством нарушений прав человека более склонны к быстро распространяющимся и насильственным конфликтам. Дипломаты работают над предотвращением нарушений прав человека и продвижением уважения к политическим, гражданским, экономическим и социальным правам людей в странах по всему миру. В последние десятилетия вопросы прав человека, когда-то считавшиеся внутренними делами отдельных государств, стали предметом гуманитарных вмешательств, часто возглавляемых ООН и мировыми сверхдержавами. В результате военное вмешательство может сопровождаться гуманитарным вмешательством, которое иногда воспринимается как нарушение суверенитета пострадавших стран. Именно в этих конфликтных ситуациях дипломатия и права человека напрямую связаны. Гуманитарная дипломатия пытается решить потенциальные проблемы путем переговоров, в то же время находя способы оказания помощи тем, кто пострадал от кризиса. Гуманитарная дипломатия подчеркивает важность стабильных политических отношений для оказания помощи и поддержки уязвимым людям или группам, чьи права и интересы находятся под угрозой и чьи голоса заглушаются в разгар более серьезных социально-политических конфликтов. Концепция прав человека сейчас важнее, чем когда-либо со времен холодной войны, поскольку глобальные силы меняются, а региональные разногласия вспыхивают в ответ на политические, экономические и социальные потрясения, вызванные пандемией COVID-19. Рассмотрение зарубежного опыта в гуманитарной сфере может идентифицировать роль гуманитарной дипломатии в реализации внешнеполитического курса страны. В статье исследуются модели гуманитарной политики Франции как основного вектора внешней политики страны, России и США в контексте гуманитарной помощи Сирии,

которые имеют конфликтующие интересы по отношению к Ближневосточной стране. А также рассматривается опыт Казахстана в области гуманитарной дипломатии, а также положение внешнеполитической элиты и перспективы в данной сфере.

**Ключевые слова:** гуманитарная дипломатия, пандемия, Казахстан, зарубежные страны, международное гуманитарное право.

## Introduction

The humanitarian component of modern international relations is a much broader and more complex phenomenon that does not fit into the semantic framework that is delineated by the term “international humanitarian cooperation”. If international humanitarian cooperation, by definition, cannot lead to an exacerbation of interstate contradictions, then the politicization of humanitarian issues, observed today, on the contrary, often leads to an exacerbation of two / many relations subjects of the Ministry of Defense and destabilizes the system as a whole. This “effect” is produced from ill-conceived humanitarian interventions and military interventions that appeal to the concept of “responsibility to protect”, which have become a notorious phenomenon in international relations today (Aaltola, 2009).

The main purpose of this article is to study the significance of humanitarian diplomacy in the process of foreign policy implementation in Kazakhstan and foreign countries.

Due to the limited heuristic value of the term “international humanitarian cooperation” in the context of analyzing the complex nature of the humanitarian “dimension” of modern international organizations, this study uses the newer concept of “humanitarian diplomacy” for national science as the main one. The term “humanitarian diplomacy” has its roots in English-language literature and is used in a large number of works. But many of them tend to focus on specific aspects of humanitarian diplomacy: for example, the difficulties in providing humanitarian access in areas of armed conflict or other emergency conditions and the importance of the negotiation process to overcome them. In these works, humanitarian diplomacy is defined as the activity of protecting, assisting and finding solutions for vulnerable groups of the world population, such as refugees, internally displaced persons, stateless persons (Gromoglasova, 2018).

Understood in this line, humanitarian diplomacy is based on the principles of independence, neutrality, non-partisanship and includes actors of different kinds in the negotiation process: States, intergovernmental organizations, civil society

organizations, business actors and even non-armed actors. And in publications devoted to the humanitarian diplomacy of individual states, their foreign policy initiatives are often analyzed quite uncritically, which, according to official foreign policy rhetoric, are carried out in the interest of “humanity that suffers”. But there are also several works in which the problem of subordinating the humanitarian diplomacy of States to their foreign policy interests is raised.

This study offers a slightly different perspective on humanitarian diplomacy. It is analyzed from the point of view of its effectiveness in responding to the challenges associated with the risks of total destruction of human identity and human status in the crisis spaces of modern world politics. The work starts from the fact that the question “Is this a human being?” posed by P. Levi, does not lose its relevance. In the current context, it can be understood not only as an ethical problem, but also as a management problem, moreover, on an international scale.

## Materials and methodology of the study

The research is mainly based on secondary data. In this work, we used the structural and functional analysis, method of observation, content analysis and of course conceptual framework of foreign policy of the Republic of Kazakhstan and foreign countries, analyzing the positions of foreign policy elite, charters of international humanitarian law. Practical significance of this article can be applicable in researching deeply the humanitarian sphere.

## Literature review

Basics of international humanitarian law. Most Western experts, speaking of humanitarian diplomacy, first of all refer to the basic principles of international humanitarian law. During armed conflict, IDPs are treated as civilians and are entitled to the same protection from the consequences of hostilities and the same humanitarian assistance as the rest of the civilian population.

Compliance with the basic norms of IHL prevents most cases of displacement, since they occur mainly as a consequence of violations of said

norms, such as the obligation, in all circumstances, to distinguish between civilians and combatants, between civilian and military targets; the prohibition of making civilians and civilian objects the object of attack; the prohibition of indiscriminate attacks; the obligation to take precautionary measures in the attack to preserve the civilian population; the prohibition of acts of violence and threats of violence aimed at sowing fear among the civilian population; prohibition of the use of starvation as a method of warfare; prohibition of destroying objects essential for the survival of the civilian population; the prohibition of reprisals against the civilian population and civilian objects; basic guarantees such as the prohibition of ill-treatment and the prohibition of collective punishment (Barnett, 2011).

In addition, IHL contains an explicit prohibition of movement unless dictated by public concern or compelling security considerations. IHL also establishes that, in the event of displacement, civilians must have satisfactory conditions in terms of housing, hygiene, medical care, security and nutrition, and members of the same family must not be separated. It establishes that displaced persons have the right to return in conditions of safety and dignity, as well as respect for their property. Finally, IHL establishes that the parties to a conflict must allow and facilitate the rapid and unimpeded passage of humanitarian aid (for civilians in need), distributed impartially and without adverse distinction, provided that they are granted the right to control.

## Results

*Humanitarian strategy as an integral part of French foreign policy.* With the increasing number of crises, their duration and their more complex nature, the need for humanitarian assistance is constantly increasing around the world. In order to secure the means to respond to crises, France wishes to establish a new stage in its commitment to humanitarian action by adopting a new humanitarian strategy for the next four years and tripling its annual financial contributions until 2022.

Humanitarian action aims to preserve the life and dignity of people in countries affected by crises of all kinds by responding to their basic needs: access to water and sanitation, food and medical care, and construction of shelters. Furthermore, humanitarian action is a pillar of our foreign policy, through which we express our solidarity with populations affected by crisis and contribute to

strengthening international stability. In five years, the number of people in need of humanitarian assistance has more than doubled (Harroff-Travel, 2006). At the same time, there is an increasing trend in the duration of crises, in connection with which the United Nations urges that from now on they provide funding for humanitarian activities in a particular country or region for an average of eight years.

There is currently an increase in the number of violations of the fundamental norms of international humanitarian law. Civilians and their property are targeted, and markets and schools as such are targeted. Intentional attacks target humanitarian workers and the number of such attacks continues to rise. Solidarity is the basis of France's foreign policy. As part of its humanitarian strategy for 2018-2022. France, through 15 concrete solutions, expresses its willingness to improve the effectiveness of humanitarian action. France is stepping up its efforts to promote international solidarity and stability through a significant increase in funding (until 2022, the amount of contributions is expected to triple compared to 2017 to reach the target of € 500 million by anus).

These obligations include the following measures (De Lauri, 2018):

1. The creation of a strong coalition of states to improve the protection of humanitarian and medical personnel in conflict situations;

2. Promote the protection of children in situations of armed conflict;

3. Continue participating in the Women, Peace and Security program by supporting activities that provide concrete assistance to women and girls and promote their reintegration and empowerment, in particular by supporting income-generating activities;

4. Continuation of participation in the intergovernmental process, initiated after the 32nd International Conference of the Red Cross and Red Crescent Movement, with the aim of reaching an agreement on a possible forum of States to improve compliance international humanitarian law by creating a platform for dialogue;

5. Continuation of activities aimed at attracting the largest number of supporters who support the objective of regulating the veto in case of mass atrocities, including among the permanent members of the UN Security Council;

6. Continue to mobilize efforts to combat impunity, especially with regard to violations of international humanitarian law (IHL) in conflict situations, particularly in the Middle East;

7. Work with relevant partners and stakeholders to promote the full implementation of IHL in cyberspace;

8. Develop a constructive and demanding dialogue on humanitarian issues, based on regular consultations with our main partners, whether they are parties to the conflict or new actors in humanitarian action, in order to promote compliance with IHL and establish possible cooperation;

9. Continue activities aimed at promoting IHL in our armed forces and abroad. France will continue to apply its operational methods for the protection of civilians in areas of hostilities beyond its borders;

10. Securing a place among the three largest European donors and the five largest in the world of humanitarian aid by increasing the total volume of our contributions to 500 million euros;

11. Development of a new methodology and a simplified mechanism, more accessible and applicable to all relevant services to monitor the use of funds for humanitarian purposes;

12. Approval from 2018 of a pilot project to harmonize and simplify the control requirements proposed in the Big Deal agreement to all structures that provide funding for bilateral humanitarian activities;

13. Develop, from the emergency response stage, in those places where the current situation and the nature of the crisis justify it, a long-term strategy to overcome difficulties in the context of recovery from the crisis and recovery, created by the State together with all actors of the humanitarian response and development;

14. Apply the OECD gender marker to all our bilateral humanitarian projects and continue to promote their integration into specialized agencies, funds and programs of the UN and the EU;

15. Establishment of a capacity-building mechanism for local actors, allowing each NGO project financed by the Humanitarian Emergency Fund to have a certain amount of funds to strengthen the capacity of its local partners, as well as increase funding for local actors. France will create a scoreboard to assess the degree of localization of its humanitarian activities.

Additionally, France expresses special thanks to all humanitarian and health workers working in the world's most dangerous areas to alleviate the suffering of the victims of armed conflict and natural disasters and help millions of people in emergencies. France applauds the courage and dedication of humanitarian workers working in a more challenging environment in the face of increasing armed conflict and the impact of the COVID-19 pandemic.

France reiterates its strongest condemnation of recent attacks on humanitarian and health workers, including the deadly attack that claimed the lives of six of our compatriots and two accompanying persons on 9 August in Niger, and the murder of Benoit Maria, director of a non-governmental organization in Guatemala, on August 11, 2020. Humanitarian action is based on respect for humanitarian principles: humanity, impartiality, independence and neutrality. No humanitarian worker should pay with her life for choosing to dedicate her life to helping others.

France therefore intends to ensure compliance with the requirement to protect medical and humanitarian personnel. It will continue to work tirelessly to effectively implement the principles of international humanitarian law to ensure safe and unimpeded humanitarian access and to enable humanitarian workers to carry out their functions in a safe environment. In this regard, the French authorities intend to explore ways to improve the protection of humanitarian personnel and to involve the international community, in particular within the United Nations, for this purpose. Guided by this approach, the Minister for Europe and Foreign Affairs, Jean-Yves Le Drian, launched a political statement on October 31, 2017 on the protection of humanitarian and medical personnel and, together with his German counterpart in September 2019, launched the Call to Humanitarian Action "Within the Alliance for Multilateralism".

In order to guarantee the practical implementation of this Call, in February of this year, the Minister of Europe and Foreign Affairs, Jean-Yves Le Drian, presented a training initiative in the field of international humanitarian law for state and non-state actors, as well as a national training plan in the field of international humanitarian law. The Ministry for Europe and Foreign Affairs will continue and expand its dialogue on this critical issue with humanitarian organizations at the upcoming National Conference on Humanitarian Affairs.

Russia and the United States military or humanitarian intervention: the case of Syria. In July 2020, the UN Security Council resolution on cross-border humanitarian assistance to Syria expired, and this happened during the ongoing coronavirus pandemic. All of this could intensify the confrontation between Russia and the West over the Syrian issue. A month and a half before the end of the resolution, communication between Russia and the West became difficult, as the Western community remained dissatisfied with the compromise version of the resolution

adopted in January 2020, according to which the number of positions of control was cut in half. Difficult negotiations on the issue of humanitarian assistance not only provoke political conflicts between supporters of opposing views, but can also exacerbate social problems within Syria.

The new option, initiated by Russia, an ally of Syria, which operated for six months, involved the closure of two of the four existing checkpoints and a border crossing. For six months, only two checkpoints on the border with Turkey operated: «Bab-es-Salam» and «Bab-al-Hawa». Russia explained its position by the fact that since 2014 the situation in Syria has changed and the current SAR authorities were able to take control of most of the territories, in connection with which the UN and its partners no longer have a need Urgent delivery of humanitarian aid through the most direct channels, undermining sovereignty and violating Syria's territorial integrity, according to a comment from the Russian Foreign Ministry (Hoffman & Weiss, 2018).

Two days before the expiration of the adopted resolution, Moscow and Beijing vetoed a UN Security Council draft resolution on the extension of aid to Syria proposed by Germany and Belgium, Interfax reports, citing a source at the headquarters of the UN. It is reported that 13 countries voted "in favor" of the project, China and Russia were «against» (Magone, Neuman & Weissman, 2011).

According to the comment of the Russian Foreign Ministry, the completed WHO operation for the delivery of medicines in the framework of humanitarian aid perfectly showed that the supply of areas on the eastern bank of the Euphrates River is possible from inside Syria and no return of checkpoints closed in January is not required (Kuznetsov & Kozinets, 2016).

In addition, on July 8, Russia proposed its draft UN Security Council resolution, which contained a proposal to extend the mechanism until January 10, 2021, reducing the number of checkpoints to one. Terrorist-controlled territory in Idlib province has decreased by 30%, allowing the minimum number of checkpoints to be maintained, Interfax quotes the Permanent Representative of the Russian Federation to the UN V. Nebenzya. However, this project was not approved by vote, as the West is confident that Syria needs humanitarian aid: more than 11.1 million Syrians need it, so the presence of several border checkpoints remains a temporary means and to meet the humanitarian needs of the country population that emerges from the draft resolution of the UN Security Council.

In the international community, amid the COVID-19 pandemic, fears began to appear related to the possible strengthening of terrorist groups in territories outside the control of the official Syrian authorities. The consensus in the field of experts has not yet been reached, however, many analysts tend to consider the impact of COVID-19 negligible. The pandemic only exacerbated the already difficult socio-political situation. Furthermore, because the situation in Syria has changed a lot since 2011, there is no reason to speak of an increase in the actions of terrorist groups, as the power vacuum is negligible. However, a prolonged recession caused by a pandemic and a shortage of jobs can aggravate the socio-economic status of society.

The US sanctions have had a greater impact on the civilian population, as the Assad regime's control over the Syrian economy and its institutions is extremely strong and it is almost impossible to influence it without affecting the civilian population, quotes the founder of Al -Jazeera Ibrahim Olaby. of the Syrian Legal Development Program. After all, the new sanctions package includes not only specific individuals and companies, but also entire sectors, which could completely isolate the Syrian economy from the global market, depriving Syrians of their livelihood (Régnier, 2011).

In addition, the strengthening of sanctions has given warlords and terrorists the opportunity to increase their influence through international ties and the ability to circumvent sanctions. This situation could aggravate the political conflict in Syria. Amid political disagreements over the situation in the Middle East, Chinese Ambassador to the UN Zhang Jun called the US and EU sanctions against Syria as the cause of the humanitarian crisis in the country and called for their lifting, it reported. Al Jazeera. Moscow stands in solidarity with Beijing on this issue as a whole. At the same time, the position of the Western community remains unchanged and contradicts the Russian and Chinese. For example, US Secretary of State Mike Pompeo accuses Russia and China of often resorting to the veto of the UN Security Council to support the regime of Syrian President Bashar al-Assad, ignoring the true needs of the people (Pease, 2016).

Apparently, in this situation, both the West, represented by the United States and the European Union, as well as Russia and China are using the problem of humanitarian aid in Syria to achieve their own political goals. However, on July 12, the UN Security Council adopted the fifth draft compromise resolution, according to which there was only one "Bab al-Hawa" checkpoint with an extension of

supplies for one year. At the same time, sanctions against Syria were maintained.

Thus, the growing confrontation between Russia and the West on the Syrian issue reflects the position of each side with respect to the regime of President Assad (Kremenjuk & Rogov, 2011), but does little to solve the humanitarian crisis in the country. The main political message from the West is the desire to reduce Russia's involvement in the Syrian issue in order to weaken the Assad regime, while Russia continues to support the current president.

Implementation of Kazakhstani humanitarian diplomacy: foreign policy elite's stance. For the young and independent Republic of Kazakhstan, which has become a full-fledged subject of international relations, it is extremely important to carry out a foreign policy that captures the challenges of the surrounding international system in time and responds appropriately to them, placing the national interests of our country at the forefront. This led to the scope of this study. In light of the question posed, the main objective of the study within the framework of this article is to analyze the general structure and elements of the concept of foreign policy and diplomacy of the Republic of Kazakhstan. In this regard, among the priority tasks is the study of the status, results and achievements in the implementation of Kazakhstan's foreign policy functions during the years of independence, as well as the identification on this basis of promising directions for future development (Idrisov, 2014).

Consequently, at present, given the special geopolitical position, Kazakhstan's foreign policy is developing in line with multilateral diplomacy, which allows the Republic of Kazakhstan to successfully maneuver and defend its interests in the face of stronger powers, such as China, the United States and Russia (Tokayev, 2009).

Among other things, as already noted, the priorities of our diplomacy are deepening and expanding friendly and mutually beneficial relations with the closest neighbors of the Central Asian states. At the same time, the country's leadership intends to actively expand cooperation with other Asian countries and states of the Islamic world. This is due to the fact that for many centuries Islam has been the religion of the Kazakhs and many other peoples inhabiting our country. In addition, the issue of the development of Islam is closely related to the need for the development of Kazakh culture (Sultanov, 2014).

As we know, the adopted concept of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan for 2020-2030, humanitarian diplomacy is a key and priority

task for our country. The implementation of this task is currently successful. Let's look at a number of examples and the position of the foreign policy elite of Kazakhstan.

In the first half of 2020, Kazakhstan provided humanitarian aid worth \$ 2.5 million, most of it in visa. Tajikistan received tons of flour worth 1 million 572 thousand dollars. At the end of the year, the Kazakh Ministry of Health promises to send a batch of portable ventilators to equip ambulances to the same country, but while its national manufacturer in the Akmola region is only increasing its capacity, Kazakhstan is helping its neighbors with food.

In May 2021, Tokayev, in a telephone conversation with Kyrgyz President Zhaparov, during which he discussed the situation that had developed in the region at that time as a result of the armed conflict on the Kyrgyz-Tajik border, said that Kazakhstan was ready to provide humanitarian assistance if necessary. Kazakhstan sent 10,000 tons of flour to Kyrgyzstan in the form of humanitarian aid. The decision to provide assistance was made by the President of the Republic of Kazakhstan. Guided by the principles of traditional friendship, alliance and strategic partnership with the Kyrgyz Republic, President Kassym-Zhomart Tokayev decided to provide humanitarian assistance to the sister people of Kyrgyzstan on behalf of the people of Kazakhstan. 10 thousand tons of flour will be sent to the neighboring country.

The government of Kazakhstan provided humanitarian assistance to India in accordance with the instructions of President Kassym-Zhomart Tokayev, guided by the principles of strategic partnership between the two states. Humanitarian aid with a total weight of about 40 tonnes includes medical masks, respirators, protective suits and portable ventilators from Kazakhstan's healthcare companies. His transfer ceremony at the airport was attended by the Ambassador of Kazakhstan to India, Nurlan Zhalgasbayev, from the Indian side, by the director of the Department of Eurasian Cooperation of the Indian Ministry of Foreign Affairs, Bandar Wilsonbabu. On May 4, 2021, the President of Kazakhstan, K. Tokayev, sent a message to the Prime Minister of India, Narendra Modi, in which he expressed deep solidarity with the Indian people regarding the devastating consequences of COVID-19 in this country.

Not only the pandemic shook the whole world, as we know in August 2021, the Taliban seized power in Afghanistan against the backdrop of the withdrawal of American troops. The crisis in the country is still not averted, the main task for many

countries, including the role of Kazakhstan in providing humanitarian support to the country.

Foreign Minister Mukhtar Tleuberdi said that humanitarian aid in the form of five thousand tons of flour was delivered from Kazakhstan to Afghanistan. The Minister of Foreign Affairs also noted that the Afghan side also asked for humanitarian aid in the form of the delivery of the Kazakhstani vaccine "QazVac". He stated that the question of the number of QazVac vaccines to be sent to Afghanistan is currently under consideration. The final decision will be made by the government of Kazakhstan.

Earlier, the President of Kazakhstan, Kassym-Zhomart Tokayev, reported that Kazakhstan is working on the issue of supplying 5,000 tons of wheat flour as humanitarian aid to the Afghan people. Tokayev noted that such assistance will be constantly provided to this country.

The first president of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, at a meeting of the political forum in the capital on November 17, 2021, said that Kazakhstan is ready to increase the volume of humanitarian food aid to Afghanistan. Speaking about the need to consolidate international efforts to stabilize the situation in Afghanistan, Kazakhstan has great potential to act as an "important center" in this process. Elbasy noted that the UN supported Nur-Sultan's initiative to create an international logistics hub in Almaty to deliver humanitarian aid to Afghanistan. He also noted the visit of a Kazakh delegation to Kabul last month, which delivered five thousand tons of Kazakh flour for the Afghan people. In this context, the urgency of the idea of establishing in Almaty a United Nations international center for the rehabilitation of Afghanistan is growing. Kazakhstan is ready, through the UN mechanisms, to increase the mechanisms for the supply of food to the Afghan people; the international development agency KazAID, created in Kazakhstan, should be active here.

Thus, the main advantage is that Kazakhstani humanitarian assistance for Afghanistan will be permanently, however, another challenge is not only for Kazakhstan but for world community, how to recognize the new authority of Afghanistan.

## Discussions

There are obvious tensions, and even tensions, between the protection of war victims in the midst of battle and judicial oversight, between consent to action and coercive measures, between humanitarian action and condemnation of violations, and between a dispassionate humanitarian approach

and a political approach. . Improving the situation of victims of armed conflicts means applying an appropriate combination of various means, taking advantage of their comparative advantages. This must be done first and foremost at the local level, and steps are needed at the global level to support such initiatives:

1. International humanitarian law and its mechanisms remain a modest international law response to armed conflict. Today, international law enforcement action remains the exception in the absence of a centralized enforcement system. It is the belligerents who must be willing and able to comply with the rule of law, and control mechanisms are simply based on their consent and good faith. Humanitarian law is best suited to control on the ground and its aim is to provide direct protection and assistance to victims of armed conflict. The objective is to include all the people affected by the armed conflict, which differs from the limited judicial approach, which takes into account only the victims of violations of law. We can see this challenge from the case of Russian and American contradictions in Syria in terms of humanitarian assistance.

2. However, to be successful, international humanitarian law needs political pressure. If the interests of the victims so require, the assistance of the States party to the Geneva Conventions should be requested, in view of their obligation to respect international humanitarian law in accordance with article 1 common to the four Geneva Conventions. Humanitarian law calls on states to take political action, both individually and collectively through the United Nations, to compel belligerents to comply with the dictates of the law. French model successfully suggests this action in the context of international law in humanitarian sphere.

3. The Human Rights Council analyzes situations of armed conflict, and the Security Council, in particular, seeks to improve the protection of civilians on the ground by granting protection mandates to peacekeeping missions or by trying to create an enabling political environment for humanitarian access. In rare circumstances, military means alone may be the only way to stop the killings. In general, impartiality in the decisions of these inherently political bodies cannot always be guaranteed, and the "responsibility to protect" remains a deliberately vague concept.

4. Kazakhstan foreign policy elite also basically provides peacekeeping mission as possible as, the humanitarian assistance is one of the relevant tools in solving crisis situations.

## Conclusion

To sum up, the research of such a type as humanitarian diplomacy shows how important such a concept as “joining efforts” is in the context of current realities. Despite new challenges like a pandemic, humanitarian diplomacy remains more relevant than ever. Studying the model of humanitarian diplomacy in France, we can conclude that the concept has been developed in sufficient detail, including 15 main points and, as a rule, is separately structured from the general concept of the country’s foreign policy. The financial side of humanitarian aid to France is very high, occupies the 3rd place in the EU, showing the best performance during a pandemic, supporting the Medina personnel and during periods of prolonged armed conflicts in various regions.

As for the humanitarian diplomacy of Russia and the United States on the example of the crisis in Syria, it is paradoxical that these countries increased to a greater extent military support and superiority, but also there was humanitarian assistance, in this context, Russia helped not only with medicines, but also made a contribution into the country’s

infrastructure for an early crisis. The United States, despite the fact that it provided humanitarian assistance to Syria, like many countries, showed other actions in relation to the rehabilitation of Syria, the introduction of sanctions, which hindered the recovery of the economy and the work of enterprises in Syria. The conclusion is obvious.

In turn, Kazakhstan is active in the implementation of humanitarian diplomacy in accordance with the concept of foreign policy, which notes humanitarian diplomacy as a priority task in the coming years. The Kazakhstani foreign policy elite manifests itself as the main humanitarian moderators, over the last period the ambassadors of Kazakhstan have been continuously working with the new government of Afghanistan, the first results of humanitarian aid in the form of basic necessities, food have already been presented, in the future, the supply of Kazakhstan-made vaccines can show the development of healthcare in Kazakhstan all over the world.

It is necessary to note that the experience of foreign countries, contributes to the improvement of the model of humanitarian diplomacy in Kazakhstan, as it is done in France, the USA and Russia.

## References

- Aaltola, M. (2009). *Western Spectacle and the Emergence of Humanitarian World Politics*. NY: Palgrave, 204 p.
- Barnett, M. (2011). *Empire of Humanity: A History of Humanitarianism*, Ithaca: Cornell University Press, 312 p.
- De Lauri, A. (2018). *Humanitarian Diplomacy: A New Research Agenda/CMI BRIEF*. 4 p.
- Gromoglasova, Ye.S. (2018). *Gumanitarnaya sostavlyayushchaya vneshey politiki gosudarstva // Puti k miru i bezopasnosti*, No 1(54): Spetsvypusk: Gumanitarnyye vyzovy, gumanitarnoye reagirovaniye i zashchita grazhdanskogo naseleniya v vooruzhennykh konfliktakh [The Humanitarian Component of the Foreign Policy of the State // Pathways to Peace and Security, No. 1(54): Special Issue: Humanitarian Challenges, Humanitarian Response and Protection of Civilians in Armed Conflicts]. Pod red. Ye.A. Stepanovoy. M.: IMEMO RAN, 2018. cc. 77-91 – (In Russian)
- Harroff-Tavel, M. (2006). *The Humanitarian Diplomacy of the ICRC*, African Yearbook on International Humanitarian Law.
- Hoffman, P.J., Weiss, T.G. (2018). *Humanitarianism, War, and Politics: Solferino to Syria and Beyond* (Rowman and Littlefield).
- Keck, M, Sikkink, K, *Activists Beyond Borders* (Cornell University Press).
- Idrisov, Ye.A. (2014). *Kontury kazakhstanskoy diplomatii do 2020 goda. Kontsepsiya vneshey politiki RK na 2014-2020 gody i zadachi po yeye realizatsii. Materialy «kruglogo stola»* [Outlines of Kazakh diplomacy until 2020. The concept of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan for 2014-2020 and the tasks for its implementation. Materials of the «round table»]. (11 aprelya 2014 g.). Almaty, S. 108-112 – (In Russian)
- Kremen'yuk, V.A., Rogov, S.M. (2011). *Prisposobleniye SSHA k politsetrichnomu miru // Rossiya v politsetrichnom mire* [US Ways to a Polycentric World // Russia in a Polycentric World]. M.: «Ves' mir», ss.210-217 – (In Russian)
- Kuznetsov, A.M., Kozinets A.I. (2016). *Nezapadnyye teorii mezhdunarodnykh otnosheniy — ot marginal'nosti k priznaniyu* [Non-Western theories of international relations – from marginality to recognition]. Oykumena, No 4(39), ss.8-23 – (In Russian)
- Magone, C., Neuman, M., Weissman, F. (2011). *Humanitarian Negotiations Revealed. The MSF Experience* (Hurst&Co).
- Pease, K. (2016). *Human Rights and Humanitarian Diplomacy* (Manchester University Press).
- Régnier, P. (2011). *The Emerging Concept of Humanitarian Diplomacy, International Review of the Red Cross*, 93(884): 1211.
- Sultanov, B.K. (2014). *Prikladnoye znachenie otkrytoy politiki. Kontsepsiya vneshey politiki RK na 2014-2020 gody i zadachi po yeye realizatsii. Materialy «kruglogo stola»* [Applied value of open policy. The concept of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan for 2014-2020 and the tasks for its implementation. Materials of the «round table»]. (11 aprelya 2014 g.). Almaty, S. 118 – (In Russian)
- Tokayev, T.K. (2009). *Strategiya Respubliki Kazakhstan v otnoshenii Zapada (natsional'nyye interesy, priority, napravleniya)* [Strategy of the Republic of Kazakhstan towards the West (national interests, priorities, directions)]. Dissertatsiya. Moskva, S. 23 – (In Russian)



2-бөлім  
**АЙМАҚТАНУДЫҢ  
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ:  
ОРТАЛЫҚ АЗИЯ**

---

Section 2  
**CONTEMPORARY ISSUES  
OF REGIONAL STUDIES:  
CENTRAL ASIA**

---

Раздел 2  
**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ  
РЕГИОНОВЕДЕНИЯ:  
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ**

**D.K. Zhekenov\***, **Zhang Meiyu**

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

\*e-mail: duman.zhekenov@gmail.com

## **A STUDY ON GEOPOLITICAL RISK OF THE BELT AND ROAD CONSTRUCTION IN CENTRAL ASIA**

The Belt and Road Initiative is a cross-regional cooperation framework linking China and the three continents of Asia, Africa and Europe. The proposal of the “One Belt, One Road” construction conforms to the trend of the world and China’s development, and expresses China’s determination to deeply integrate into the world political and economic system. Central Asia is an important part of China’s major neighboring diplomacy. The joint construction of the “Belt and Road” in Central Asia is an important decision for China to maximize the common interests with the Central Asian region on the basis of a profound grasp of the new international political and economic situation and new trends. The independence of Central Asian countries is relatively short. Under the influence of many international and domestic factors, the geopolitical risks and challenges in the region are relatively severe, which will bring difficulties and obstacles to the advancement of the “Belt and Road” initiative in Central Asia. Therefore, it is of great research value and theoretical significance to effectively predict and control the geopolitical risks of the Belt and Road construction in Central Asia.

This paper analyzes the background and reasons of taking Central Asia as the research area, and comprehensively analyzes the geopolitical significance of Central Asia to the construction of the “Belt and Road”, including from an objective point of view, the geopolitics of the “Belt and Road” in Central Asia benefits, and the consensus of Central Asian countries on the construction of the “Belt and Road” on the subjective level. This paper systematically analyzes the geopolitical risks and their factors in Central Asia under the construction of the “Belt and Road”, mainly from four aspects: bilateral, major power game, multilateral relations, and regional security. influencing factors. It provides ideas for avoiding the geopolitical risks faced in the implementation of the “Belt and Road” construction in Central Asia.

**Key words:** “Belt and Road”; China; Central Asia; geopolitics; risk

Д.К. Жекенов\*, Чжан Мэйюй

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан

\*e-mail: duman.zhekenov@gmail.com

### **Орталық Азиядағы «Белдеу және жол» жобасының геосаяси сын-қатерлерін зерттеу**

«Белдеу және жол» бастамасы Қытай мен Азия, Африка және Еуропа құрлықтарын байланыстыратын аймақаралық ынтымақтастық шеңбері болып табылады. «Бір белдеу, бір жол» құрылысының ұсынысы дүниежүзі мен Қытайдың даму үрдісіне сәйкес келеді және Қытайдың әлемдік саяси және экономикалық жүйеге терең енгуге деген жігерін білдіреді. Орталық Азия Қытайдың ірі көрші дипломатиясының маңызды бөлігі болып табылады. Орталық Азиядағы «Белдеу және жолды» бірлесіп салу Қытай үшін жаңа халықаралық саяси және экономикалық жағдай мен жаңа үрдістерді терең меңгеру негізінде Орталық Азия аймағымен ортақ мүдделерді барынша арттыруға бағытталған маңызды шешім болып табылады. Көптеген халықаралық және ішкі факторлардың әсерінен аймақтағы геосаяси тәуекелдер мен сын-қатерлер салыстырмалы түрде ауыр болып табылады, бұл Орталық Азиядағы «Белдеу және жол» бастамасын ілгерілетуге қиындықтар мен кедергілер әкеледі. Сондықтан Орталық Азиядағы «Белдеу, бір жол» құрылысының геосаяси тәуекелдерін тиімді болжау мен бақылаудың үлкен ғылыми-зерттеу құндылығы мен теориялық маңызы зор.

Бұл жұмыста Орталық Азияны зерттеу аймағы ретінде алудың алғышарттары мен себептері талданады және Орталық Азияның «Белдеу және жол» құрылысын салудағы геосаяси маңызы, оның ішінде объективті көзқарас тұрғысынан жан-жақты талданады. Бұл мақалада «Белдеу және жол» құрылысы аясында Орталық Азиядағы геосаяси тәуекелдер мен олардың факторлары негізінен төрт аспектіден: екіжақты, ірі державалар ойыны, көпжақты қарым-қатынастар және аймақтық қауіпсіздік бойынша жүйелі түрде талданады. Сонымен қатар, Орталық Азиядағы «Белдеу және жол» құрылысын жүзеге асыру кезінде кездесетін геосаяси тәуекелдерді болдырмау идеялары ұсынылады.

**Түйін сөздер:** «Белдеу және жол»; Қытай; Орталық Азия; геосаясат; тәуекел

Д.К. Жекенов\*, Чжан Мэйюй

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

\*e-mail: duman.zhekenov@gmail.com

### Изучение геополитических рисков проекта «Пояс и путь» в Центральной Азии

Инициатива «Один пояс, один путь» представляет собой межрегиональную структуру сотрудничества, связывающую Китай и три континента Азии, Африки и Европы. Предложение строительства «Одного пояса, одного пути» соответствует тенденции развития мира и Китая и выражает решимость Китая глубоко интегрироваться в мировую политическую и экономическую систему. Центральная Азия является важной частью крупной соседней дипломатии Китая. Совместное строительство «Пояса и пути» в Центральной Азии является для Китая важным решением, позволяющим максимально реализовать общие интересы с центрально азиатским регионом на основе глубокого понимания новой международной политической и экономической ситуации и новых тенденций. Под влиянием многих международных и внутренних факторов геополитические риски и вызовы в регионе относительно серьезны, что создаст трудности и препятствия для продвижения инициативы «Один пояс, один путь» в Центральной Азии. Поэтому большое исследовательское и теоретическое значение имеет эффективное прогнозирование и контроль геополитических рисков строительства «Пояса и пути» в Центральной Азии.

В данной статье анализируются предпосылки и причины выбора Центральной Азии в качестве области исследования, а также всесторонне анализируется геополитическое значение Центральной Азии для строительства «Пояса и пути», включая с объективной точки зрения геополитику «Пояса и пути» в Центральной Азии, так и консенсус стран Центральной Азии по строительству «Пояса и пути» на субъективном уровне. В данной статье систематически анализируются геополитические риски и их факторы в Центральной Азии при строительстве «Пояса и пути», главным образом, с четырех аспектов: двусторонний, игра крупных держав, многосторонние отношения и региональная безопасность. влияющие факторы. Предлагаются идеи по избеганию геополитических рисков, возникающих при реализации строительства «Пояса и пути» в Центральной Азии.

**Ключевые слова:** «Пояс и путь»; Китай; Центральная Азия; геополитика; риск

#### Introduction

The “Belt and Road” initiative is an economic cooperation initiative based on the Eurasian continent. It will closely connect the three continents of Asia, Europe and Africa, open up huge markets in the heart of the East and the West, and establish a “community of destiny” for countries along the route to achieve Mutual benefit and development and prosperity. China’s future construction of a global community with a shared future will be carried out in an orderly manner around the “Belt and Road” initiative, and China’s future major decisions on opening up will also be affected by the development trend of the “Belt and Road” construction. Central Asia is an important hub and key node of the Eurasian continent. As a surrounding area of China, Central Asia is an inevitable place for the westward extension of the “Belt and Road” initiative. It is to prevent security risk factors such as the “three evil forces” from entering the buffer zone within China, and to jointly build the “Belt and Road” in Central Asia. It is an important decision to realize the common political, economic and security interests of China and Central Asian countries on the basis of

China’s profound grasp of the new trends in international politics and economy and the new opportunities of China’s opening to the outside world.

However, geopolitical gains in the geopolitical sense do not constitute all of the construction of the “Belt and Road”, but are always accompanied by high-risk threats. The world today is undergoing major changes and adjustments, and a new global governance system and international political and economic order are taking shape. Along with the major changes and adjustments in the world’s political economy, there are also geopolitical risks and challenges caused by cross-influence such as the trend of anti-globalization, the rise of unilateralism and protectionism, and the game of power between major powers led by the United States. Under the influence of the “China Threat Theory”, the rise of China’s power has aroused the panic of neighboring countries, and has also invisibly worsened the geopolitical environment for the construction of the “Belt and Road” in Central Asia in western China. The complex environment and changes in international and domestic situations have exacerbated conflicts and turmoil in Central Asia. These are all practical backgrounds that must

be considered in the implementation of the Belt and Road Initiative in Central Asia. Therefore, we must pay more attention to the construction process of the “Belt and Road” in Central Asia, identify and predict, manage and control the geopolitical risk factors that may arise in Central Asia, and come up with strategies and plans to prevent and resolve various risks in advance. It has important theoretical significance for the smooth progress of the “Belt and Road”, which is also the reason for choosing the topic of this paper.

At present, the research related to the construction of the “Belt and Road” is mainly embodied in the “‘Belt and Road’ geopolitical risk management”, or “the ‘Belt and Road’ China’s Central Asian foreign policy”. Sub-geopolitical risk research” is rarely a topic. Therefore, this article attempts to take Central Asia as the research area and the geopolitical risks of the “Belt and Road” as the main research field to explore targeted risk management and control schemes, which have implications for the development and practice of geopolitical risk aversion in the “Belt and Road” initiative. certain reference value.

### **Material and Methods**

This paper adopts the literature research method. After consulting the works and references related to the “Belt and Road” initiative, the five Central Asian countries, and geopolitical risks, the final research thesis is put forward. On the basis of summarizing and analyzing many articles and research results, this paper discusses the subjective and objective significance of the development of the “Belt and Road” initiative in Central Asia, the connotation of geopolitical risk factors and the corresponding control measures.

This paper also uses the analysis and induction method. At present, when academic circles study the geopolitical risks of the “Belt and Road” initiative, most scholars start from the perspective of the political game between China and Central Asian countries. There are few works and literatures on geopolitical risk from the perspective of Therefore, this paper adopts the analysis and induction method to analyze, summarize and improve the research from relevant perspectives, and dig out the geopolitical risk factors faced by the “Belt and Road” initiative in Central Asia, hoping to find effective policies and strategies to control geopolitical risks. Suggestions for the smooth success of the Belt and Road Initiative in Central Asia.

### **Literature review**

Since China’s “One Belt, One Road” initiative was put forward, it has immediately attracted extensive attention and discussion in the academic circles at home and abroad. Scholars have rich theories on related research, such as the study of the geopolitical risks of the “Belt and Road” initiative, China’s Central Asian diplomacy under the construction of the “Belt and Road”, and the geopolitical game in Central Asia. Research results. However, in the existing works, papers and journals, there are very few articles that specifically focus on the geopolitical risks faced by the construction of the “Belt and Road” in Central Asia.

When Colin Flint, Professor in the Department of Politics at Utah State University and Zhang Xiaotong, School of Political Science and Public Administration, Wuhan University discussed the research results of typical representative schools of geopolitical theory in “The Belt and Road Initiative and Geopolitical Theory Innovation” (Flint, Xiotong, 2016), they focused on the relevant aspects of the Belt and Road Initiative. On the discussion of theoretical innovation points. From the perspective of geopolitics, the conflicting geopolitical imaginations of classical geopolitics are an important source of threats at the theoretical level of BRI geopolitical risks. Western scholars have interpreted the geopolitical risks in the “Belt and Road” initiative from two levels: first, to compare and analyze the rise of various major powers in history and China’s rise; second, to imagine that China will Mimic the expansionary hegemony of the West. Starting from the process of analyzing classical geopolitics in geopolitics, the article points out that the Silk Road can also be reinterpreted from the perspective of cooperation.

Saul Bernard Cohen in his book ‘Geopolitics of the World System’ (Cohen, 2003), first comprehensively expounded the theoretical framework of Cohen’s multipolar model and the analysis of geopolitical dynamics in Central Asia under this theoretical framework. Cohen believes that geopolitical structures are formed by the constant interaction between international political actors and geographical environmental factors, and this interaction will have a chain reaction to establish a geopolitical system. When we study Central Asian diplomacy from the perspective of geopolitics, this theoretical tool can be used to study the dynamic changes of the geopolitical structure of Central Asia under the Belt

and Road Initiative, so as to achieve the purpose of analysis and prediction.

Mackinder first proposed the concept of “world island” in “The Hub of Historic Geography” (Mackinder, 1903), which refers to the terrestrial cluster consisting of the three continents of Asia, Europe and Africa. He defined Central Asia in history as a hub of historical and geographical significance in Eurasia. As the heart of Eurasia, Central Asia has profound historical and cultural accumulation and geographical advantages, and plays an important geopolitical role. Value is the object of competition among major powers. The book proposes that whoever can occupy the center of the “world island”, that is, the core area of geopolitics, can rule the “world island”. From this, it can be seen that Mackinder placed Central Asia in an extremely important position in geopolitical research, highlighting the importance of diplomacy between countries and Central Asia.

In “The New “Silk Road” and the Geopolitics of Contemporary Central Asia (Liu, 2014), Liu Fenghua focused on the analysis of the impact of the development of the new “Silk Road” on Central Asian countries, and analyzed the Central Asian region’s consequences. resulting geopolitical factors. This paper finds in the research that the Central Asian countries have realized the interaction with other countries under the drive of the New Silk Road, which can undoubtedly help the Central Asian countries to better complete their diplomatic activities and improve the international status of the Central Asian countries. the right to speak. However, the competition and game of many major powers in the diplomatic field will inevitably exacerbate the instability of the geopolitical situation in Central Asia.

Yuan Shengyu and Wang Weimin in “Silk Road Economic Belt and China’s Central Asia Policy” used rich and delicate language and typical vivid cases to analyze the reasons, advantages, advantages, Risks and challenges and ways to deal with them. First, the author proposes the comparative advantages of geopolitics, geoeconomics, international security, energy security, and cultural traditions that Central Asia has as a key region for the implementation of the Silk Road Economic Belt. Secondly, the article uses a lot of ink to discuss the challenges that have occurred in the development of the Silk Road Economic Belt and the potential challenges in and outside the region under the drastic changes in Central Asia and the international situation. On this basis, a feasible coping path is proposed from six specific entry points.

Lu Gang comprehensively analyzed China’s Central Asian foreign policy in “China’s Reflections on Central Asian Diplomacy in the Background of the “Belt and Road”, and found that there are thousands of threads between China’s ancient Silk Road and the modern Silk Road. It is precisely because of this that the “Belt and Road” initiative has played the greatest role in the establishment of diplomatic relations between China and Central Asian countries. It comprehensively analyzes the problems existing in China’s foreign policy in Central Asia.

In a word, scholars at home and abroad have made very rich research results on related issues. The above literatures provide a more comprehensive and specific perspective and analysis on the research content of the “Belt and Road” construction and geopolitical risks in Central Asia.

## Results and Discussion

Since the “Belt and Road” initiative has been promoted, China has always respected and supported the dominant position of Central Asian countries in regional cooperation, and has joined hands with Central Asian countries to seek rare economic opportunities, create a favorable development environment, jointly safeguard regional security, and achieve fruitful results. In particular, the vigorous development of the Shanghai Cooperation Organization has provided new directions and opportunities for the construction of the “Belt and Road” and the cooperation between the two.

From the perspective of geopolitics, Central Asia has become an important support area for China’s large-scale peripheral diplomacy. China is one of the countries with the most land and sea neighbors and the most complex surrounding environment in the world. “Neighboring diplomacy” is the top priority, and stabilization of the “surrounding environment” is the first goal. Looking at the world, Central Asia is located in the center of Eurasia, and the Eurasian Land Bridge extends westward from here. Winning the “heartland” of Eurasia means occupying the commanding heights of geopolitics. For China, Central Asia is an important part of China’s surrounding environment in terms of geographical location, it is the necessary place for the development of the “Belt and Road” construction to the west, and it is a regional platform that can be relied on to build a community of regional destiny and give play to geopolitical advantages. . Generally speaking, political relations between China and Central Asian countries are gradually becoming harmonious, and high-level visits have become the norm.

In the face of major issues, the two sides exchange views on the principle of equality, mutual trust and mutual benefit. The political, economic and cultural exchanges, cooperation and positive interactions between the two sides have laid a solid foundation. In the relations with neighboring countries, Central Asia is the preferred direction for China's "Belt and Road" construction. The increasingly prominent geopolitical features of Central Asia have also attracted the attention of major powers and various forces. Therefore, based on adhering to the path of peace and development, grasping the diplomatic advantages of neighboring countries and promoting the smooth implementation of the "Belt and Road" initiative in Central Asia have great advantages immeasurable geopolitical significance.

From the perspective of geo-economics, China and the five Central Asian countries have obvious complementary advantages in economic development. Central Asia is one of the few underutilized resource-rich regions in the world, known as the "Second Middle East" and has great potential for development. Among them, oil and natural gas are the most advantageous resources in Central Asia. According to relevant data, "the proven oil reserves in the Caspian Sea range from 2.4 to 4.6 billion tons, and the unproven reserves are about 32.2 billion tons. The unproven natural gas reserves exceed 7.6 trillion cubic meters"(Damdorov, 2018). Since the independence of Central Asia, The cooperation between my country and Central Asian countries in the fields of logistics, trade, investment, finance, communication and other fields shows obvious complementarity, and multilateral trade relations are gradually established, which provides the possibility for mutual benefit and win-win cooperation in trade and economic cooperation between the two sides.

From a geocultural perspective, people-to-people and cultural exchanges and cooperation between China and Central Asian countries continue to deepen. Since ancient times, China has had the custom of conducting political, economic and cultural exchanges with Central Asia. The ancient Silk Road established by early China established China's foreign exchange network. Zhang Qian's departure from the fortress is an unprecedented feat of opening up to the west in Chinese history, and this feat has a profound impact on the integration of regional cultures. In the process of advancing the construction of the "Belt and Road", the people of China and Central Asia are jointly creating a new "Silk Road Spirit" and "Shanghai Spirit". In recent years, China and Central Asian countries have given full play to the power of civil society to carry out

public diplomacy on the basis of the "five links", and people-to-people exchanges and cooperation have continued to deepen.

From the perspective of geopolitical security, Central Asia is a buffer zone for safeguarding the security of western China. Central Asian countries have been independent for a short period of time, and the security situation at home and abroad is still unstable. Because they are located in a geopolitical turmoil zone, they are challenged by multiple security risks such as the geopolitical game of major powers and the expansion of the "three forces" in West Asia, South Asia and the region. These security risks threaten Central Asian countries, but also indirectly threaten China's western frontier. To some extent, Central Asia is a buffer zone for safeguarding the security of western China and a security barrier to prevent the infiltration of the "three evil forces". China and Central Asian countries share common interests on security issues. In recent years, with the construction of the "Belt and Road" in Central Asia, the political mutual trust between China and Central Asian countries has been enhanced, and the two sides have reached many agreements. The security cooperation agreement not only brings positive significance to safeguarding China's national defense and security, but also achieves a comprehensive upgrade of the relationship between the two sides, consolidating the friendly and harmonious relationship of equality, mutual benefit and mutual benefit.

Since the "Belt and Road" construction has been promoted in Central Asia, the two sides have actively promoted multi-field and multi-faceted cooperation, which has produced a good geopolitical effect. The Central Asian countries have an overall positive attitude towards the construction of the "Belt and Road". Officially, they have expressed their willingness to support and participate in cooperation.

Since the establishment of the "Belt and Road" in Central Asia, Central Asian countries have shown respect, support and active participation in the initiatives proposed by China. The strategic alignment between the two sides has achieved remarkable results and produced an overall good geopolitical effect. However, good geopolitical effects are not the whole of the "One Belt, One Road" construction in Central Asia. From a deep perspective, due to the uneven development level of Central Asian countries and the different degrees of diplomatic relations with China, they are not interested in the "One Belt and One Road" initiative. The perception of the "One Road" initiative presents

complexities. On the one hand, Central Asian countries are eager to ride on the express train of China's westward advance to build and share with China; on the other hand, Central Asian countries are on guard and guard against a powerful China. Therefore, when we study how to ensure the smooth progress of the "Belt and Road" in Central Asia, we need to focus on the risks and factors during the period.

In recent years, China has achieved a rapid development of its own comprehensive national strength, which has also caused a major adjustment in the global geopolitical and economic map. Developed countries are already terrified of China's development, feeling the threat from eastern Asia. As for China's neighboring countries, China's strength will inevitably arouse the vigilance and anxiety of these countries, resulting in a crisis of bilateral trust. Since the "Silk Road Economic Belt" was proposed in 2013, the international community has been scrutinizing and speculating on China. Various "China threat theories" such as plundering resources, transferring backward production capacity, emerging hegemony, and neo-colonialism have become China's "Belt and Road Initiative". The major risks and resistances to the advancement of the "One Road" initiative have also created the risk of a trust deficit between China and other countries (Endor, 2016).

The "China threat theory" still has a market in Central Asia (Emma V. Broomfield, 2003). Since the implementation of the "Belt and Road" initiative, China and Central Asian countries have carried out in-depth docking and cooperation in various fields. The "Silk Road Fund" has been established and played a huge role. The bilateral trade and investment exchanges have continued to expand, achieving mutual benefit and win-win results. However, it is undeniable that Central Asian countries still cautious and with varying degrees of skepticism.

After the disintegration of the Soviet Union, the world structure has undergone drastic changes. After independence, Central Asia began to face the hegemony and game of major political forces in the region due to its own weak position and special geopolitical location. In order to maintain regional security and stability and maximize their own interests, the five Central Asian countries have adopted a "balanced diplomacy" strategy. "Balanced diplomacy" refers to actively attracting world powers into the region, directly obtaining economic assistance, or coordinating different forces to check and balance each other to obtain opportunities for

the region's own development. Due to the different levels of development among countries and their diplomatic relations with China, under the guidance of the "balanced diplomacy" strategy, the degree of cooperation between Central Asian countries and China presents a trend of complexity and diversity (Feiteng, 2014).

In the context of the geographical environment of the game of great powers, Central Asian countries tend to use "balanced diplomacy" as a way to get along with the outside world. For Central Asian countries, implementing a balanced foreign policy is a no-choice option, and it is a self-protection for Central Asian countries to deal with the complex geopolitical environment. Nevertheless, for China, "balanced diplomacy" brings more uncertainty to the "Belt and Road" initiative, and tends to bring more risks of trust deficit to the cooperation between Central Asia and China.

Because of its important geographical position and rich resources, Central Asia has always become the focus of the interests of major powers in the world and the center of international geopolitical competition, including the United States, Russia, Japan and other major powers have penetrated into Central Asia, and launched a fierce battle (Li, 2014). The United States strives to establish the authority of the United States by implementing the "Asia-Pacific Rebalancing Strategy" and the "New Silk Road Plan"; Russia has launched the "Eurasian Economic Union", making Central Asia an important region for arms trade and economic cooperation; The Silk Road Diplomacy" program also aims to expand its influence in Central Asia. The geopolitical game of great powers will exacerbate the complexity of the geopolitical environment in Central Asia, bring about changes in the geopolitical pattern, and bring real and potential threats and obstacles to China's "Belt and Road" construction. Therefore, it is necessary to do relevant risk research and analyze the risk factors brought about by the game of power among major powers.

After the disintegration of the Soviet Union, although the United States did not formulate an independent Central Asia strategy, it has always regarded Central Asia as an indispensable geopolitical plate in the U.S. Eurasian strategy. Its interests in Central Asia are maximized. As early as 1999, the United States introduced the "Silk Road Act", the core content of which is to reduce the dependence of Central Asian countries on Russia and to integrate Central Asia into the NATO system. In 2001, the United States launched an anti-terrorism strategy, increased military investment in Central Asia, and

actively promoted the Westernization of political and economic reforms in Central Asian countries. In 2005, the United States promoted the “color revolution”, which caused its diplomatic stalemate in Central Asia, and the “Greater Central Asia Plan” proposed by Starr became a successful ice-breaking weapon, laying a good foundation for the cooperation between the United States and Central Asia. During the Obama era, the U.S. government shifted its strategic focus to the Asia-Pacific region and proposed the “Asia-Pacific Rebalancing” strategy, and regarded Central Asia as an important region for the implementation of this strategy. The Financial Times once published an article pointing out that the United States is obviously confrontational in terms of its return to the Asia-Pacific strategy, and its essence is a provocative war plan against China, trying to disrupt the relationship between China and Central Asian countries by promoting the “China Threat Theory” (Emma V. Broomfield, 2003). In 2011, the United States officially proposed the “New Silk Road” plan. The main purpose of this policy is to change the political and economic order in Afghanistan, but it also contains the intention of promoting the democratization of Central Asia by taking Afghanistan’s democratic reform as a model. In recent years, the promotion of the “New Silk Road” plan has slowed down. The main goal is to “go north for commodities and go south for energy”, to open up channels for Central Asia to go south through Afghanistan and India to the Indian Ocean, hoping to free Central Asian countries from Dependence on Russia and China. In this plan, the United States regards India as a strategic support point, strives to introduce Indian forces in Central Asia, emphasizes the geographical and policy relevance of Central Asia and South Asia, and makes India a “Trojan horse” of the United States in the Shanghai Cooperation Organization to This weakens the functions of the Belt and Road Initiative and the SCO.

China and Russia have a comprehensive strategic partnership and friendly diplomatic relations, but the “Belt and Road” construction in Central Asia still faces competition from Russia in the geopolitical aspect. For Central Asia, Russia is also increasingly aware of its importance. By comparing and analyzing the specific policies of the United States and Russia in Central Asia, it can be seen that, compared with the United States, Russia has put more energy into building regional cooperation platforms, such as the Commonwealth of Independent States, the Collective Security Treaty Organization and the Eurasian Economic

Union. The role of a sexual platform has continued to deepen its wide-ranging influence on Central Asia, including the political, economic, cultural, and military fields (Feiteng, 2014).

The three regional platforms built by Russia in the political, security and economic fields are all part of Russia’s strategic deployment of Eurasian integration. With their establishment and mature operation, they will be more conducive to Russia’s geopolitical competition in Central Asia. At present, the “Belt and Road” initiative and the “Eurasian Economic Union” have officially launched docking cooperation. Although the “One Belt, One Alliance” is in line with the current strategic goals of the two major powers, China and Russia, and its promotion will bring huge benefits, but in the process of its promotion, in the face of an increasingly powerful China, Russia’s concerns and concerns have always existed, and Make China the main competitor in Central Asia. Friction and risk remain between the two powers.

As one of China’s important neighbors, Japan’s geopolitical policies and plans will have a certain impact on China. From the perspective of Japan, China’s “One Belt, One Road” initiative poses a greater threat to it, especially in Central Asia, where the implementation of “One Belt One Road” construction has weakened Japan’s influence in this region. Japan is not reconciled to this, and is gathering momentum in Central Asia to compete with China in geopolitical competition.

In the process of the gradual formation of the geopolitical pattern of Central Asia under the construction of the “Belt and Road”, the participation of multiple forces and factors has obvious characteristics, resulting in the changeable political situation and complex social composition in the region. Today, instead of disappearing, this complexity and variability is growing. The effects of multiple international organizations, mechanisms and major powers, which increases the possibility of geopolitical risks and brings some negative effects, affect the Central Asian region. First, vicious competition and confrontation among various regional cooperation mechanisms will bring multiple risks to the Central Asian region, and also invisibly increase the geopolitical risks of the Belt and Road Initiative in Central Asia. Second, competition among multiple international actors can easily lead to conflicts and turmoil in Central Asian countries. For the Central Asian region, major countries such as the United States, Russia, the European Union, and Japan have formulated direct or indirect major national plans. These policy plans are proposed

from the interests of different countries themselves, so it is easy to break out in the Central Asian region. Geopolitical struggles and contradictions between different countries. Finally, the competition of multiple international cooperation schemes tends to increase the cost of docking cooperation. Under the competitive game of multiple cooperation schemes, especially vicious competition, it is easy to raise the construction cost of the “Belt and Road” initiative.

The threat of regional security risk spillover is the most direct risk factor that the Belt and Road Initiative may encounter in the process of advancing in Central Asia. At present, in general, the security situation in Central Asia has gradually stabilized and entered a new period of development. However, Central Asia still faces a series of internal threats including political instability, slow economic development, prominent social contradictions, extremism, and a series of external factors including surrounding environment and competition between major powers. “Construction poses the threat of risk spillovers.

After the independence of the five Central Asian countries, the political transformation of the Central Asian countries took the Western democratic system as the basic framework, and established a political system suitable for their own country based on their own actual conditions. At present, the core problem facing Central Asian countries is the change of regime and the handover of power. For the leaders of the Central Asian countries, the current priority is to maintain political stability after the handover of power and carry out corresponding political reforms. In recent years, the institutional arrangements and personnel adjustments of Central Asian countries have mainly revolved around the strengthening of presidential power and the balance between political interest groups, but these measures are often more likely to cause political conflicts.

The current security situation in Central Asia is complex and changeable, and faces the agglomeration effect of traditional and non-traditional security factors. In recent years, under the influence of the anti-terrorism situation in the Middle East and Afghanistan, extremist ideology in Central Asia has become extremely active, and the terrorist threat has shown a clear upward trend.

After independence, Central Asian countries experienced the great recession in the 1990s, and the social and economic situation was severe. At present, most of the Central Asian countries have not successfully achieved economic transformation, and the economic structure is difficult to adjust. In addition, the gap between the rich and the poor in the

Central Asian countries is very significant, which is the main reason for the frequent outbreak of large-scale riots and imbalances in the social structure in Central Asian countries.

In recent years, under the background of the overall sluggish international economic situation, the economic problems of Central Asian countries have become more prominent, and problems such as inflation, employment difficulties and social conflicts have become increasingly serious. The unemployment rate in Kazakhstan is rising, the gap between the rich and the poor is serious, and the problem of poverty has become an urgent problem to be solved in the country. Due to corrupt domestic officials and high taxes, the shadow economy of Kyrgyzstan is huge and carries significant risks. A considerable proportion of the people in Kyrgyzstan and Tajikistan live below the poverty line, and many workers in science, education, culture and health have even become “new poor classes”. Since 2016, Turkmenistan’s foreign exchange reserves have been tight, prices have risen sharply, food supply has not been able to meet the needs of the people, the contradictions of the country’s people’s livelihood have increased, some anti-government voices have emerged at the civil level, and small-scale protests have broken out. Coupled with the fact that many people are not well educated and are easily incited by extremist ideology, Turkmenistan is highly nervous about border terrorist activities. Xu Tao, an international relations scholar, believes: “The local “Islamic State” with widespread influence recruits young unemployed, which will form a new threat in Central Asia. The economic situation and risks of Central Asian countries may cause large-scale turmoil in the region at any time, and will also bring obstacles and risks to the advancement of the “Belt and Road” initiative.

At this stage, the construction of the “Belt and Road” indicates that the exchanges between China and Central Asian countries will be closer, and the interest factors involved are gradually diversified. In the process of cooperation, the current relatively weak security support system may not be able to cope with various regional security. Therefore, it is necessary to formulate a management and control plan to resolve the geopolitical risks in Central Asia, and it is also necessary to implement the construction and improvement of the security early warning mechanism (Kerry, 2022).

Central Asia is the only place where the “Belt and Road” will go westward. At present, the region is faced with development problems such as economic backwardness, unstable security situation,

and interference from major power games. At the same time, it also has its own doubts about China's "One Belt, One Road" initiative. and consideration. Promoting the construction of the "Belt and Road" in Central Asia requires facing and controlling the foreseeable geopolitical risks in the future. From the perspective of China itself, it should formulate an overall plan to resolve the risks and do a good top-level design, so as to plan the overall situation and be prepared. Anticipate, prevent, manage and control risks at their source.

### **Conclusion**

Since 2013, the construction of the "Belt and Road" has continued to overcome various risks and difficulties in Central Asia. Each policy has moved from vision to reality, and each project has grown from weak to strong. Over the past few years, China and Central Asian countries have joined hands to seek rare economic opportunities, create a favorable development environment, and jointly safeguard regional security, and have achieved fruitful results. In particular, the vigorous development of the Shanghai Cooperation Organization has made the construction of the "Belt and Road" relatively smooth in handling relations between major countries. At present, the Central Asian countries have deepened their understanding of the "Belt and Road" initiative and the Chinese culture located in the East of Asia, and their sense of identity is also increasing. In the future, the level and level of openness and integration between the two sides will continue to improve.

As the "heartland" of geopolitics on the Eurasian continent, Central Asia has increasingly become a stage for major powers and various forces to compete. In the next few years, the internal environment of Central Asian countries will be relatively stable, and the political situation and economic situation will maintain a good development as expected, which will provide a favorable environment for the implementation of the "Belt and Road" in Central Asia. However, at the same time, affected by the economic crisis and the transformation of domestic industrial structures, the economic development of Central Asian countries is still facing a difficult process; the external security environment in Central Asia is not ideal, with bilateral trust deficits,

major power games, multilateral interests and non-traditional security.

Geopolitical risks such as threats are on the rise. The superposition of these risk factors has also become a challenge for the implementation of the "Belt and Road" construction. The current stage of the "Belt and Road" construction indicates that the exchanges between China and Central Asian countries will be closer, and the interest factors involved are gradually diversified. In the process of cooperation, the current relatively weak security support system may be in various unexpected situations. In the face of the problem, it is impossible to deal with it, so it is necessary to formulate a management and control plan to resolve the geopolitical risks in Central Asia. We must coordinate the overall situation of international and domestic resources, not only make full use of public diplomacy and other means to strengthen international cooperation, but also properly handle the relationship between the central government and local governments on risk sharing; fully understand the different national conditions of the five Central Asian countries. On the basis of this, we can not only grasp the main contradiction but also analyze specific problems in detail, so as to improve the trust and satisfaction of both parties.

Looking forward to the future, in the process of strengthening cooperation with Central Asian countries, China must, as always, demonstrate the open and inclusive attitude of the Belt and Road Initiative and advocate the path of common prosperity with practical actions, and jointly establish a geo-risk prevention system with Central Asian countries. At present, China has become an indispensable partner in the construction of Central Asian countries in various fields. China will actively expand and deepen public diplomacy, neighboring diplomacy and major-country diplomacy, do a good job in the balance of existing strategies and multilateral mechanisms, and provide more Multiple effective public goods will guide China and Central Asian countries from a community of interests to a community of shared destiny. We believe that as long as all countries respect and trust each other, help each other with one heart, and win-win cooperation, we will be able to write a new chapter in the future cooperation between the "Belt and Road" construction and Central Asian countries.

### References

- Brzezinski Z. (2011). *The big chess game: America's primacy and its geostrategy* [M]. China Institute of International Studies. Translated. Shanghai People's Publishing House.
- Cohen S. (2003) *Geopolitics of the World System*. Rowman & Littlefield International, 2014.
- Damdorov K (2018). The "Belt and Road" box Under the shelf, the cooperation between Tajikistan and China has been deepened in an all-round way [N]. *International Business Daily*, 10-12 pp.
- Emma V. Broomfield (2003) Perceptions of Danger: The China threat theory, *Journal of Contemporary China*, 12:35, 265-284, DOI: 10.1080/1067056022000054605
- Endor W. (2016) "One Belt, One Road": Creating a New Eurasian Century [M]. Translated by Dai Jian. China Democracy and Legal Publishing House.
- Feiteng Z. (2014) Beyond Geopolitical Myths: China's New Asian Strategy [J]. *Diplomatic Review*, 2014, 31(6):16-39.
- Flint C, Xiaotong Zhang. (2016) The Belt and Road Initiative and Geopolitical Theory Innovation. China Foreign Affairs University; China National Association for International Studies ISSN:1003-3386// <http://wjxy.cbpt.cnki.net/WKE/WebPublication/index.aspx?mid=WJXY>
- Kerry L. (2022) Covid-19 and the China opportunity narrative: investment, trade, and the belt and road initiative. *International Review of Applied Economics* 0:0, pages 1-28.
- Li Q. (2014) China and Central Asia's innovative cooperation model, the geo-strategic implication and practice of jointly building the "Silk Road Economic Belt" [J]. *Journal of Shaanxi Normal University*, 43(4):5-15.
- Liu F. (2015) Scientific understanding of the Belt and Road Initiative of China and related research themes [J]. *Progress in Geography*, 34 p.
- Mackinder, H. J., (1904), *The Geographical Pivot of History*, *The Geographical Journal*, Vol. 23, No. 4. pp. 421-437
- Mahan A. (2014) *Theory of Sea Power: The Influence of Sea Power on History* [M]. Translated by Li Shaoyan, Dong Shaofeng, Xu Duo. Times. Literature and Art Press.
- O'Sullivan, P. (1986). *Geopolitics* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315749617>.
- Zhiping P. (2001) "Central Asia": Reflections on Geopolitics, Economy and Culture [J]. *Studies in Eastern Europe and Central Asia*, (3): 36-41+95.
- Shu X, Wang J, Xi-Qin H U. (2016) Research on the Export Frequency of China's firms to Countries of The Belt and Road"Based on the Nbreg Model[J]. *Journal of International Trade*, 13p.
- Speakman N. (2016) *The Geography of Peace* [M]. Translated by Yu Haijie. Commercial Press, 2016.

**O. Rakhmatulin\***, **A.K. Kushkumbayev**

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

\*e-mail: rakhmatulin-os@mail.ru

## **U.S. STRATEGY IN CENTRAL ASIA: SEMANTIC ANALYSIS**

The article discusses the US strategy in Central Asia on the basis of an extremely accepted document. The method of semantic text analysis will be applied. An attempt is made to compare the lexical analysis and the context of the strategy with the real US policy in Central Asia. The mechanism of semantic analysis is described. The main problem of the research is the processing and interpretation of mathematical data. They reflect the results of semantic analysis of the strategy text. The foreign policy strategy contains the official plans of the state in relation to the region. The main part and the rationale for the application of the strategy in the region are analyzed. It describes the main interests of the United States in Central Asia, projects and vision of joint cooperation. The goals and objectives adopted in the document for the near future are determined. Their implementation depends on the activity of the United States and the desire of regional partners to cooperate. Special emphasis is placed on the security of the region and the situation in Afghanistan. During the transformation of the political system, it is important to determine the algorithm of cooperation between Central Asia and the United States. The results of semantic analysis allow the use of information mathematical data and their interpretation in the analysis of the main provisions of the strategy. The conclusions can be useful when comparing with the ongoing events of real politics in the region.

**Key words:** US strategy, Central Asia region, semantic analysis, goals, security, Afghanistan

О. Рахматулин\*, А.К. Кушкумбаев

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан

\*e-mail: rakhmatulin-os@mail.ru

## **АҚШ-тың Орталық Азиядағы стратегиясы: семантикалық талдау**

Мақалада АҚШ-тың Орталық Азиядағы соңғы стратегиясы қарастырылады. Мақалада мәтінді семантикалық талдау әдісі қолданылады. Стратегия мәтініне және АҚШ-тың аймақтағы нақты саясатына салыстырмалы талдау жүргізілуде. Семантикалық талдау механизмі сипатталған. Зерттеудің негізгі мәселесі математикалық мәліметтерді өңдеу және түсіндіру болды. Бұл семантикалық талдау нәтижелерінде көрсетілген. Сыртқы саясат стратегиясы аймақта қатысты мемлекеттің ресми жоспарларын қамтиды. Стратегияның негізгі бөлігі және аймақта қолдану әдістері талданады. АҚШ-тың Орталық Азиядағы бірлескен ынтымақтастығының негізгі мүдделері мен жобалары сипатталады. Құжатта жақын болашаққа қабылданған мақсаттар мен міндеттер анықталады. Жоспарлардың орындалуы АҚШ-тың белсенділігіне байланысты. Сондай-ақ, бұл аймақтық мемлекеттердің ұмтылысына байланысты. Аймақтың қауіпсіздік мәселесіне және Ауғанстандағы жағдайға ерекше назар аударылады. Орталық Азия мен АҚШ ынтымақтастығының әдістерін анықтау қажет. Семантикалық талдау нәтижелері ақпараттық-математикалық мәліметтерді пайдалануға мүмкіндік береді. Сондай-ақ, бұл стратегияның негізгі ережелерін талдау кезінде оларды түсіндіруге мүмкіндік береді. Қорытындылар нақты саяси оқиғалармен салыстырғанда пайдалы болады.

**Түйін сөздер:** АҚШ стратегиясы, Орталық Азия аймағы, семантикалық талдау, мақсаттар, қауіпсіздік, Ауғанстан

О. Рахматулин\*, А.К. Кушкумбаев

Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Нур-Сұлтан, Казахстан

\*e-mail: rakhmatulin-os@mail.ru

## **Стратегия США в Центральной Азии: семантический анализ**

В статье рассматривается стратегия США в центральной Азии на основе крайнего принято документа. Применяется метод семантического анализа текста. Предпринята попытка сравнения

лексического анализа и контекста стратегии, с реальной политикой США в Центральной Азии. Описываются механизм семантического анализа. Главной проблематикой исследования становится обработка и интерпретация математических данных. Они отражают результаты семантического анализа текста стратегии. Стратегия внешней политики содержит в себе официальные планы государства по отношению к региону. Анализируется основная часть и обоснование применения стратегии в регионе. Здесь описываются основные интересы США в Центральной Азии, проекты и видение совместного сотрудничества. Определяются цели и задачи принятые в документе на ближайшее будущее. Их реализация зависит активности США и стремлении региональных партнеров к сотрудничеству. Особый акцент уделяется вопросу безопасности региона и ситуации в Афганистане. В период трансформации политической системы важно определить алгоритм сотрудничества Центральной Азии и США. Результаты семантического анализа позволяют использовать информационно математические данные и их интерпретацию при анализе основных положений стратегии. Выводы могут быть полезны при сравнении с происходящими событиями реальной политики в регионе.

**Ключевые слова:** стратегия США, регион Центральная Азия, семантический анализ, цели, безопасность, Афганистан

## Introduction

Central Asia is a region consisting of five republics and formed after the collapse of the USSR. For all the time of its independence, each republic has chosen its own path of development and has experienced many political, economic and social events that have formed a certain «individuality» of states.

The region has several distinctive advantages that define its community. One of them is the resource potential of the republics. In this issue, Kazakhstan and Turkmenistan are leading in terms of energy resources, despite the fact that there are natural resources in other countries as well. Another advantage is the geographical location of the region, its transport and logistics potential, including its close proximity to the Middle East, the Caucasus, Afghanistan, Iran, Russia and China. Thanks to these moments, the region becomes interesting to external players from a geopolitical point of view. Each country has its own approach to cooperation with the region. And for each country, the policy is based on its own specifics. Russia has a historical connection with the republics, economic (EAEU), and political cooperation. China has economic ties in the form of large investments and loans.

Western countries, to the best of their abilities, participate in political and economic processes around the world. And the interest in Central Asia is also caused by the proximity to the geopolitical zone of Afghanistan, Iran, the Middle East, which affect the interests of the United States and European countries with security issues. As a result, the common reason for foreign policy attention to Central Asia is that the interests of many parties historically overlap here. And all this is inextricably linked with the growing influence on the region (Laumulin, 2014).

In the modern realities of international relations, there is always a need to analyze a huge amount of data. Small and large scale events occur daily. Under these conditions, countries set themselves the goal of structuring their foreign policy as efficiently as possible. The future of the countries depends on the consistency of the established cooperation. The design of foreign policy may have a different concept and form of implementation. Thus, before each analysis of the state's foreign policy, the task of studying the goals, interests and real instruments of policy implementation is set.

In this study, the key issues are U.S. foreign policy in Central Asia and semantic analysis as a method of analyzing textual information. This method has its advantages, which stand out when using information and mathematical technologies and the ability to compare them with events in the international arena.

The choice of the USA is explained by the fact that the US foreign policy has a clear structure, a public format and is well covered in the scientific literature. Moreover, cooperation with the countries of the region is primarily built on the basis of the goals and objectives described in the framework of the official strategy, which does not prescribe all the details of policy, but still reflects the main areas of interest. The United States adopted its strategy in the winter of 2019-2020 under the title: «The Strategy of the United States in Central Asia for 2019-2025: strengthening sovereignty and economic prosperity» (United States Strategy for Central Asia 2019-2025, 2020). Immediately before the publication of the document, the head of the US State Department, Mike Pompeo, paid a visit to Kazakhstan and Uzbekistan. During which, he held meetings with heads of state, and also took part in a meeting of foreign ministers in the C5+ format<sup>1</sup>. During the

visits, the US representative said that Washington is ready to help the countries of the region in economic development and the republics will have more success from mutual cooperation. In addition, he spoke about the situation in China, focusing on the relations of the countries of the region with Beijing, as well as attention was paid to the issue of security and the fight against extremism (Zachem Maykl Pompeo priyeezzhal v Kazakhstan, 2020). Thus, the United States declares that it is interested in the stability of the region and economic cooperation.

### Research methodology

This study uses the method of semantic analysis of the strategy text. The analysis uses the text in the original language, which does not interfere with interpreting them. At the same time, it should be borne in mind that the results of the analysis largely depend on the understanding of their authors and cannot reflect the full and objective significance of the strategy itself. Semantic analysis refers to such a branch of science as semantics. At the heart of this discipline is the study of the relationship between text, words, the context of information and the real life circumstances that they describe. In its study, semantics divides the text into words, their meaning and the form of constructing logical phrases with other words. In turn, semantic analysis is designed to overcome the difference between semantic meaning, logic and semantic structure of the text.

As a rule, the methodology of semantic analysis is based on mathematical calculations and their further interpretation. With the development of information and computing technologies, research in this area began to be carried out using computer analysis. Artificial intelligence is able to process a large amount of information and produce results in the form of digital data. Next, it is important to analyze and interpret the data obtained.

An example is the issue of security in the Central Asian region. The strategy often raises the topic of ensuring stability and eliminating threats. For the United States, the key point is the fight against extremism and potential threats emanating from Afghanistan (Van Olmen, 2018).

In turn, for regional states, this issue is not limited only to border problems, but there are also threats to water supply, environmental problems, etc. It is obvious that the semantic load inherent in the preparation of the strategy and its interpretation differ. In order to give a sufficient explanation of this difference, it is necessary to determine the goals of the strategy itself and the circumstances in international

relations in the region. At the same time, semantic analysis also focuses on the fact that in both cases there is an objective basis in the issue of security, which is equally understood both for the United States and in Central Asia.

Semantic analysis can have several stages, which can be divided into the following: preliminary study, identification of key phrases or semantic units, as well as processing of the results. At the same time, the analysis is carried out both at the level of literacy of writing the text and on the information load of words. The latter, in turn, provides more opportunities for analysis. So information can be of key importance for distinguishing documents that use similar words and phrases, but different ideological message (Sinoara, 2017).

One of the key elements of the semantic analysis of the strategy is the semantic core of the text. It describes the meaning of the text, which is determined by counting the number of words and phrases used. A competent ratio of words and the structure of phrases in the text can increase the influence of the inherent meaning.

The mathematical part of the analysis generates statistical data of the text. The total number of characters, the number of words and phrases, the amount of so-called “water”, grammatical errors and other indicators are important (Table 1, 2, 3). The concept of “water” in the text does not mean the quality of the text, it is made up of a quantitative ratio of significant and insignificant words. The “nausea” of the text means the number of repetitions of the same words in the text. The higher the percentage, the less saturated the text.

### Discussion

The basis of the strategy. The American strategy describes the main strategic interest of the United States in Central Asia. After the collapse of the USSR, Washington was among the first to recognize the independence of the five republics. At the very beginning of the strategy, it is indicated that these countries include Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. This determines the boundaries of the region.

According to the strategy, Washington seeks to support the democratic vector of development of politics and market economy in the region. It is important to preserve the openness of the borders of the republics, their involvement in the world economy. In order to jointly implement economic and political tasks in the region, the United States is promoting the C5+1 dialogue format. It should be noted here

that the concept of regular meetings and discussions of partnership at the highest level, in the format of the five republics on the one hand and the United States on the other, creates a unique opportunity for the Central Asian states to become a single region during negotiations with the United States. The fact that the United States is developing such a dialogue and this is reflected in the strategy suggests that this will be emphasized in the next five years.

The C5+1 format was initiated in 2015 and laid down the sequence of defining the strategy and formats of future meetings on the most important issues. By its nature, this format is a consequence of 30 years of US policy in the region. First of all, this policy was officially based on the stability of the region and the sovereignty of States. These US interests were defined in the Silk Road Strategy Act of 1999. Three priority directions were traced in it: 1. support for the sovereign, democratic development of the region, 2. Building strong, friendly relations between the United States and the states of the region, 3. Economic, market development of the natural resources market. By the beginning of the 21st century, it determined the main interests of the United States and the potential of the region, but over time the circumstances of international processes change. As a result, the C5+1 format began to focus on regional cooperation in solving local problems. It is not expected that this format will become a platform for spreading military and political influence, but as a basis for representing a single region in negotiations with the United States (Tolipov, 2020).

A red thread in the previous and current US strategy in the region can be called the issue of security: the fight against radical extremism and drug trafficking. One of the key principles is the importance of the region for the national security of the United States, regardless of their activity in Afghanistan. After the withdrawal of American troops from Afghanistan and the reduction of military presence in the region, the importance of Central Asia in Washington's strategic calculations is also decreasing. And this is due not only to the US policy itself, but also to the large presence of China and Russia. The geopolitical shift in the region forces the republics to cooperate more with Beijing and Moscow within the framework of the SCO and the CSTO. Thus, the United States will need new approaches in promoting policy in order to realize the goals of developing democracy and ensuring political and economic stability in the region.

Despite the withdrawal of the military presence in Afghanistan, the United States intends to control the situation in the face of a security threat. This

was confirmed during the meeting of the Chiefs of General Staffs of Central and South Asian countries in September 2021. Representatives of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Pakistan, the USA, Tajikistan and Uzbekistan discussed issues of future security at the conference (*Voyennyye nachal'niki 6 stran obsudili v Nur-Sultane situatsiyu v Afganistane*, 2021).

To date, the military presence, in particular the presence of military bases on the territory of the Central Asian republics, is not in the interests of Russia. Thus, military agreements with the United States risk meeting serious resistance from Moscow. Russia already has a military base in Kyrgyzstan, and taking into account the relationship between Moscow and Washington, the solution of regional problems may become problematic (*MID zayavil o nepriyemlemosti voyennykh SSHA v stranakh Tsentral'noy Azii*, 2021). The establishment of territorial integrity and political independence can be attributed to the successful results of all past policies. Washington was one of the first to recognize the statehood of the newly independent states. Contributed to ensuring the withdrawal of nuclear weapons. And subsequently, no country has established its pre-established influence in the region. Thanks to this, the United States was able to take advantage of the region's proximity to Afghanistan to support its military operations. But at the same time, American projects in Central Asia have not been fully implemented. There are still reasons in the Western community to criticize the democratic processes in the region. And the vision of the connection between Central Asia with Afghanistan and Pakistan through the New Silk Road project has not found its application in reality (Rumer, 2016).

The region is experiencing economic problems in the field of international trade. Most of the region's exports are oil, natural gas, cotton and gold. In this regard, it becomes obvious that States have failed to fully diversify and modernize their national economies in order to reduce dependence on natural resources. Moreover, the fall in the ruble exchange rate, economic sanctions and other economic problems in Russia also had an impact on the economic state of the region. Russia is connected with some countries within the framework of economic integration, for others, remittances of migrant workers make up a significant part of the state budget (Rumer, 2016).

Goals and objectives of the strategy. In its strategy, the United States sets itself six tasks. First of all, the tasks relate to the political sphere. The economic component either complements the political strategy, or has a limited character.

To implement the task of strengthening sovereignty and independence in the region, assistance will be provided to democratic institutions, economic development and overcoming differences between countries. At the same time, joint partnership projects, investments in certain economic spheres, social life, assistance in carrying out political reforms, etc. are proposed. For example, in the military sphere there are exercises “Steppe Eagle”, which bring together the military of several countries and help prepare for peacekeeping operations, tactical coordination, etc. The peculiarity of this initiative is that the United States has extensive experience in conducting military operations, and the technical equipment and level of professionalism of the American army makes it one of the best in the world. This fact allows the republics to learn the American approach and equipment during military operations.

There are prospects that cooperation with Kazakhstan and Uzbekistan will become a priority part of relations between the United States and Central Asia. The former is the largest economic partner of the United States in the region, and the latter has significant prospects for military-political cooperation. In 2018, a five-year military cooperation plan was signed between Washington and Tashkent. This is not the first such initiative and has become one of the components of relations with the United States and NATO. In a couple of years, the contract expires, and since it was concluded at a time when the United States was preparing to completely withdraw its troops from Afghanistan, then in the future the main positions will also be related to this issue, but in a different context (Akmatalieva, 2021).

Further, the United States in its strategy proposes to strengthen relations between the Central Asian republics and Afghanistan in the fields of energy, trade, economy, culture, and security, thereby creating close partnerships. The United States is on the side of the republics making more efforts to stabilize the situation in Afghanistan. This will solve the global task of turning Afghanistan into an integral, stable subject of international relations. While the international coalition and the United States were limiting their presence in Afghanistan, Central Asia was increasingly concerned about the future security in the region. The complexity of the situation is caused by the fact that border states have problems with economic development, which in turn leads to social instability. Under these conditions, each republic develops its own approach to the new political force of Afghanistan. To a

greater extent, it depends on political traditions, military-economic opportunities and the degree of threat. In any case, the presence of the US military contingent in Afghanistan created fewer threats to security. Today’s situation can be described by its unpredictability (Mallinson, 2021).

In order to energetically connect Central Asia with Afghanistan and Pakistan, the CASA-1000 project is operating, which connects the power lines of Kyrgyzstan and Tajikistan and directs excess energy to the above-mentioned countries. The role of the United States here is direct assistance and investment.

The US state financial support, based on the data provided in the strategy, totals more than \$ 9 billion. All of them are directed to the areas of peace and security support, humanitarian sectors, economy, etc. Investments are primarily aimed at the business sector, creating an attractive environment for American entrepreneurs. Education becomes an important area when local specialists with knowledge of English and access to the global labor market are brought up. All these financial investments come through the International Development Bank, American foreign investments and direct support from the United States.

In the period from 1992 to 2014, the United States provided substantial economic and military assistance to five republics. The total amount was about 6.8 billion US dollars. The year 2010 turned out to be the most expensive for Washington, due to the increase in the military presence of American troops in Afghanistan (about 100 thousand troops) (U.S. Overseas Loans and Grants: Obligations and Loan Authorizations, 2014). At that time, military operations required efficient logistical work and a developed local transport infrastructure. Thus, with the withdrawal of the US military contingent from Afghanistan, it decreased, and in 2014 it amounted to about \$ 148 million, compared with the amount of \$ 650 million in 2010.

For the republics, these investments are one of the ways to solve internal economic and political problems, develop infrastructure, strengthen border control, etc.

Thus, the US strategy is characterized by a clear statement of goals, where you can find information about what methods relations will develop and what interests the United States pursues. Also, based on the experience of cooperation, the United States determines in what financial volumes the work is carried out.

## Results

As already mentioned, the study used the method of semantic analysis. This type of analysis is more related to the section of linguistics and text programming. But the priority of the research in this article is given to the analysis of the strategy from the point of view of its comparison, interpretation and correlation with US foreign policy in the region. In the context of international relations, it is important to consider the goals, objectives and main provisions of the strategy, taking into account the history of the region's relations with Washington.

One of the key elements of the semantic analysis of the strategy is the semantic core of the text. It describes the meaning of the text, which is determined by counting the number of used words and phrases. A competent ratio of words and the structure of phrases in the text can increase the influence of the inherent meaning. The mathematical part of the analysis generates statistical data of the text. The total number of characters, the number of words and phrases, the amount of so-called "water", grammatical errors and other indicators are important (Tables 1 and 2). The concept of "water" in the text does not mean the quality of the text, it is made up of a quantitative ratio of significant and insignificant words. The "nausea" of the text means the number of repetitions of the same words in the text. The higher the percentage, the less saturated the text is with unique concepts.

**Table 1** – Text statistics

General text statistics	
Parameter	Meaning
Number of characters with spaces	13875
Number of characters without spaces	11825
Number of words	2051
Number of unique words	632
«Nausea» of the text	11.4%
«Watery» text	0%
The quality of the text according to Zipf's law	50%

Source: Source: Text Analysis using the Miratext System: [https://miratext.ru/seo\\_analiz\\_text](https://miratext.ru/seo_analiz_text)

This table shows the statistics of the strategy text. So the number of characters and words help to estimate the volume of analysis and compare them

with the percentage of uniqueness of the text. The "nausea" index of the text at 11 percent indicates the frequency of use of words (for example, as indicated in Table 2). The repetition of some words reduces the details in the sense of the text itself. So for a volume of 2000 words, the 11 percent figure is high, so we can assume that a lot of details are hidden. The "water content" of the text is determined by the analysis of the saturation of insignificant words that do not have an independent meaning. As indicated in Table 1, zero percent indicates the formality and informativeness of the text, cutting off any emotionality in the strategy. But perhaps the value of 0% may be the result of a technical error. From this it can be concluded that a wide range of information technologies should be used for a deeper and qualitative analysis.

An indicator of 50% according to Zipf's law in SEO analysis means the naturalness of the strategy text. The higher the percentage, the less attractive the text is for human understanding in the process of reading. Therefore, despite the formality and conciseness, the strategy indicator is not bad. We can assume a balanced relationship between the status of the strategy and the simplicity of presentation.

**Table 2** – The core of the phrase text

Three-word phrases (1568)		
Word	Repetitions	saturation, %
the united states	30	4,39
central asian states	12	1,76
in central asia	9	1,32
the central Asian	9	1,32
in the region	8	1,17
united states strategy	7	1,02
for central asia	7	1,02
strategy for central	7	1,02
states strategy for	7	1,02

Source: Text Analysis using the Miratext System: [https://miratext.ru/seo\\_analiz\\_text](https://miratext.ru/seo_analiz_text)

The data shown in Table 2 indicate the number of different phrases. Within the framework of this article, phrases of three words are used, but the general analysis allows us to accept a larger number. In our case, an indicator of three was sufficient, since the words were repeated. Anyway, according to the

data, the US position is much more often represented in the strategy. Provided that the strategy itself was developed by them, this fact is beyond doubt.

There are clear six goals that show the priority of foreign policy. The United States clearly articulates its goals in regional security and the region's participation in stabilizing the situation in Afghanistan. In addition, the volume of financial investments in the past is also described, as an analogue of future prospects. The objectives of the strategy are not limited only to security issues, another important area is the support of democracy and investment in the region. The final part of the strategy was a common vision of the implementation of the tasks set, which indicates that the development of the region is taking into account the interests of Washington. The emphasis is on the C5+1 format, which connects the five republics of the region and the United States, thereby influencing regional interdependence during joint negotiations. The C5+1 cooperation format is able to unite all five republics at a single negotiating table, where the United States will be the most significant participant, thereby creating another integration structure in the region. At the same time, the participation of the United States in regional processes is necessary for the republics of Central Asia, despite the remoteness of such an important partner. Therefore, the implementation of the main objectives of the strategy in the field of security and the fight against terrorism will find a positive reaction in the region.

Priority is given to security issues and less attention is paid to the economic and social sphere, which may be of interest to the region. Financial investments and democratic processes can be important for the United States, from the point of view that they allow maintaining stability in the region and within the republics. Which in turn creates resistance in the process of penetration of radical, extremist threats. The role of Afghanistan in the security issue is key, and with the resolution of problems in this issue, therefore, it leads to a decrease in joint projects and initiatives on the part of the United States. As can be seen from the events of recent years, the withdrawal of the military contingent in Afghanistan was accompanied by a decrease in the US presence in the region. But at the same time, the threat to regional stability has not disappeared.

The relative limitations of the strategy create few opportunities for expanding relations with Central Asian countries, and, accordingly, the interests of the United States are less realized. The C5+1 format may be ineffective, since regional states have

differences in understanding the role of the United States. Thus, the presence of Russian military bases is a serious factor in solving military threats. China's economic presence in the region often looks more attractive.

The logic of the high attention of the United States to the Afghan issue, as part of the strategy, may lead to the fact that after the withdrawal of the military contingent, interest in the region is lost. But it is worth remembering that the strategy was planned at a time when the process of limiting the US presence was already underway. In this regard, problematic points in the strategy are highlighted. Firstly, the future role of Afghanistan in regional processes is still unclear. There is a significant potential of the territory of this country in carrying out pipelines affecting all the republics of the region. These include the TAPI pipeline from Turkmenistan to India. If the project is successfully implemented, Afghanistan will have its own preferences for it (Starr, 2020). Moreover, the influence of other major powers like China and Russia is actively advancing in the region. It is advantageous for regional States to have such large partners in the neighborhood. But in the realities of international competition, the United States still has its own interests in this region. Thus, the strategy takes into account not only past experience, but also the prospects of future relations.

To all of the above, it is also worth adding the fact that the goals and objectives of the United States in the region may clash with the general perception of Washington's political rhetoric. There are studies showing that the United States is losing ground to Russia and China in soft power (Laruelle, 2020). These data may vary in each of the republics. If we take into account Kazakhstan and Uzbekistan, which receive the most financial investments from the United States, then the strong positions of Russia and China are felt here. Of course, such a position of the United States in the region has its own explanations related to history, economic union and much more.

But perhaps the modern strategy will become an intermediate one and will prepare the foundation for the design of a new concept, taking into account the emerging realities of the economy and politics in the region.

## Conclusion

The strategy notes that Central Asia is interesting from the point of view of security and geographical location. This means that there are several factors that determine the geopolitics of the United States.

These factors include the proximity to China and Russia, the threat of terrorism and the situation in Afghanistan, the energy potential of the region, etc. To realize interests in this direction, the United States is stepping up efforts through military-political initiatives and economic investments. At the same time, the Western approach is characterized by attachment to the observance of democratic values, this becomes the main requirement for US regional partners.

The United States declares that it is interested in the stability of the region and economic cooperation. This is based on the fact that their national security depends on the state of security in other parts of the world, even for the United States being away from Central Asia, this is relevant. But here another question arises, what is meant by strengthening sovereignty, and how deeply and qualitatively cooperation will develop in the future. It is difficult to predict the

details of the development of international relations in the region. Constantly occurring events and changes in the world agenda can make adjustments to the plans of the United States. This can be seen by the example of the events taking place in early 2020, when relative global stability was disturbed by the virus pandemic and, in addition, the decline in oil prices. And the consequences of all this threaten a global economic crisis. At the same time, global geopolitical interests remain relevant for the United States. The results of semantic analysis can be used for deeper and more detailed analysis. From the point of view of linguistics, they are of great value, and provide more details for research. In this article, it was enough to demonstrate the possibilities of the semantic approach and its usefulness in the study of regional cooperation. Semantic analysis acquires special productivity in combination with other traditional methods.

### Reference

- Akmatalieva A. (2021) Politika SSHA v Tsentral'noy Azii pri administratsii Dzhozefa Baydena [US Policy in Central Asia under Joseph Biden's Administration]. Cabar.asia. Retrieved from: <https://cabar.asia/ru/politika-ssha-v-tsentralnoj-azii-pri-administratsii-dzhozefa-bajdena>
- Laumulin M. (2014) Politika SSHA i ES v Tsentral'noy Azii (sravnitel'nyy analiz) [US and EU Policy in Central Asia (Comparative Analysis)]. *Russia and the Muslim World*, no. 9 (267). – 2014, S. 81-121.
- Laruelle M., Royce D. (2020) No Great Game: Central Asia's Public Opinions on Russia, China, and the U.S. // Kennan Cable. – No. 56, August. – 17 P.
- Mallinson K. (2021) Afghanistan creates tricky new reality for Central Asia. // Chathamhouse. Retrieved from: <https://www.chathamhouse.org/2021/08/afghanistan-creates-tricky-new-reality-central-asia>
- MID zayavil o nepriyemlemosti voyennykh SSHA v stranakh Tsentral'noy Azii. (2021) [Foreign Ministry declared the unacceptability of the US military in the countries of Central Asia] Retrieved from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61657f0c9a79472810885354>
- Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. (2016) U.S. policy toward Central Asia 3.0. // Carnegie Endowment for International Peace, Washington, DC.
- Sinoara, R., Antunes, J. & Rezende, S. (2017) Text mining and semantics: a systematic mapping study. // *Journal of the Brazilian Computer Society*, 23, 9. DOI 10.1186/s13173-017-0058-7
- Tolipov F. (2020) 5+1: The Math of Geopolitics in Central Asia. // Cabar.Asia. Retrieved from: <https://cabar.asia/en/5-1-the-math-of-geopolitics-in-central-asia>
- United States Strategy for Central Asia 2019-2025. (2020) U.S. DEPARTMENT of State (official page). Retrieved from: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf>
- U.S. Overseas Loans and Grants: Obligations and Loan Authorizations. July 1, 1945-September 30, 2013, (2014) The U.S. Agency for International Development (USAID), report
- Van Olmen D., Athanasopoulos P. (2018) Semantics. // in J Culpeper, P Kerswill, R Wodak, T McEnery & F Katamba (eds), *English Language: Description, Variation and Context*. 2nd ed edn, Palgrave, Basingstoke, pp. 134-145.
- Voyennyye nachal'niki 6 stran obsudili v Nur-Sultane situatsiyu v Afganistane.(2021) [Military commanders of 6 countries discussed the situation in Afghanistan in Nur-Sultan] Retrieved from: [https://tengrinews.kz/kazakhstan\\_news/voennyie-nachalniki-6-stran-obsudili-nur-sultane-situatsiyu-448495/](https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/voennyie-nachalniki-6-stran-obsudili-nur-sultane-situatsiyu-448495/)
- Zachem Maykl Pompeo priyechal v Kazakhstan? (2020) [Why did Michael Pompeo come to Kazakhstan?] Retrieved from: <https://informburo.kz/stati/zachem-maykl-pompeo-priyechal-v-kazakhstan.html>

**Zh. Zharmakhanova<sup>1\*</sup>**, **Antonio Alonso Marcos<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

<sup>2</sup>Universidad San Pablo CEU, Madrid, Spain

\*e-mail: zhansaule94@bk.ru

## **NEW EU STRATEGY FOR CENTRAL ASIA: BARRIERS FOR ITS SUCCESSFUL IMPLEMENTATION**

The European Union (EU) continues the line of cooperation with Central Asia. The 2007 strategy envisioned cooperation in areas ranging from environmental and energy to security, human rights and the rule of law. It was accepted for a ten-year term and it was replaced by another strategy with a small delay 12 years later. The new EU strategy for Central Asia, adopted in 2019, is an updated version of the 2007 strategy. This 2007 version was sharply criticized, on the one hand, due to the lack of clear goals, and on the other hand, because of the seemingly important, but in fact, marginal topics from the point of view of the Central Asian countries. The EU was criticized for its weak foreign policy, indecision and prioritization of secondary issues not only from outside, but also by member states. There is no doubt that the new Strategy has been supplemented and new areas of cooperation have been added. Nevertheless, to our minds, there are some inhibiting factors that interfere with the full success of the Strategy. Thus, the article focuses not on the success or the most positive aspects of the EU new Strategy for CA, but on defining the obstacles for its full development.

**Key words:** Central Asia, cooperation, EU, strategy studies, security

**Ж.И. Жармаханова<sup>1\*</sup>, Антонио Алонсо Маркос<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан

<sup>2</sup>CEU Сан-Пабло университеті, Мадрид қ., Испания

\*e-mail: zhansaule94@bk.ru

## **ЕО-тың Орталық Азияға арналған жаңа стратегиясы: оны табысты жүзеге асырудағы кедергілер**

Еуропалық Одақ (ЕО) Орталық Азиямен ынтымақтастық желісін жалғастыруда. 2007 жылғы стратегия қоршаған орта мен энергетикадан қауіпсіздікке, адам құқықтары мен заң үстемдігіне дейінгі салалардағы ынтымақтастықты көздеді. Ол он жылдық мерзімге қабылданып, 12 жылдан кейін сәл кідіріспен басқа стратегиямен ауыстырылды. 2019 жылы қабылданған ЕО-тың Орталық Азияға арналған жаңа стратегиясы 2007 жылғы стратегияның жаңартылған нұсқасы болып табылады. Бұл 2007 жылғы нұсқа, бір жағынан, нақты мақсаттардың жоқтығынан, екіншіден, Орталық Азия елдері тұрғысынан маңызды болып көрінгенімен, шын мәнінде маргиналды тақырыптарға байланысты қатты сынға ұшырады. ЕО әлсіз сыртқы саясаты, шешімсіздік және екінші дәрежелі мәселелердің басымдылығы үшін тек сырттан ғана емес, мүше мемлекеттер тарапынан да сынға ұшырады. Жаңа Стратегия толықтырылып, ынтымақтастықтың жаңа бағыттары қосылғаны сөзсіз. Соған қарамастан, біздің ойымызша, Стратегияның толық сәтті жүзеге асуына кедергі келтіретін кейбір тежеуші факторлар бар. Осылайша, мақала ЕО-тың Орталық Азияға арналған жаңа Стратегиясының сәттілігі немесе ең оң аспектілеріне емес, оның толыққанды дамуына кедергілерді анықтауға бағытталған.

**Түйін сөздер:** Орталық Азия, ынтымақтастық, ЕО, стратегиялық зерттеулер, қауіпсіздік

**Ж.И. Жармаханова<sup>1\*</sup>, Антонио Алонсо Маркос<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Евразийский университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Сұлтан, Казахстан

<sup>2</sup>Университет Сан-Пабло CEU, г. Мадрид, Испания

\*e-mail: zhansaule94@bk.ru

## **Новая стратегия ЕС для Центральной Азии: препятствия на пути ее успешной реализации**

Европейский Союз (ЕС) продолжает линию сотрудничества с Центральной Азией. Стратегия 2007 года предусматривала сотрудничество в самых разных областях – от окружающей среды и энергетики до безопасности, прав человека и верховенства закона. Она была принята на десятилетний срок, а спустя 12 лет с небольшой задержкой была заменена другой стратегией.

Новая стратегия ЕС для Центральной Азии, принятая в 2019 году, представляет собой обновленную версию стратегии 2007 года. Эта версия 2007 года подверглась резкой критике, с одной стороны, из-за отсутствия четких целей, а с другой – из-за кажущихся важными, но на самом деле маргинальных тем с точки зрения стран Центральной Азии. ЕС критиковали за слабую внешнюю политику, нерешительность и приоритетность второстепенных вопросов не только извне, но и странами-членами. Несомненно, новая Стратегия дополнена и добавлены новые направления сотрудничества. Тем не менее, на наш взгляд, есть некоторые сдерживающие факторы, которые мешают полному успеху Стратегии. Таким образом, в статье делается акцент не на успехе или наиболее положительных аспектах новой Стратегии ЕС для ЦА, а на определении препятствий для ее полноценного развития.

**Ключевые слова:** Центральная Азия, сотрудничество, ЕС, стратегические исследования, безопасность

## Introduction

After some years of negotiations, the EU approved a new strategy for Central Asia. The process was extremely difficult due to the number of actors involved. The EU is not a supranational structure, so they have to discuss the text between the (then) 28 member states, between the EU institutions and later among all of them; in parallel, the text was discussed also with all the five Central Asian partners. Here, the role of the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy is crucial. This High Representative (HR) is at the same time Vice President (VP) of the European Commission (the executive branch of the EU). In this case, Federica Mogherini (VP/HR) proposed and boosted a text, which was prepared with her collaborators, among them Peter Burian, the then EU Special Representative for Central Asia.

After prolonged discussions, the European Council (also known as just “the Council”), which is the summit of Heads of State and Government of the member states, adopted the Conclusions on the new EU Strategy for Central Asia on June 17<sup>th</sup>, 2019. What the Council did in that moment was only to endorse the Joint Communication of the VP/HR Mogherini and the European Commission entitled “The EU and Central Asia: New opportunities for a closer partnership”. That text, together with another document, the 7 pages Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia (approved on June 17<sup>th</sup>, 2019), form the new strategic framework for EU engagement with Central Asian countries in the coming years. The new strategy focuses on building resilience, prosperity and regional cooperation with Central Asia.

Later, on Sunday, July 7<sup>th</sup>, 2019, a Ministerial Meeting was celebrated in Bishkek (Kyrgyzstan), with the EU VP/HR and the Ministers of Foreign Affairs of the Central Asian countries. In that meeting, the new Strategy was accepted by them,

which meant the starting point of the strategy. After the meeting, they published a joint communiqué, where the participants reaffirmed their commitment to forge a strong partnership in Central Asia and the mutual interests between the two regions.

In parallel, the EU and some Central Asian countries were negotiating new Partnership Agreements under the banner “Enhanced Partnership and Cooperation Agreement” (EPCA). The first one was concluded and signed in 2015 with Kazakhstan, but entered officially into force in March 2020, after the process of ratification by all 28 member states was completed; as the process was foreseen too long, they accepted a temporary entering into force (the so called “provisional application” started in May 2016). On July 6<sup>th</sup>, 2019 the EU and the Kyrgyz Republic agreed in Bishkek an EPCA. Negotiations with Uzbekistan are still ongoing, but it seems that it will be successfully. The EU opened also negotiations with Tajikistan. The situation with Turkmenistan is harder, but they are open to negotiate if that means European investment in their country.

The success of the first phase of regional cooperation has been mixed. More successful has been the creation of a formal framework for dialogue and cooperation. These are, in particular, the annual meetings of the EU and Central Asian countries at the ministerial level. The last one was the 17<sup>th</sup> EU-Central Asia Ministerial Meeting, gathered in Dushanbe in November 2021. This Meeting has become a platform for the regular coordination of cooperation and clarification of its parameters, along with the permanent EU-Central Asia Dialogue on Human Rights –a forum for raising and discussing issues related to human rights in the region. The EU’s efforts to help Central Asian countries to improve their border control systems have also been quite successful.

In the framework of the 17<sup>th</sup> Ministerial Meeting, the VP/HR Josep Borrell said: “The countries of

Central Asia have made remarkable achievements since their independence 30 years ago. The EU has high stakes in seeing Central Asia develop as a more resilient, prosperous and more closely interconnected economic and political space. The EU and Central Asia share a strong commitment to intensify cooperation to build back better following COVID-19. We also want to step up joint efforts to manage some of the common challenges stemming from the situation in Afghanistan. The EU can make a strong contribution to the future of the region if Central Asian states show determination in their commitment to reform and democracy.”

In the same Meeting, the Commissioner for International Partnerships, Jutta Urpilainen, added: “The partnership between the EU and Central Asia builds a joint path to a green, resilient, inclusive and sustainable post-COVID-19 recovery. We want to strengthen cooperation on climate, connectivity, trade and investment, energy, and security. And we will engage with civil society and the youth, to develop a closer partnership.” (17th EU-Central Asia Ministerial Meeting – Turning Challenges into Opportunities press release, 2021)

In these two paragraphs it is easy to identify what are the key EU interests in CA.

For European policy, «Central Asia is becoming more interesting as a growing market with great potential for trade and investment, as well as, given its strategically important geographical position, remains a connecting link between Asia and Europe. These elements should be used in partnership between the countries of the region and the EU,” noted Peter Burian. Introducing the updated Strategy in Astana in February 2018, he stressed that “the EU has no hidden agenda and geopolitical ambitions. Our main interest in Central Asia is security and stability. We are ready to cooperate with everyone who is genuinely interested in stability and prosperity of Central Asia.»

Therefore, in the new strategy, Central Asia is named as a key region in the interaction between East and West, and the overall goal of the EU is related to the concept of economic and political sustainability. Central Asia has been declared as a region of strategic EU interests in terms of security, stability, governance and diversification of energy resources. At the same time, EU officials continue to justify strengthening their positions in Central Asia by the fact that they ambitiously call the Union a “key partner” of the countries of the region in solving problems of the environment, the rule of law, internal reforms (*id est*, good governance and democracy), and border control. The EU

recognizes the need to support young people as well as develop regional cooperation. The areas of interaction are the same as those identified in the early strategies: transport, energy, digital networks that enhance interconnection between countries, as well as cooperation between civil societies of countries.

According to Peter Burian, “the depth of relations with individual Central Asian countries will develop and depend on the ambition and need of the Central Asian countries in promoting bilateral relations. If there is more interest, there will be more response from our side. In this direction, the EU will use more flexible formats and collaborative mechanisms to achieve more concrete results.” (I. Sevostyanova, 2015)

All EU strategies are linked with the aim of forming common principles for solving problems in the areas of security, energy, transport and the digital network. By now it has become obvious that the EU has achieved the greatest success in cooperation with Kazakhstan, Kyrgyzstan, and to some extent with Uzbekistan. The EU is interested in solving security and energy problems in cooperation with these states, and at the same time it automatically opposes the deepening of integration processes in the post-Soviet space.

We have to admit that the success of the Strategy depends on various factors. As the former EU VP/HR Federica Mogherini emphasized, the EU believes in the potential of the region, and the new strategy is based on joint work, and not on the interests of the EU alone. Therefore, the EU expects the governments of the Central Asian countries to refer to the experience of the EU, and above all to the EU standards in various fields. (EEAS press, 2019)

In addition, Peter Burian while comparing the European connectivity project and other similar projects promoted by other countries highlighted several times: “We also share a mutual interest in developing and strengthening connections between Europe and Central Asia, whether that is transport links, digital infrastructure, energy networks, or contacts between people. This could create new jobs, promote innovation and modernization, which allows Central Asia avoiding the debt trap and the trap of poor-quality projects. But at the same time the connectivity for us is not and should never be about creating spheres of influence. For us, connectivity always will be rather focused on creating opportunities for everyone.” (Joint Communication to the European Parliament and the Council, 2019)

Regarding policies, projects and programs of the EU in the Central Asian region, there are some factors that may hinder the success of the Strategy and the influence of the EU in Central Asia in general. Obviously, the EU cannot afford systematic advancement and a large-scale presence where both Russia and China are already active. In addition, it is evident that the historical gravitation of these countries towards Russia and China hinders the advancement of the EU in the region (Alonso Marcos, Antonio, 2021)

In addition, personnel changes in the EU itself will not change the established principles of cooperation between the parties, while the EU is not ready to invest significant amounts in interaction with the region.

To our minds, above mentioned facts could be one of the factors that may interfere with the success of European penetration to Central Asian region and the realization of the European Strategy in this region. Therefore, the article will focus on identifying these factors.

*Mentality or cultural difference as another factor*

The new EU Strategy for Central Asia proposes strengthening the EU-region's partnership in economic development ("prosperity"), comprehensive security ("resilience") and enhanced cooperation with and within Central Asia. It is obvious that the European understanding of the norms and values of connectivity cannot be readily accepted in the region, in part because of the inherited problems of the Soviet past that led to a dramatic break in ties, and because of clan struggle that quickly took root in the region. Moreover, deep and entrenched networks of corruption impede sustainable economic development, support criminal and terrorist networks, and damage confidence-building initiatives between and within Central Asian states. It is difficult to solve these problems, since the state actors are themselves part of the problem. In part because of this fact, the EU is trying to strengthen its engagement with non-state actors in Central Asia. It is clear, however, that the road to economic success cannot be fast: the region has significant growth potential, but human rights, the rule of law and transparency need to be strengthened to attract more European investors. (Sinikukka Saari, 2019)

Aidar Alibayev, deputy chairman of the United Social Democratic Party of Kazakhstan, told about the dominance of clan relations in the power structures, when officials even in official biographies indicate their involvement in one clan or another. "If

you look closely at the lists of heads of departments of ministries and departments, you will see that there are completely familiar names! These are the children of current parliament members who are in power and retired akims (mayors), ministers and heads of national companies.

Independently of each other, both opposition politician Aidar Alibayev and human rights activist Galym Ageleuov point out that the fight against corruption observed in Kazakhstan is in fact a manifestation of the struggle of various political clans for the most advantageous places on the power Olympus. "Vivid examples of such a struggle are the punishment of former Prime Minister Serik Akhmetov and the fate of the former head of the presidential administration Aslan Musin. They are not at all alone, there were influential clans behind each! The same Musin soared very high 10 years ago. He also influenced all life spheres of our officials. Ones said that he was even one step away from the most important seat in the country. But the struggle of clans has not been canceled in our country," said Aydar Alibayev, who in the past served as head of the Association of Pension Funds of Kazakhstan and worked in the Ministry of Labor and social relationships. (A. Weisskopf, 2020)

Another aspect of the EU's contribution is precisely what is often uncomfortable for other external partners: the EU's ability to raise regulatory questions. They relate to social justice, gender equality, human and civil rights, democratization and the rule of law, among others. The European Union's raising of these issues will be warmly welcomed by many non-governmental stakeholders, civil society organizations, youth groups and some political parties and movements. Regional governments may not be enthusiastic about this; however, they may show some interest, especially when such cooperation is accompanied by tangible financial support or technical assistance programs. (E. Dzhuraev, 2020)

Obviously, the EU institutions are aware of the importance of continuing to cooperate with these countries while respecting their sovereignty. However, European countries would undoubtedly like to have more influence here. They would prefer to get more contracts with local governments or state-owned companies. In addition, they would like to find real like-minded people there with similar views on democracy and human rights. However, the real political culture and public opinion / mentality of the peoples of Central Asia is rooted in Turkic-Persian-Arab and Russian-Soviet influence; therefore local companies and governmental structures run in this

old style, although there are some slow changes are occurring. (Antonio Alonso Marcos, The new EU Strategy for Central Asia one year later: fears and wishes, 2021)

*Competition for influence in the region among other external actors*

First, we have to point out that EU is not the only external actor in Central Asia. There is a long historical competition among big and middle powers to exercise influence in the region. It is essential to note that neighboring powers have always viewed the region as the target of their territorial expansion. Countries such as Russia, China and even Turkey considered it to be their sphere of influence. Russia coveted control over the Great Silk Road crossing this region and wished to expand its Tsarist Empire until the border with the British India; that's why, they started the process of the so-called "russification", the cultural and military expansion in the 1800s, which lasted until the Soviet era (V.Shvedovsky, 2016)

In the 1990's, the USA was interested in this area to counter the vacuum of power provoked by the collapse of the Soviet Union, and also for security reasons (mainly, Afghanistan) and for its natural resources. Since the beginning of the 21<sup>st</sup> century China expressed its interest on this area for possible economic growth and logistics purposes.

Of course, lack of historical knowledge and geopolitical factor can be considered as one of the barriers for the successful implementation of the EU Strategy. For instance, given the conditions in the region, fetishizing democracy in traditional clan states destroys the EU's possibilities, instead of fostering them. In addition, decision-makers in the region actually tend to cooperate with partners, who do not seek for democratic infrastructure and foundations (like China).

The Russian and Chinese sides have achieved significant success in Central Asia. In addition, one cannot ignore the economic ties of these countries with Russia and the dependence of the GDP of individual Central Asian countries on remittances from labor migrants who work there.

For this reason, in the new strategy, the EU is focusing on humanitarian projects –primarily educational programs, as well as security issues, linking its cooperation with Central Asian states with the improvement of the situation in Afghanistan. The EU realizes that competition in the region is not in its favor, it does not have advantages, but hopes to use soft power tools. At the same time, the new EU strategy does not take into account the positions of China and Russia,

and does not offer joint approaches. (N.Eremina, 2019)

*EU's financial investments to Central Asia*

It seems that the EU is not ready to invest significant sums in interaction with the region. The EU provided the region with approximately \$ 1.2 billion in free aid between 2014 and 2020. However, following a strategy update in 2019 to strengthen political dialogue and expand cooperation on rule of law and education, environment and water resources, the EU's financial investment in Central Asia has changed. "These financial resources were provided at a time when the EU faced the consequences of the global financial crisis. This is the best evidence of the EU's strong commitment to security, stability and prosperity in Central Asia – the key objectives of our strategy," said Peter Burian. (A.Yergaliyeva, 2020)

China's trade with the region has grown tenfold since 2000, and has invested about US \$ 25 billion there since 2013; Beijing is already the main trading partner of Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan, but at the regional level it ranks second after the EU with 20% of foreign trade, followed by Russia (just under 20%). Moreover, funding is likely to grow again in 2021-2027, if the European Commission's proposal to raise total funding for its external action across the globe by 30% is approved. (M.Russell,2019)

However, economic reform and trade development seem like empty promises until the real needs of countries become clear. For example, Kazakhstan cannot be compared with Tajikistan or Turkmenistan, and Kyrgyzstan cannot be compared with Uzbekistan. There are huge differences in the economic structures of countries, economic policies, and even in economic philosophy. The first step is to identify areas that can be beneficial for EU companies, namely those that open up investment opportunities, boost trade and reduce risks. Why is the Astana International Financial Center (AIFC), which aims to become the region's financial center with significant international support, not mentioned in the EU Strategy? AIFC was founded within the "Kazakhstan 2050" program, initiated by President Nazarbayev for the 2017 EXPO in Astana (now Nur-Sultan), with the aim of transforming the Eurasian Economic Union (EEU) to be the financial center of Central Asia, the Caucasus, West-China and Mongolia by integrating innovative financial technologies. Moreover, China has invested € 22.5 billion in the Central Asian part of the Belt and Road Initiative (BRI) since 2017, while the EU invested only € 1 billion. In terms of foreign trade, China has

become one of the largest partners of Central Asia. (László Vasa, 2020)

*Ineffective tools or EU's obscure prioritization*

On December 7<sup>th</sup>, 2020, the EU Council adopted the Global Human Rights Sanctions Regime. It was one of the serious EU actions against Human Rights violations. According to it: 1) There is no geographic reference, which implies the possibility of imposing sanctions for violations of Human Rights committed anywhere, even outside the EU; and 2) Sanctions can be imposed on both citizens and state and non-state structures. At the same time, it is difficult to say to what extent the EU will be ready to apply these instruments of influence in relation to the Central Asian countries, on the one hand, and to what extent the latter are ready to improve their observance of human rights, especially political ones, in order to avoid such a possible impact, on the other hand.

In addition, the EU itself, in the context of the implementation of both the previous and the new strategies, does not have a clear prioritization and relationship between different directions of its policy towards Central Asia and within the framework of bilateral interaction with each of the countries of this region. These states, in turn, due to the specifics of the development of each of them, have no interest in jointly defining and promoting any common standards in the field of democracy and human rights. (A.Chebotyrev 2021: 118-119)

## Conclusion

As the Central Asian countries try to comply with EU / international norms to obtain preferences, the rate of their receipt remains very low. When EU VP/HR Catherine Ashton said that more than just soft power is required for Europe to be a reliable player in the world, she spoke about the need for a military (hard) power. (EDA Annual Conference: key quotes)

However, actually the EU power is not just a soft power, but it is a normative one. This is because Europe itself is based on the norms that the EU wants to promote, starting from the *acquis Communautaire*. This *acquis* has to be accepted by any candidate country, but also to deepen their relationship with partners. Moreover, while candidates and neighbors are very interested in bringing their legislation in line with EU norms, other countries, including Central Asian countries, need an extra motivation to be more interested in adopting EU values.

Despite the fact that Central Asia is not considered a neighboring region, the EU is trying to extend its rules and set their standards here too.

The new EU Strategy for Central Asia emphasizes the importance of new generation of bilateral Enhanced Partnerships and Agreements (EPCAs) that contribute to legislative convergence as a cornerstone of EU engagement in the region (Joint communication to the European parliament and the council, 2019) The EU Council's conclusions on the new strategy also highlight the EPCA, stressing that the scale of EU relations is linked to the willingness of individual Central Asian countries to reform and strengthen democracy, human rights, rule of law and the independence of the judiciary, as well as to modernize and diversify the economy (Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia).

The most important instrument in strengthening the EU's interaction with these countries was the annual meetings of the EU representatives and the governments of the Central Asian countries, as well as various programs with a humanitarian emphasis. On July 7-8, 2019, such a regional meeting was held in Bishkek (Kyrgyzstan). It was there that the new EU strategy for Central Asia was officially presented. At the same time, the analysis of this document shows that the EU is not so much ready to step up its activities in the region, but rather focuses on general global and geopolitical changes that must be taken advantage of and that must be taken into account in strengthening the partnership.

The success of EU Strategy of 2007 was mixed. Overall, there has been only marginal progress towards achieving the goals set by the 2007 EU Strategy for Central Asia. Highlights include the establishment of closer diplomatic relations at the highest level and the opening of EU Delegations throughout the region, including the long-awaited opening of a new EU Delegation in the capital of Turkmenistan in 2019. The EU also successfully conducts annual human rights dialogues in the area of human rights in all five Central Asian republics, which is an important and unique platform for promoting human rights in the region. (M.Russell, 2019)

The implementation of the strategy influenced the intensity of a number of programs and initiatives carried out by the European Commission and individual EU member states in Central Asia and aimed at addressing various development issues in the region. Among those it should be noted:

- Central Asia Border Security Initiative (CABSI)
- Border Management Programme in Central Asia (BOMCA)
- Central Asia Drug Action Programme (CADAP)

- Rule of Law in Central Asia Initiative
- Central Asia Invest Program
- Central Asia Sustainable Energy Program (CASEP)
- EU Water Initiative for Eastern Europe, Caucasus and Central Asia
- Central Asian Science and Education Network
- Central Asian education platform
- Program of action 2 Erasmus Mundus (A.Chebotyrev 2021: 10)

In the new EU Strategy of 2019, some new issues have come to the fore, while others have lost their relevance as such, and the differences between the two strategies reflect these changes. An important topic is “connectivity”: in this area the EU would like to establish clearer rules in Central Asia. Another difference is the emphasis on an inclusive approach to collaboration. Inclusiveness implies that cooperation is open for all countries in the region, as well as for other non-state actors.

However, there are some factors that may hinder for the full success of the new Strategy, such as unwillingness to invest significant sums, a great competition for influence among the countries of middle and big powers could serve as one of the factors. In addition, the bright difference between the cultures serves as a barrier for better joint work and cooperation. Of course, the EU is confident that Central Asia needs changes. The region needs new models of economic development and economic diversification. Specifically, we are talking

about developing the private sector, improving the investment climate, reducing inequality and accelerating the transition to a green, waste-free economy, etc. However, for EU to inculcate European standards in the Central Asian region where the rates of corruption are high and the level of democracy is low is going to be hard. Therefore, the framework for EU relations with the region depends on “the willingness of individual Central Asian countries to carry out reforms, strengthen democracy, human rights, rule of law and judicial independence, and modernize and diversify the economy.”

Moreover, as the head of the EU Delegation to Kazakhstan, Aurelia Bouchez, notes that the further development of Central Asia and relations with the countries of this region is recognized as one of the key areas of the EU policy. On the other hand, she admitted that the EU and the countries of Central Asia do not know each other very well and not all proposals and projects of the European Union are accepted in the region. At the same time, according to Bouchez, Central Asia increases its position on the world agenda. Therefore, the European Union will continue to develop its policy in the region through, in particular, attracting here direct foreign investment. According to Bouchez, the EU will adapt to the changing environment and is ready to act as a source of various proposals. It is also important for the EU to avoid dividing lines in relations with the countries of the region.

## References

- Antonio Alonso Marcos. (2021). Some keys to understand social changes at the Contemporary History. Madrid, Spain: Dykinson.
- Antonio Alonso Marcos. (2021). The new EU Strategy for Central Asia one year later: fears and wishes. *Al-Farabi Kazakh National University Bulletin. Series of international relations and international law*, 93(1), 49-55. Retrieved from <https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/view/1185/1073>
- Chebotyrev A., M.Gubaidullina. (2021) *Evropejskij sojuz i strany Central'noj Azii: vozmozhnosti i perspektivy sotrudnichestva v svete novoj strategii [European Union and Central Asian Countries: Opportunities and Prospects for Cooperation in the Light of the New Strategy]*. Almaty.
- General Secretariat of the Council. (2019). Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia. Retrieved from <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf>
- Dzhuraev J, Nargiza Muratalieva. (2020). Strategija es v central'noj azii: K uspehnoj realizacii novoj strategii [EU strategy in Central Asia: Towards a successful implementation of the new strategy]. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf>
- EEAS press. (2019). Closing remarks by the High Representative, Vice President, Federica Mogherini, 1st EU – Central Asia Forum. Retrieved from [https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/65103/closing-speech-high-representativevice-president-federica-mogherini-1st-eu-central-asia-forum\\_en](https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/65103/closing-speech-high-representativevice-president-federica-mogherini-1st-eu-central-asia-forum_en)
- EDA Annual Conference: key quotes. Retrieved from [https://www.eda.europa.eu/home/12-01-31/EDA\\_Annual\\_Conference\\_key\\_quotes\\_morning\\_session](https://www.eda.europa.eu/home/12-01-31/EDA_Annual_Conference_key_quotes_morning_session)
- Eremina N. (2019). *Evrosojuz v Central'noj Azii: Strategija proniknovenija [European Union in Central Asia: Penetration Strategy]*. Retrieved from <https://eurasia.expert/evrosoyuz-v-tsentralnoy-azii-strategiya-proniknoveniya/>
- Joint Communication to the European Parliament and the Council: The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. (2019). Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019JC0009&from=EN>

- László Vasa. (2020). The European Union Strategy on Central Asia: out of game? *Romanian journal of European affairs*, 20(2).
- Russell M. (2019). The EU's new Central Asia strategy. Retrieved from [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS\\_BRI\(2019\)633162\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf)
- Sevost'janova I. (2015). Obnovlennaja strategija sotrudnichestva ES so stranami Central'noj Azii otkroet novye perspektivy pered Kazahstanom [The updated strategy of cooperation between the EU and the countries of Central Asia will open up new prospects for Kazakhstan]. Retrieved from <https://vlast.kz/politika/11798-obnovlennaa-strategia-sotrudnichestva-es-so-stranami-centralnoj-azii-otkroet-novye-perspektivy-pered-kazahstanom.html>
- Sinikukka Saari. (2019). Novaja strategija ES po usileniju vzaimosvjazannosti v Central'noj Azii i ee vyzovy [New EU Strategy for Strengthening Connectivity in Central Asia and its Challenges]. Retrieved from <https://www.caa-network.org/archives/16304>
- Shvedovsky, V., Standrik, A., Bilan, Y. (2016). Economic and Social Institutions: Modelling the Evolution Paths for the Archaic Society. *Economics and Sociology* 9 (2), 137-147.
- Weisskopf.A. (2020). Faktor klanov: osobennosti bor'by s korrupciej v Kazahstane [The clan factor: features of the fight against corruption in Kazakhstan]. Retrieved from <https://www.dw.com/ru/faktor-klanov-osobennosti-borby-s-korrupciej-v-kazahstane/a-55298649>
- Yergaliyeva A. (2020). FDI to Central Asia Reached 378.2 billion Over Past 13 years. Retrieved from <https://astanatimes.com/2020/12/fdi-to-central-asia-reached-378-2-billion-over-past-13-years/>
- 17th EU-Central Asia Ministerial Meeting. Turning Challenges into Opportunities press release. (2021). Retrieved from [https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP\\_21\\_6219](https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_6219)

А.А. Ермекбаев<sup>1\*</sup>, М.К. Киікбай<sup>1</sup>, Л.Ж. Абжапарова<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

<sup>2</sup>Казахский университет международных отношений  
и мировых языков имени Абылай хана. Алматы, Казахстан

\*e-mail: adilbekea@gmail.com

## ИСТОРИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена рассмотрению вопросов геополитического противостояния России и Османской империи в Центральной Азии, начиная с середины 19 начала 20 века. Усиление колониального давления России в Центральной Азии спровоцировала рост антиколониальных выступлений в регионе. Рассматривая вопросы борьбы мировых держав за доминирование в регионе, большинством исследователей значительно мало уделяется внимание вопросам русско-турецкого противостояния, оставляя данный вопрос в тени «Большой игры» Великобритании и России. В частности исследователями вопросы русско-турецкого противостояния географически ограничиваются регионом Кавказа и Балканского полуострова.

Угроза русской колонизации заставляли народы Центральной Азии искать союзников, среди которых Османская империя являлась предпочтительным. Для Турции поддержка национально-освободительных движений мусульманских народов была своеобразной разменной монетой в противостоянии с Россией. Неудачи на Балканах и на Кавказе Турция стремилась компенсировать за счет поддержки антирусских настроений в Центральной Азии. Открыто выступить против России и оказать прямую военную помощь востаням Турция не имела возможности, поэтому роль Турции ограничивалось проведением антирусской пропаганды.

Испытывая трудности в противостоянии с великими державами той эпохи, Турции не смогла достаточным образом оказать помощь, но сам факт присутствия турецкого влияния на национально-освободительные движения является важным направлением для дальнейших исследований. Также можно утверждать что угроза турецкого влияния во многом определило политику Царизма и Большевиков в Центральной Азии.

**Ключевые слова:** национально-освободительные движения, колониализм, Османская империя, пантюркизм, младотурки, османизм, национальное самосознание, «Большая игра», пантуранизм, джадидизм.

A. Yermekbayev<sup>1\*</sup>, M. Kiikbai<sup>1</sup>, L. Abzhaparova<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

<sup>2</sup>Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages. Almaty, Kazakhstan

\*e-mail: adilbekea@gmail.com

### The history of Turkey's "soft power" in Central Asia

The article is devoted to the consideration of the issues of the geopolitical confrontation between Russia and the Ottoman Empire in Central Asia, since the mid-19th and early 20th century. The strengthening of Russia's colonial pressure in Central Asia provoked the growth of anti-colonial protests in the region. Considering the issues of the struggle of world powers for dominance in the region, most researchers pay little attention to the issues of the Russian-Turkish confrontation, leaving this issue in the shadow of the «Big Game» of Great Britain and Russia. In particular, the researchers consider the issues of the Russian-Turkish confrontation geographically limited to the region of the Caucasus and the Balkan Peninsula.

The threat of Russian colonization forced the peoples of Central Asia to seek allies, among whom the Ottoman Empire was preferred. For Turkey, the support of the national liberation movements of Muslim peoples was a kind of bargaining chip in the confrontation with Russia. Turkey sought to compensate for the failures in the Balkans and the Caucasus by supporting anti-Russian sentiments in Central Asia. Turkey was not able to openly speak out against Russia and provide direct military assistance to the East, so Turkey's role was limited to conducting anti-Russian propaganda.

Experiencing difficulties in the confrontation with the great powers of that era, Turkey was not able to provide sufficient assistance, but the very fact of the presence of Turkish influence on the national

liberation movements is an important area for further research. It can also be argued that the threat of Turkish influence largely determined the policy of Tsarism and the Bolsheviks in Central Asia.

**Key words:** national liberation movements, colonialism, Ottoman Empire, pan-Turkism, Young Turks, Ottomanism, national identity, "Big Game", pan-Turanism, Jadidism.

А.А. Еремекбаев<sup>1\*</sup>, М.К. Киікбай<sup>1</sup>, А.Ж. Абжапарова<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан

<sup>2</sup>Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан

\*e-mail: adilbekea@gmail.com

### Түркияның Орталық Азиядағы «жұмсақ күш» көрінісінің тарихы

Мақала 19 ғасырдың ортасы мен 20 ғасырдың басынан бастап Орталық Азиядағы Ресей мен Осман империясының геосаяси қарама-қайшылығы мәселелерін қарастыруға арналған. Ресейдің Орталық Азиядағы отаршылдық қысымының күшеюі аймақтағы отаршылдыққа қарсы көтерілістердің өсуіне себеп болды. Әлемдік державалардың аймақтағы үстемдік үшін күресін қарастыра отырып, көптеген зерттеушілер бұл мәселені Ұлыбритания мен Ресейдің «Үлкен ойынының» көлеңкесінде қалдырып, орыс-түрік қақтығысына аз көңіл бөледі. Атап айтқанда, зерттеушілер орыс-түрік қарама-қайшылығының мәселелерін географиялық жағынан Кавказ және Балқан түбегі аймағымен шектейді.

Орыс отарлауының қаупі Орталық Азия халықтарын одақтастар іздеуге мәжбүр етті, олардың арасында Осман империясы қолайлы болды. Түркия үшін мұсылман халықтарының ұлт-азаттық қозғалыстарын қолдау Ресеймен қарама-қайшылықта айырым монетаның бір түрі болды. Түркия Балқан мен Кавказдағы сәтсіздіктерді Орталық Азиядағы анти-ресейлік көңіл-күйді қолдау арқылы өтеуге тырысты. Түркияға Ресейге ашық қарсы тұру және шығыстарға тікелей әскери көмек көрсету мүмкіндігі болмады, сондықтан Түркияның рөлі Ресейге қарсы үгіт-насихат жүргізумен шектелді.

Сол дәуірдің ұлы державаларына қарсы тұруда қиындықтарға тап болған Түркия жеткілікті түрде көмек көрсете алмады, бірақ түріктің ұлт-азаттық қозғалыстарға әсер ету фактісі алыс зерттеулер үшін маңызды бағыт болып табылады. Түрік ықпалының қаупі Орталық Азиядағы патша мен большевиктердің саясатын анықтады деп айтуға болады.

**Түйін сөздер:** ұлт-азаттық қозғалыстар, отаршылдық, Осман империясы, пантюркизм, жас түріктер, османизм, ұлттық өзін-өзі тану, «үлкен ойын», пантуранизм, джадидизм.

## Введение

Колониальная экспансия России в Центральной Азии усилилась во второй половине XIX века, и прежде всего это надо рассматривать как результат смены вектора колонизации в следствии неудач политики царизма на Кавказе и на Балканах, а также усиливающей ролью региона Центральной Азии как плацдарма дальнейшего проникновения в Азию. В указанный период и Османской империи происходят существенные изменения, с приходом к власти Султана Абдулхамиды II в Турции начинает доминировать идея исламской солидарности и использования ее против основного врага империи России. Мусульманские народы Российской империи были основным направлением для усиления влияния Османской империи, с приходом в Афганистан Британской империи ситуация в регионе начала стремительно меняться и борьбу за господство в регионе окрестили «Большой игрой», несмотря на то что основными игроками в этой «игре»

были англичане и русские, османская империя стремилась использовать идею цивилизационной и религиозной общности с народами Туркестана для ослабления влияния России и Британии. Национально-освободительные движения в Туркестанском крае также усилились в указанный период. Степень зарубежного влияния на национально-освободительные и антиколониальные движения является малоизученной проблемой.

С момента приобретения Казахстаном независимости, отечественная историческая наука совершила прорыв в исследовании общественно-политической ситуации в указанный период. Но существуют исторические события достоверность которых требует тщательного анализа и изучения. Раскрытие поможет заполнению исторических пробелов и полной реконструкции событий в Туркестане в период усиления геополитического противостояния в регионе.

Целью данного исследования является изучение и анализ степени влияния русско-турецко-

го соперничества на национально-освободительные движения в Туркестане, достижение данной цели позволит воссоздать полную картину протестного движения в регионе, и определить степень влияния идеи мусульманской/тюркской солидарности на общественно политическую ситуацию в регионе.

### Методы исследования

Колонизация Туркестана, внешний фактор и национально-освободительные движения имеют неоднозначную оценку в отечественной историографии. Прежнее доминирование советской идеологической мысли, информационное влияние современной российской науки приводит к отрицанию тесных связей народов Туркестана с Османской империи. Сформированная под влиянием России «клетка» об отсутствии каких-либо отношений между народами Туркестана и Османской империи в период колонизации региона требует научного опровержения, в исторической науке Казахстана до сих пор нет четкого ответа. Современная историческая наука в Турции, в странах Центральной Азии и даже в России признает тот факт, что несмотря на какие-либо исторические и геополитические трудности связи между тюркоязычными народами не прерывались в период царизма, только в короткий отрезок истории Советизации Центральной Азии связи были нарушены.

Основная концепция исследования заключается в исследовании роли России и Османской империи в истории народов Туркестана. Геополитический и исторический анализ позволит исследовательской группе взглянуть на события в контексте русско-турецкого, русско-британского противостояния, тем самым лучше понять принятие тех или иных решений.

Для решения поставленной цели авторами были использованы методы историзма, системности, исторической компаративистики. Важен также междисциплинарный подход, под которым подразумевается, в данном случае, «кумулятивный» эффект исследовательских групп и аналитических особенностей исторических и политических дисциплин.

В изложении исследуемого материала был избран проблемно-хронологический принцип. Он способствует с одной стороны, освещению истории Казахстана, истории народов Центральной Азии в определенной последовательности и взаимосвязи, с другой, позволит выделить и раскрыть ряд актуальных проблем в данной области.

### Обзор литературы

Внушительный вклад в изучении историографии дореволюционного Казахстана и проблем национально-освободительных движений в указанный хронологический период внесли отечественные ученые, такие как – И.В. Ерофеева (1990), Д.И. Дулатова (1984), Н.Е. Бекмаханова (1972) и другие.

С обретением независимости, вопрос национально-освободительного движения был «декоммунизирован» и огромный вклад в раскрытие основных проблем были сделаны следующими учеными, как В.З. Галиев (1993), М.К. Койгелдиев (1994), С.Ф. Мажитов (1994), Е.Н. Ермуханов (1993), Л.М. Хасанаева (2002) и К.Р. Несипбаева (1999).

В современной отечественной науке вклад в изучение борьбы за независимость и антиколониальное движение тюркских народов было изучено С. Шилдебаем (2001). В его работе одной из первых, прослеживается попытка в отечественной истории изучения проблем тюркской идеи в национально-освободительных движениях.

Особый интерес вызывают труды зарубежных авторов: Н. В. Терентьева (2003), А. Беннигсен (1991), Ш. Лемерсье-Келькежей, Keleşyılmaz V (1999). А.Д. Васильев (2015) Литвинов В.П (2016).

Таким образом, в отечественной науке мало работ, связанных с изучением данного вопроса, в котором комплексно проводится обзор с применением политического и исторического анализа событий в региональной истории второй половины 19 века и начала 20 века. При этом нами значительно было изучено взаимоотношение местных правителей с соседними государствами, и в первую очередь вопросы влияния геополитического столкновения интересов Российской и Османской империи. Результаты исследования позволяют дать объективную оценку событиям связанных с национально-освободительным движением и политикой колонизации.

### Дискуссия

Проблемы изучения национально-освободительного движения в регионе, изучены достаточно, но вопросы деятельности «извне» является предметом острого научного спора. Искать «турецкий след» в восстаниях и других политических событиях стало актуально только в последнее время, свидетельства тому наличие

неопубликованных или не введенных в научный оборот источников в архивах Узбекистана, Турции и России. Основным нашим приоритетом в изучение данного вопроса, должна стать объективная оценка достоверности фактов в данных источниках.

Например, часто о «турецком следе» (иногда используют германский след, исходя из фактов турецко-германского союза) в восстании 1916 года заявляли турецкие ученые ссылаясь на мемуары политических иммигрантов, советская историография зачастую отрицала роль влияния из вне. Современная российская историческая наука, в следствии усиления культурного и политического влияния Анкары в регионе после распада СССР, признает факт деятельности турецких эмиссаров в эскалации ситуации в регионе накануне начала восстания не только 1916 года, но и восстания на Мангышлаке в 1870 году.

Научная новизна также заключается в том, что отечественной исторической наукой не полностью изучены проблемы, связанные с деятельностью различных фондов (зачастую в гуманитарных целях) занимавшимися сбором агентурной информации о состоянии дел в Туркестане. В частности, в отечественной науке мало изучены вопросы роли и деятельности духовенства в формировании антиколониальных настроений. Российскими учеными ведутся исследования о связи местного духовенства во время пребывания их в паломничестве в Мекке и Медине с турецкими властями. Стоит также отметить что политика «мягкой силы» проявлялась и в царской политике в отношении региона.

Актуальность также проявляется в том, что сегодня в учеными Турции и Узбекистана ведутся работы по введению в научный оборот трудов местной знати (в частности мемуаров, переписок с турецкими чиновниками, духовенством), иммигрировавшей после утверждения советской власти в Турцию.

Вопросы разного подхода в отношении национально-освободительных и антиколониальных движений среди казахской интеллигенции в частности расхождения между алашординцами и сторонниками Кокандской автономии могут быть следствием и влияния российской или турецкой пропаганды, выяснение которого также является актуальной проблемой современной казахстанской науки.

Географическая отдаленность Турции и Туркестана, и исторические события, связанные с «Восточным вопросом» не повлияли на сохранение традиционных связей между народами, как

это раньше утверждалось ранее, связи между Турцией и Центральной Азией были временно приостановлены только в результате установления полного контроля Советской властью над регионом, выявление фактов и изучение данного вопроса актуально и в контексте изучения вопросов общности тюркских народов.

Для Турции регион всегда являлся стратегически важным, цивилизационную общность с народами региона Анкара всегда пыталась использовать в своей политике. До прихода русской колониальной администрации в регион, позиции Турции были относительно слабы, а центрально-азиатские ханства не спешили признавать за турецким султаном титула Халифа правителя всех правоверных. По мнению российского ученого Литвинова, это обуславливалось стремлением местных правителей сохранить свою власть и не оказаться в подчинении султана (Литвинов, 2016). Практически весь период русско-турецкого противостояния на Балканах и Кавказе, особенно после Крымской войны середины 19 века на который приходится период активизации колониальной экспансии царизма в регионе, османы пытались использовать антиколониальные выступления в регионе, как инструмент давления на Россию.

Российская империя в 30-х гг. XIX века начала возводить фортификационные сооружения в каспийском регионе, что вызвало опасения со стороны Османских властей, и стала причиной активизации деятельности турецкой агентуры по усилению антироссийских настроений в регионе. В большинстве случаев «турецкая агентура» состояла из мусульманских проповедников суфиев, полонников. Такая тенденция имело место и в конце XIX начале XX века, когда отмечалось усиление турецкой религиозной пропаганды. Тогда было немало выявлено фактов ареста турецких подданных за антиколониальную пропаганду и подстрекательства на убийства русских переселенцев в регионе.

Активизация религиозной пропаганды было обусловлено тем фактом, что религиозная общность объединяла этнические группы региона в антиколониальной борьбе, к таким фактам можно отнести восстание в Андижане, где во главе руководства стояли не политические, а религиозные авторитеты региона как Дукчи Ишан. Помимо центрально азиатских ханств османы пытались установить отношения с правителем Восточного Туркестана Якуб бек Бадаулетом который пытался добиться признания и поддержки созданного им государства Йеттишар со сторо-

ны Османской (Васильев, 2016) и Германской империй. Немецкий кайзер оказывал сильное влияние на Султана и использовал Турцию как союзника для противостояния с Россией и Британией. Именно Германская империя стала основным катализатором Пантюркистских идей на территории Российской империи. По утверждению кыргызского исследователя Амана Салиева, «вышеизложенное свидетельствует о том, что в рассматриваемый период Османская империя активно использовала религию и ее учреждения в своей геополитике в Центральной Азии, что, однако, имело ограниченный эффект, поскольку в торгово-экономическом отношении регион был издавна более связан с российскими рынками» (Салиев, 2019). Недовольство в регионе турецкая агентура пыталась использовать в своих целях и в период Первой мировой войны. Тогда для ослабления давления русских на кавказском фронте была предпринята попытка придать восстанию 1916 года характер протурецкого движения. В основном тогда антирусская пропаганда велась с территории Восточного Туркестана, где по донесениям царской разведки увеличилась германо-турецкая агентурная деятельность (Маджун, 2016).

В период установления советской власти отношения между Турцией и странами Центральной Азии были разорваны, и возобновились только в последние годы существования СССР.

### Заключение

Подытоживая данное исследование, можно утверждать что в период усиливающегося влияния царизма в регионе, национально-освободительные движения подпитывались извне, в частности определенную роль сыграла в них Османская империя. В частности турки пытались использовать антирусские настроения в регионе в своем геополитическом противостоянии с Россией. Как мы утверждали ранее, географическая

отдаленность региона, и отсутствие прямого сообщения не позволяли Турции оказывать прямую военную помощь, и степень воздействия ограничивалась в частности заверениями со стороны турецких иммисаров по поводу возможной помощи при определенных обстоятельствах.

Огромную роль в турецкой пропаганде была отведена религиозным деятелям, хотя титул Халифа, который имел турецкий султан делало его покровителем всех мусульман, но признавать его власть в регионе не спешили. Антирусские проповеди велись не только на территории Центрально-азиатских ханств, но и на территориях уже занятыми русскими властями. В частности, мест где велась эта работа были колодцы в пустынных областях и места, которые почитались полонниками. За пределами российской империи на территориях подконтрольные Османам, также велась активная агитация, создавались общества поддержки и немало было фактов жертвований для мусульман региона.

Турция понимала, что в вопросах противостояния с Россией и Британией необходима поддержка более сильного союзника, и данная роль отводилась Германской империи.

Боязнь турецкого влияния и роста пантюркизма заставило царскую администрацию изменить свое отношение в покоренных районах. В дальнейшем проведенная политика территориального размеживания и формирования союзных республик должно было способствовать росту национального самосознания и ослаблению пантюркистских настроений. Но данный вопрос нуждается в более детальном исследовании.

*Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук «Разработка социологической методики диагностики группы риска экстремистского поведения среди молодежи» (МК-1466.2022.2).*

### Литература

- Ерофеева И.В. Присоединение Казахстана к России как историографическая проблема // Историческая наука Советского Казахстана (1917 -1969 гг.). Очерки становления и развития. Алма-Ата, 1990. С. 154 -172.
- Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861—1917гг.). Алма-Ата, 1984
- Бекмаханова Н.Б. История дореволюционного Казахстана в новейшей советской литературе (196S – 1971гг.) // Вопросы истории. 1972. №10. С. 127 – 134
- Галиев, В. З. Национально-освободительное движение казахского народа в свете новых исследований // Мысль: Республика. обществ. -полит. журн., Алма-Ата. – 1993. – № 11. – С. 77–81.
- Қойгелдиев М.Қ. 1905 – 1917 жж. қазақ демократиялық интеллигенциясының қоғамдық-саяси қызметі: Тарих ғылымд. докт. ...дис.: 07.00.02. – Алматы, 1994. – 547 б.

Мажитов С.Ф. Вопросы методологии изучения характера колониального господства России в контексте истории Казахстана начала XX века // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1994. С. 62-73.

Ермуханов Е.Н. 1916 ж. көтерілістің тарихи мәселелері (1914 ж. – 1917 ж. басы Ақмола мен Семей облыстарының материалдары бойынша). – Алматы, 1993. – 164 б.

Хасанаева Л.М. Борьба за возрождение казахской государственности: различные взгляды и история политических движений (первая четверть XX в.). – Алматы, 2002.

Несипбаева К.Р. Современная англо-американская историография русской экспансии и колонизации Центральной Азии (XIX–начало XX вв.). – Алматы, 1999. – 265 с.

Шілдебай С.К. XX ғ. бірінші жартысындағы Қазақстанның ұлт-азаттық қозғалысындағы түрікшілдіктің орны мен маңызы (тарихи талдау): Тарих ғылымд. канд. ...дис.: 07.00.02. – Алматы, 2001. – 184 б.

Терентьева, Н. В. Советская историография англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Нижневартовск, 2003. – 171 с.

Беннигсен А., Лемерсье-Келькежей Ш. Пресса и национальные движения среди мусульман России до 1920 года // Alem. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. – Вып. 1. – Алма-Ата: Жазушы, 1991. – 446 с.

Keleşilmaz V. Teşkilat-i Mahsusa'nın Hindistan Misyonu (1914–1918). Ankara, 1999.

Васильев А.Д. Каково было влияние Османской империи на восстание 1916 года? // Сборник докладов Международной научно-практической конференции «Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии)», Москва, 18 сентября 2015 г.

Литвинов В.П. «Святые места» мусульман Туркестана как центры антироссийской деятельности турецкой агентуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник РУДН, серия История России, 2016, № 2 – С.55-65

Салиев А. А. Религиозная составляющая политики Османской империи в Средней Азии в XIX – начале XX вв. История: факты и символы, 2019, №1 (18), С. 127-133. doi: 10.24888/2410-4205-2019-18-1-127-133

Маджун Д.С. Влияние внешних сил на ход восстания в Семиречье в 1916 г. Вестник Томского государственного университета. История, 2016 №3 (41), С. 35-43.

## References

Erofeeva I.V. Prisoedinenie Kazahstana k Rossii kak istoriograficheskaya problema I Istoricheskaya nauka Sovetskogo Kazahstana (1917 -1969 gg.). Ocherki stanovleniya i razvitiya. Alma-Ata, 1990. S. 154 -172. [in russian]

Dulatova D.I. Istoriografiya dorevolucionnogo Kazahstana (1861—1917gg.). Alma-Ata, 1984 [in russian]

Bekmahanova N.B. Istoriya dorevolucionnogo Kazahstana v novejshej sovetskoj literature (196S – 1971gg.) // Voprosy istorii. 1972. №10. S. 127 – 134 [in russian]

Galiev, V. Z. Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie kazahskogo naroda v svete novyh issledovanij // Mysl': Respubl. obshchestv. -polit. zhurn., Alma-Ata. – 1993. – № 11. – S. 77–81. [in russian]

Qoigeldiev M.Q. 1905 – 1917 jj. qazaq demokratalyq intelligensiasynyn qoqamdyq-saiasi qyzmeti: Tarih ғылымд. dokt. ...dis.: 07.00.02. – Almaty, 1994. – 547 b. [in Kazakh]

Mazhitov S.F. Voprosy metodologii izucheniya haraktera kolonial'nogo gospodstva Rossii v kontekste istorii Kazahstana nachala XX veka // Kazahstan v nachale XX veka: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie. Almaty, 1994. S. 62-73. [in russian]

Ermuhanov E.N. 1916 j. kóterilistiń tarihi máseleleri (1914 j. – 1917 j. basy Aqmola men Semei oblystarynyń materialdary boyynsha). – Almaty, 1993. – 164 b. [in Kazakh]

Hasanaeva L.M. Bor'ba za vrozozhdenie kazahskoj gosudarstvennosti: razlichnye vzglyady i istoriya politicheskikh dvizhenij (pervaya chetvert' XX v.). – Almaty, 2002. [in russian]

Nesipbaeva K.R. Sovremennaya anglo-amerikanskaya istoriografiya russkoj ekspansii i kolonizacii Central'noj Azii (XIX–nachalo XX vv.). – Almaty, 1999. – 265 s. [in russian]

Shildebai S.K. XX ғ. birinshi jartysyndaғы Qazaqstannyn ult-azattyq qozgalysyndaғы túrikshildiktiń orny men mańyzy (tarihi taldaу): Tarih ғылымд. канд. ...dis.: 07.00.02. – Almaty, 2001. – 184 b. [in Kazakh]

Terent'eva, N. V. Sovetskaya istoriografiya anglo-russkogo soperничestva v Srednej Azii v pervoj polovine XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk. – Nizhnevartovsk, 2003. – 171 s. [in russian]

Bennigsen A., Lemers'e-Kel'kezhej SH. Pressa i nacional'nye dvizheniya sredi musul'man Rossii do 1920 goda // Alem. Literaturno-hudozhestvennyj i obshchestvenno-politicheskij al'manah. – Вып. 1. – Alma-Ata: ZHazuшы, 1991. – 446 s. [in russian]

Keleşilmaz V. Teşkilat-i Mahsusa'nın Hindistan Misyonu (1914–1918). Ankara, 1999. [in Turkish]

Vasil'ev A.D. Kakovo bylo vliyanie Osmanskoj imperii na vosstanie 1916 goda? // Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Civilizacionno-kul'turnye aspekty vzaimootnoshenij Rossii i narodov Central'noj Azii v nachale XX stoletiya (1916 god: uroki obshchej tragedii)», Moskva, 18 sentyabrya 2015 g. [in russian]

Litvinov V.P. «Svyatye mesta» musul'man Turkestana kak centry antirossijskoj deyatel'nosti tureckoj agentury (vtoraya polovina XIX – nachalo HKH v.) // Vestnik RUDN, seriya Istoriya Rossii, 2016, № 2 – S.55-65 [in russian]

Saliev A. A. Religioznaya sostavlyayushchaya politiki Osmanskoj imperii v Srednej Azii v XIX – nachale HKH vv. Istoriya: fakty i simvolы, 2019, №1 (18), S. 127-133. doi: 10.24888/2410-4205-2019-18-1-127-133 [in russian]

Madzhun D. S. Vliyanie vneshnih sil na hod vosstaniya v Semirech'e v 1916 g. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univertsiteta. Istoriya, 2016 №3 (41), S. 35-43. [in russian]

---

## МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

<b>1-бөлім</b> <b>Халықаралық қатынастардың</b> <b>өзекті мәселелері</b>	<b>Section 1</b> <b>Contemporary issues of</b> <b>international relations</b>	<b>Раздел 1</b> <b>Актуальные вопросы</b> <b>международных отношений</b>
<i>Чукубаев Е.С., Даркембаев А.Е.</i> Влияние пандемии COVID-19 на проблемы голода и продовольственной безопасности..... 4		
<i>Ларина Т.И., Коперник Р.Е.</i> Молодежный экстремизм: поиск методологических решений по анализу невербальных реакций ..... 14		
<i>Джумаева Г., Бобохонов А.</i> Медиаконвергенция как инструмент формирования и использования мягкой силы в политике Китая ..... 23		
<i>Manju Shakya, Tikaram Aryal</i> Politics in humanitarian aid: rejection of Taiwan's aid by Nepal ..... 35		
<i>Abdrzakova L.N., Zhabina Zh.R., Kaliyeva A.A.</i> Humanitarian diplomacy as a tool of international relations: the position of the kazakhstani foreign policy elite and the experience of foreign countries ..... 41		
<b>2-бөлім</b> <b>Аймақтанудың</b> <b>өзекті мәселелері:</b> <b>Орталық Азия</b>	<b>Section 2</b> <b>Contemporary issues</b> <b>of regional studies:</b> <b>Central Asia</b>	<b>Раздел 2</b> <b>Актуальные вопросы</b> <b>регионоведения:</b> <b>Центральная Азия</b>
<i>Zhekenov D., Zhang Meiyu</i> A study on geopolitical risk of the belt and road construction in Central Asia ..... 52		
<i>Rakhmatulin O., Kushkumbayev A.K.</i> U.S. strategy in Central Asia: semantic analysis..... 62		
<i>Zharmakhanova Zh., Antonio Alonso Marcos</i> New EU strategy for Central Asia: barriers for its successful implementation ..... 70		
<i>Ермекбаев А.А., Куикбай М.К., Абжапарова Л.Ж.</i> История проявления «мягкой силы» Турции в Центральной Азии ..... 78		